

A movie poster for the film 'Old Faithful'. The scene is set in a vast, desolate desert landscape under a bright, hazy sky. Three soldiers in futuristic, dark-colored combat suits are the central focus. The soldier on the left is seen from the back, holding a large, complex piece of equipment. The middle soldier is facing forward, holding a rifle. The soldier on the right is also facing forward, holding a rifle. In the upper left corner, a large, reddish-orange planet with a dark, cratered surface hangs in the sky. The overall color palette is dominated by blues, greys, and the warm tones of the planet and sky.

СЕРГЕЙ ТИХОНОВ

СТАРАЯ
НАДЕЖДА

1. Город-призрак

Жара!

Время загорать у надувного бассейна, потягивать ледяной гранатовый сок и лениво сёрфить по просторам сети.

Вот только Джек Моро не собирается жить как заурядный подросток из небольшого городка. Ведь когда тебе тринадцать, а детство позади — мир только и ждёт, чтобы его попробовали на вкус.

Джек втянул живот, напомнил себе, что это пресс, и слегка подпрыгнул. Кончики пальцев уцепились за выбоину в потрескавшейся кладке церковной ограды. Высокая, как его отец, она бросала вызов и словно посмеивалась — а достаточно ли ты силён?! Сможешь ли одолеть меня?!

Он подтянулся и оседлал кирпичный гребень. Ха, да ему и не такое по плечу!

Довольный собой, Джек привалился спиной к раскидистому вязу, что вырос у стены. Его корни словно волна подхватили ограду и накренили в сторону двора, который зарос травой и сорным кустарником. Зелёный ковёр скрывал груды битого камня из рухнувшей колокольни, осыпавшуюся штукатурку и мусор, что скопился более чем за век запустения.

Старая церковь венчала холм подобно короне древнего короля. Фасад храма возвышался над давно заброшенным поселением шахтёров и лесорубов, а обратная сторона глядела на рощу, что полого спускалась к тонированной глади безмятежного озера. За ним, укрытый маревом раскалённого неба, виднелся Грайвич — молодой городок, который возник неподалёку от военной базы. Там служили или работали почти все местные жители.

— Джек! — звонкий смеющийся голос оторвал его от потрясающего вида, что открывался с гребня стены. — Тоже мне, джентльмен! Сам влез, а обо мне забыл!

Эми — его названная сестра — смуглая, гибкая, скуластая ровесница с темными вразлёт глазами и насмешливой улыбкой, стояла внизу рядом с брошенными в траве велосипедами. Она протягивала ему руку, а другой прижимала к груди альбом и карандаши, перехваченные красной резинкой.

Уже не в первый раз с начала лета сознание пронзила мысль: как же теперь отличается его сестра от той маленькой испуганной девочки с пепельными волосами, которую девять лет назад, после очередной войны на Ближнем Востоке, привёз домой отец.

— Сначала вещи! С ними я тебя на стену не заташу, есть надо меньше, — с напускной серьёзностью заявил Джек. Поймал возмущённый взгляд стройной, точно стебель цветка, девушки и расхохотался: — Да шучу я!

Он сбросил во двор альбом с карандашами, а затем втянул сестру наверх.

Вцепившись в толстые ветви старого вяза, они пару минут балансировали на гребне стены, рассматривали открывшуюся панораму и думали о чем-то своём, пока внезапный порыв ветра чуть не сбросил их вниз — на камни и сучья, устилавшие землю.

— Пожалуй, кто-то намекает, что нам пора, — Эми ухватила его за плечо и восстановила равновесие. Придерживая руками цветастое платье, она ловко спрыгнула вниз, а затем подняла альбом, бросилась к храму и на бегу поддразнила:

— Кто последний — тот дома выносит мусор!

Джек догнал её у портала церкви. Он замешкался ровно настолько, чтобы сестра успела подняться по ступеням и заглянуть за полуприкрытые ворота.

Ладно, пусть думает что победила. Не жалко, а то Эми всё чаще обижается на его стремление во всём быть первым, доминировать и в мелочах. Но он же не специально, так

само получается!

— Темно, — Эми потянула за ручку, но дверь, похоже, заклинило.

Узкая щель чернела меж дубовых створок как расселина, что ведёт в Тартар.

— Ерунда, просто глаза ещё не привыкли! — Джек оттеснил сестру и первым скользнул внутрь.

Главное — не спешить. Джек сделал несколько шагов и осмотрелся.

Вытянутый неф превратился в затенённый лабиринт из обрушившихся колонн, балок и наваленных друг на друга скамей. Узкие окна заколочены. Сразу и не поймёшь: сохранились ли за полусгнившими щитами витражи в свинцовых переплётках? А если и да, то кто из святых изображён на них?

Острроверхая крыша над трансептом частично обрушилась, пропуская внутрь немного света. Он породил странные изломанные тени, что лишь сгущали царивший в зале полумрак.

Впереди, за алтарём, на чудом уцелевшей штукатурке виднелось изображение Христа. Выполненный во всю стену он раскрывал объятия прихожанам.

Джек помог сестре пробраться внутрь и медленно двинулся к островку света. Удерживая Эми за руку, он лавировал меж обломков камня и дерева, осторожно ступал по пружинящему ковру из пыли и листьев.

Да уж, немало мусора нанёс ветер, который задувал сквозь незакрытый портал и дырявую кровлю.

Эми присела на то, что раньше служило алтарём.

Солнечные лучи проникали сквозь дыру в крыше и освещали девушку как статую на пьедестале. Она пристроила на коленях альбом, грызла кончик карандаша и время от времени покрывала лист уверенными штрихами.

Джек медленно обходил храм и высматривал всякие «странности».

Тайник с кладом он обнаружить не надеялся. О подобном мечтали только наивные ребяташки из детских сериалов. Впрочем, неплохо было бы найти что-то примечательное, что словно молния поразило бы его новых друзей. Ведь хоть те и считались «местными», но, как и прочие старожилы, обходили стороной «проклятую» церковь.

Пока сестра рисовала, Джек нащёлкал с полдюжины селфи и коротких видео. Жаль только подсветка дешёвого смартфона едва вытягивала густой полумрак. Впрочем, чтобы похвастать перед Питом Голдсмитом и его сестрой Дженни этого хватало за глаза.

Предвкушая момент своего триумфа, он направился к выходу. Надо поймать сигнал и скинуть фотографии в сеть.

Джек споткнулся и растянулся на полу.

Проклятье! Лишь чудом не насадил голову на обломок колонны!

— Дже-е-ек?!

В голосе Эми звучала тревога, так что он помахал ей рукой:

— Все в порядке, просто чёртова темнота!

— Не поминай дьявола в Доме Божьем, — Эми изобразила скрипучий голос мистера Хансона, местного пастора, а затем прыснула со смеха в кулак.

— Да-да, ваше преподобие, — буркнул Джек, стряхивая с одежды паутину и потирая ушибленный локоть.

Он наклонился и присмотрелся к бревну, которое подставило ему подножку.

Джек нахмурился.

— Что там? — Эми привсталла с алтаря, вытянула голову вперёд, словно любопытная цапля. — Что-то интересное?

— Ерунда, просто деревянная статуя какого-то святого, — он не соврал, но опустил подробности.

— Окэй, — Эми вернулась к наброскам.

Понятно, что в другой ситуации та не преминула бы подскочить и всё как следует рассмотреть, но сейчас — особый случай. Похоже, замысел рисунка по-настоящему захватил сестру и задвинул происходящее вокруг неё в один из пыльных чуланов разума так же, как они в прошлом году отнесли на чердак свои детские игрушки.

Джек ещё раз провёл взглядом по упавшей статуе. Грубо вырезанное лицо, ступни лежат в потухшем кострище. Рядом валяются консервные банки. На дне поблёскивает масло.

Бродяги. Или кто похуже. Не то чтобы Джек испугался... Наверняка в церкви нет никого опаснее крыс, но если в окрестностях Грайвича появились беженцы — стоит оставаться начеку.

Пару недель назад, во время переезда через половину страны к новому месту службы отца — бывшего «зелёного берета», а теперь военного инструктора — Джек насмотрелся на бедолаг. Они брели по обочине группами, а иногда и семьями. Их гнала вперёд бушевавшая в Канаде гражданская война, экономический кризис и надежда на то, что в следующем штате всё ещё требуется пара крепких рабочих рук.

Когда отец замечал на дороге очередного беженца, то до белизны в пальцах сжимал руль. Он успокаивал маму взглядом, а иногда шептал: «Ничего, скоро мы приедем туда, где ещё остался кусочек прежней Америки». Или, с горькой усмешкой: «В такие времена служить дяде Сэму не такая уж плохая затея».

Джек вздохнул и отогнал тяжёлые мысли. Заканчивай хандрить! Ты — мужчина. Думай что хочешь, но не тревожь сестру понапрасну.

Он обошёл Эми, заглянул через плечо и присвистнул:

— Мне бы твоё воображение!

Эми лишь улыбнулась краешком губ.

Чёрный карандаш порхал по бумаге, вызывал к жизни контуры будущей истории. В центре композиции, у алтаря, высился тощий священник. Казалось, будто его сутану развеивал невидимый ветер. Воздев кверху Библию, он другой рукой с гневом указывал на дверь, изгонял столпившихся у входа людей. Те сжимали ружья и факелы, а их лица искажались смесью ярости и страха.

— Ага, а кто-то не верил в рассказы Пита о тайном культе некромантов, который уничтожили шахтёры в начале прошлого века! — Джек добавил в голос замогильности: — И в истории о зомби, что угаскивали детей до тех пор, пока толпа не вздёрнула фальшивого священника в этой самой церкви!

— Ерунда, — Эми взмахнула карандашом и словно мечом рассекла им нелепые выдумки. — Твой дружок Пит — обычный болтун, который пугает девчонок у костра всякими страшилками, лишь бы те дали поприжматься!

— Он приставал к тебе?! — Джек начал закипать.

Эми тряхнула волосами, фыркнула под нос и искоса взглянула на названного брата:

— Можно подумать ты не пытался подкатить к Дженни.

Джек промолчал. Ох уж эти девчонки, и как они всё замечают?!

— Нет никаких зомби, — карандаш Эми скользил по листу. — А вот некая религиозная

секта с псевдонаучным уклоном здесь действительно была. Как и самосуд, который случился после жестокой эпидемии гриппа, что унесла немало жизней. Малограмотным суеверным людям потребовался козёл отпущения. И они его нашли в лице священника. Я проверила в архиве местной библиотеки.

— Когда это ты успела? — Джек следил, как на бумаге проступало внутренне убранство храма, ещё не разрушенное, ещё не тронутое временем и людской яростью.

— Ты удивишься, сколько всего можно сделать пока ты отстреливаешь врагов в онлайн!

Словно почувствовав, что перестаралась с иронией, Эми примирительно коснулась его руки, а затем неопределённо махнула за спину:

— Ничего странного не замечаешь?

Джек обернулся и уставился на выцветшую фреску.

Иисус как Иисус. Но раз Эми указывает на этот образ — что-то в нём есть.

Джек закусил губу и, как учил отец, разбил изображение на квадраты. Теперь можно последовательно выискивать «странности». Он нахмурился. Подсвечивая экраном смартфона наиболее затёртые части изображения, Джек принялся размышлять вслух:

— Я, конечно, не такой спец по живописи как ты, но если подумать... это церковь, место для обрядов. Службы, проповеди, свадьбы и тому подобное. А значит, всё здесь должно быть стандартным, как и в других храмах.

— Ага, — Эми отложила карандаш и ободряюще взглянула на брата.

— Так вот, на первый взгляд Иисус отображён вполне привычно: высокий молодой человек в белом... — Джек хмыкнул, — в белом балахоне. На лице улыбка, он раскрывает объятия, словно приветствует прихожан, которые входят в церковь. Вот только лет сто — сто пятьдесят назад его бы скорее изобразили страдающим на кресте: раны, муки, кровь и тому подобное.

— Теплее, теплее...

— Гляди, за ним виднеется арка. Она увита розами, но если присмотреться, то стебли превращаются в символы, которые уместны лишь на обложках эзотерических журналов, — Джек провёл по нарисованной руке, ощущая наждачную твёрдость старой штукатурки, и остановился на открытой ладони. — Ты посмотри на кончики его пальцев! Я сначала подумал, что это... — он задумался, подбирая слово.

— Папиллярные узоры.

— Точно, но это же стилизованные знаки Зодиака! А эти хиро... хиромантские линии, которые складываются на ладонях в перевёрнутые треугольники?!

— Да ты молодец! — Эми улыбнулась. — Треугольники я не заметила. Может в тебе пропадает какой-нибудь творческий талант, а?!

Джек усмехнулся довольный своей наблюдательностью. Он привлёк Эми к себе и сделал общее селфи на фоне таинственной фрески. Затем потянулся, как довольный кот, и подошёл к бывшему алтарю. Его взгляд упал на незаконченный рисунок.

Он обернулся к сестре и постучал костяшками пальцев по бумаге:

— Говоришь, нет зомби, а это кто?

— Просто тень, — Эми взглянула на сумрачный полог, что скрывал пространство за священником: — Но если приглядеться... то этот завиток — контур головы, здесь — пустые холодные глаза, а вот — складки фигуры, таящейся во мраке.

Она поёжилась:

— Наверное, вылезло из глубин подсознания после ваших глупых историй.

— Глубин! — Джек хлопнул себя по лбу. — Ты гений, Эми! Здесь же наверняка есть крипта!

Он развернулся. Хм, и где тут прячется спуск в подземелье?!

— Джек Моро! Ты ведь не оставишь меня одну? Потому что я не полезу в каменный мешок полный крыс и всякой гадости!

— Эми, ты не понимаешь, — Джек подошёл и сжал её пальцы. — Я не могу вернуться домой, не сделав пару фотографий вниз. Пит Голдсмит до конца жизни будет смеяться надо мной, уверяя, что я испугался зайти в крипту проклятой церкви! Если я этого не сделаю — всё зря!

Сестра подняла взгляд кверху и покачала головой. «Мужчины как дети. Ну что с них взять...», — сказали её плотно сжатые губы.

— Жди здесь, — шепнул он ей на ухо и спустился под землю.

На ступенях лежала дубовая балка. Не иначе как линчеватели били ею словно тараном в окованные железом створки. Вот только за прошедшие годы от двери в крипту ничего не осталось.

Рассеянный свет проникал на пару шагов, а дальше сгущался холодный мрак. Фонарик остался дома, а потому Джек снова включил экран смартфона.

Капли воды блестели на стенах. Под кроссовками поскрипывала отслоившаяся штукатурка и битый кирпич. Крипта пустовала, лишь в центре темнел массивный постамент. Он стоял под алтарём, на котором, этажом выше, сидела Эми.

Джек отогнал лёгкое разочарование. За прошедшую сотню лет бродяги наверняка стащили всё, что не унесли налётчики.

Пальцы скользнули по гранитной плите. Хм, камень сухой и тёплый, как если бы его нагрело за день, и он медленно остывал до самой ночи. Вот только солнце не заглядывало в крипту с момента закладки фундамента...

Он сделал несколько фотографий.

Ладно, если здесь ничего интересного нет, то пора вверх, проверить Эми. А то начнёт ещё беспокоиться...

Джек ощутил чужое присутствие. Такой слабый тревожный звоночек, что бьётся в груди. Как в фильмах ужасов, когда герой проводит одинокую ночь в пустом доме и страшится лишний раз пройти по тёмному коридору. Где-то там, впереди, электрический щит и рубильник. Он может залить всё успокаивающим светом, но ты боишься ступить во тьму, словно предчувствуешь касание чужака. Зло выжидает момент, чтобы утащить твою душу к себе, на другую сторону реальности...

Сверху кричат. Эми!

Джек обернулся и от неожиданности выронил смартфон, который служил вместо фонарика.

На расстоянии нескольких шагов, в дверном проёме, стоял человек. Его слепые глаза, лишённые зрачков, мерцали расплавленным серебром, а кожа сияла под белым одеянием, словно луна за облаками.

Джек отпрянул, поскользнулся на влажных камнях и рухнул на гранитный постамент.

Сильный удар заставил его на мгновение зажмуриться и до скрипа сжать зубы, а когда открыл глаза, на лестнице уже никого не было. Несколько секунд он оставался на месте, а затем вспомнил про Эми. Джек подхватил с пола смартфон, по экрану которого расползлась

паутинка трещин, и бросился наверх.

Они столкнулись на ступенях в крипту.

— Джек! Как ты?! Ты видел его?!

— С тобой всё в порядке?! Это ты кричала?!

— Да! Ты видел его?

— Человека в белом? — Джек сжал руку сестры, успокаивая её и придавая сил. —

Видел.

Пальцы Эми дрожали, так что он просто увлёк девушку за собой.

Наверху Джек подхватил альбом с алтаря и быстрым шагом направился к выходу. Уже в дверях, пока Эми протискивалась меж заклинивших створок, он развернулся и осмотрел зал.

Никого. Почему он убегает? Или... почему думает, что должен остаться?!

Джек не успел найти ответ. Стоявшая по ту сторону узкой щели меж дубовых плит сестра дёрнула его за руку. Удивительно, как похожи их переплетённые ладони на путеводную нить, что ведёт из этого места коварных тайн в другой мир — понятный и знакомый.

— Там пусто, — он выбрался во двор и огляделся. Вокруг разливался ясный день, не оставалось ни намёка на опасность. — Даже не знаю, что именно нам почудилось, но сейчас внутри никого нет.

Эми промолчала. Она потянула его к церковной ограде и лишь за стеной, добравшись до велосипедов, ответила:

— Уверена, мне это не привиделось. Не могло одно и то же явиться нам обоим.

Они медленно ехали по едва заметной тропке, что петляла по склону холма и спускалась вниз, к Грайвичу.

— Я рисовала, — Эми держалась так, чтобы Джек слышал её слова, — а когда оглянулась на ступени, ведущие в крипту, то заметила человека в белом. Он словно светился изнутри.

— Слепой.

— Наверное. Можешь дразниться, но я испугалась и непроизвольно, как ребёнок, закрыла глаза ладонями. А когда посмотрела вновь — его уже не было.

— Я и сам не лучше, — Джек на мгновение закусил губу и признался. — Вон, даже смарт разбил.

— Попадёт тебе от отца...

— Не-а, всё работает, лишь стекло треснуло. Так что необязательно об этом рассказывать. Накоплю и сам отремонтирую.

— Как думаешь, кто это был?

— Не знаю, — Джек помотал головой, словно отгонял нежеланные мысли. — Будем считать, что мы нанюхались каких-то паров метана или что там ещё может скапливаться в заброшенных склепах. Не хочу думать об этом... человеке. По крайней мере, сейчас.

Эми кивнула и остаток пути они проделали молча.

2. На краю

Солнце клонилось к закату, когда они добрались до окраин Грайвича.

Улицы прижимались к озеру полукольцом, втискивались между берегом и федеральной трассой. За ней виднелся внешний периметр Форт-Грайвич — военной базы — единственной причины, по которой городок не заглох подобно другим небольшим

поселениям на Среднем Западе.

Ехать домой не хотелось, поэтому Эми махнула брату и свернула к небольшому кафе. Внутри расположилась компания парней-старшекласников, скорее всего — будущих выпускников. Эми заметила, как Джек на мгновение закусил губу и обо всём догадалась. Похоже — «те самые».

Месяц назад, когда их семья только устраивалась на новом месте, Джек вернулся в порванной рубашке и с фингалом. На все её расспросы лишь отмахивался, а на следующее утро к ним пришёл знакомиться Питер Голдсмит — ровесник брата и его новый друг. Позже, сестра Пита, Дженни, поделилась с Эми историей о том, как местные забияки привычно издевались над одинокой жертвой, и как Джек, который возвращался после собеседования с директором новой школы, встрял за незнакомого парня. Ребятам всё же навалили, но после уже не цеплялись.

Если не боишься дать сдачи — мало кто захочет тебя доставать.

По правде говоря, позже Джек признался, что сначала прошёл мимо. Брат не хотел лезть в чужие неприятности, но почему-то развернулся и вступился за Пита. Дженни об этих колебаниях не знала, так что в её глазах Джек приобрёл ореол идеального героя.

Эми заказала пару молочных коктейлей в стаканах с трубочками. Игнорируя заинтересованные взгляды «тех» парней, она вышла на улицу.

Джек направился к ближайшему столику под разноцветным тентом.

— А поехали в парк на берегу?! — предложила Эми.

— Нет.

Она заметила, как Джек на мгновение закусил губу, и поняла — спорить бесполезно. Но всё же попыталась:

— Тут скучно, пыльная улица, а там красиво...

— Нет! — Джек обернулся. Его взгляд обжёг Эми яростью: — Я их не боюсь. И мы не будем ни от кого бегать!

Упряма как осёл! Но не бросать же его одного, в конце концов! Эми села и приготовилась стоически перенести очередную демонстрацию характера брата.

Они медленно потягивали молочные коктейли.

Молча.

Позади неё тренькнула дверь, и на улицу вырвалась шумная компания. Старшекласники прошли мимо, на стоянку, и только последний оглянулся. Высокий тощий парень с фиолетовым хаером и тяжёлой серьгой что-то сказал остальным, и все засмеялись. Зло и отрывисто. Но не остановились, а запрыгнули в побитый кабриолет и укатили куда-то к центру Грайвича.

— Можем идти? — Эми склонила голову на плечо и взглянула на брата.

— Да, — буркнул Джек. — Извини, но так надо. Так — правильно!

Эми не ответила.

— Поедем в парк? Как ты и предлагала? — подмазался Джек. — Купим мороженого...

— Уже не хочется.

Внезапно она поняла, что чертовски устала. Сначала — разведка заброшенного города, затем — пугающее видение в церкви и наконец — эта глупая выходка. Эми оседлала велосипед и направилась домой.

Поворот на свою улицу остался позади. По дороге Джек вспомнил, что хотел забрать у Питера несколько дисков с играми, так что остаток пути Эми продела одна. Ну и ладно. Всё

равно дома её ждёт мягкая кровать и новая книга Кристофера Милтона — бывшего кандидата в президенты от демократов. «Современная этика и социальная ответственность Западной цивилизации», — лучший способ забыть об этих безрассудных мальчишках...

Эми собиралась подняться к себе, но зашла на кухню, заговорила с приёмной матерью и, в конце концов, решила помочь той с ужином.

— Не стоило вам ездить в такую даль, — Джессика Моро, невысокая пухленькая женщина средних лет, покачала головой и добавила: — Старый город — глухое место. Не дай Бог что случится — никто и не поможет!

Интересно, а как бы отреагировала мама, узнай она о странных видениях, что преследовали её детей в таинственной церкви? Проверить Эми не рискнула, лишь улыбнулась в ответ:

— Ну что могло случиться?! Телефоны всегда на связи, а Джек сам кого угодно «достанет».

— Это был его замысел?

— Не-е-ет, — запнулась Эми, хотя именно брат выдернул её утром из-за ноутбука и потащил в заброшенный храм: — Я давно хотела порисовать за городом, а потому уговорила Джека съездить со мной.

Мама лишь покачала головой.

Эх, наверняка она догадалась, как всё было на самом деле, но решила не вмешиваться в дела прикрывающих друг друга подростков. И правильно! Всё-таки они уже не дети, а полноправные тинэйджеры!

Джессика обошла накрытый к ужину стол, машинально поправила салфетки и присела рядом. Она взяла ладони Эми в свои руки:

— Эматалла, — серьёзный тон заставил взглянуть ей в глаза, — Я волнуюсь, но вы уже слишком взрослые, чтобы постоянно держать вас в моём кармане. Джека не изменить — весь в отца, но тебя он слушает...

— Как же, вот сегодня...

— Тем не менее, — перебила Джессика, — постарайся, чтобы с вами обоими не произошло что-нибудь... непоправимое. Все эти сообщения в новостях, бесследные исчезновения людей по всему миру...

— Мама...

— Сегодня звонила Бет Паркер, ты же помнишь нашу бывшую соседку из Уокиген?

— Конечно.

— Её муж, Роберт, тоже пропал. Работал в мастерской. Бет позвала его раз, другой. Он не откликнулся. А когда зашла в гараж — на столе лежал включённый паяльник, вот только Роба нигде не было.

Эми хотела придумать что-то успокаивающее, но звякнула входная дверь, и по дому разнёсся бодрый голос приёмного отца, Майкла Моро:

— Я вернулся! Всем доброго вечера!

Мама сжала её пальцы, словно хотела передать нечто важное, что не выразишь банальной фразой. Впрочем, слова не нужны, когда вы связаны невидимой струной, что звенит от любви и скрытой за ней тревоги. Эми улыбнулась, погладила её ладонь. Всё будет в порядке, не волнуйся! Мама кивнула, а затем встала и, поцеловав мужа, стала подавать на стол.

Ужинать сели без Джека, поскольку по заведённой отцом военной традиции — еда

опоздавших не ждёт. Майкл, как обычно, шутил, рассказывал о забавных случаях, которые произошли за день. Но Эми замечала, что в его глазах нет-нет да мелькало нечто тщательно скрываемое, а каждая улыбка сопровождалась характерной складкой на лбу, что возникала у приёмного отца в периоды глубокой задумчивости.

Что-то случилось? Почему он так обеспокоен? Эми заволновалась, но сохранила безмятежный вид. Не спеши. Смотри и слушай. Наверняка ты всё выяснишь ещё до конца дня.

Она помогла маме убрать остатки ужина и загрузила тарелки в посудомоечную машину. Когда родители ушли в гостиную, Эми устроилась на опустевшей кухне и разложила на столе альбом.

Пальцы легонько постукивали карандашом по изображению священника, а взгляд скользил по стенам, перескакивал с предмета на предмет, пока не остановился на потускневшей фотографии, которая висела в рамке над холодильником.

Её первое воспоминание. Она и Джек. Весёлый светлокожий мальчуган и настороженная смуглая девочка с серебристыми волосами.

Эми закрыла глаза и откинулась на стуле, покачиваясь на задних ножках. Странно, когда твоя жизнь началась с четырёх лет, но она действительно не помнила себя до переезда в Америку.

Всё как в тумане. Но вот открывается дверь, и она видит мальчика, своего ровесника. Он играет на красном пушистом ковре. Паренёк встаёт, узнает отца, который вернулся с очередной войны. Он хочет броситься к нему, но замечает гостью и останавливается. Мальчик поражён, что-то спрашивает. Эми не понимает. Откуда-то сверху, из-за её спины отвечают. Голос спокойный, добрый. Мальчик наклоняет голову на плечо и слегка прикусывает губу, а затем улыбается и подходит ближе. Джек берёт её за руку и ведёт в дом, показывать свои игрушки.

Наворачиваются слёзы, и Эми отгоняет воспоминания.

Не будь такой сентиментальной! Она вытирает уголки глаз. И вовремя. С порога доносятся знакомые шаги, а через минуту в кухню влетает Джек, требуя остывший ужин и всё её внимание. Как всегда!

— Это было нечто! — эмоции распирали брата точно кола с «Ментосом». — Пит и Дженни просто обалдели, когда я задёрнул шторы в гостиной, выключил свет и скинул на проектор фотки из той церкви!

— Подозреваю, что Дженни «обалдела» куда больше, чем Питер, — подколола Эми.

— Не без этого, — подмигнул Джек и многозначительно добавил: — А уж когда я рассказал о встрече с призраком...

Эми мысленно вздрогнула, но сумела не показать этого. Мальчишки... Шутить такими вещами, шутить с тем, чего не понимаешь... Она краем глаза следила, как Джек разогревает бутерброды и активно жестикулирует, пересказывая сегодняшнее приключение в приукрашенном для друзей варианте.

Внезапно брат замер и уставился на неё:

— Что?!

— Что? — откликнулась она.

— Ну, ты так смотришь...

Гляди-ка, заметил. Впрочем — не удивительно. Обычно, Эми не составляло труда скрывать от окружающих свои мысли, но с Джеком это удавалось не часто.

— Просто мне не нравится, когда так хвастают. Я понимаю: ты хочешь показать свою крутость Питеру и произвести впечатление на Дженни, но...

— Хвастаю? — перебил он. — Сестрёнка, я сам не люблю пустозвонов! Но разве не мы забрались в проклятую церковь, куда местные и носа не кажут? Мы! Разве не ты сотворила замечательный набросок из истории более чем вековой давности? Ты! Разве не я облазил там всё, включая разрушенную крипту, рискуя сломать ногу ради удачного кадра? Я! И наконец, разве не мы увидели нечто странное, что и объяснить не можем? Мы.

Брат на мгновение замолчал. Он перевёл дыхание и закончил:

— По-моему, нет ничего постыдного в том, чтобы гордиться реальными поступками. Особенно, если твои друзья на подобное даже не решаются.

Эми не ответила. На самом деле Джек прав, вот только он не чувствует той смутной тревоги, что так беспокоит её по возвращению домой. Словно ты привлёк чьё-то внимание и не можешь понять ни кто это, ни нравится ли тебе это. И не приведут ли подобные разговоры к тому, что этот Некто переведёт тебя из разряда случайных встречных в объект для более пристального изучения?

Брат остался ужинать, а она поднялась в свою комнату. Эми приняла душ и натянула линялые джинсы с просторной футболкой. Попробовала читать, немного рисовала. Всё не то. Хотелось почувствовать кого-то рядом. Того, кто прогонит её тревогу...

Она спустилась в гостиную. Родители смотрели телевизор, переключая каналы во время рекламных блоков.

Эми залезла с ногами на диван, словно кошка пристроилась рядом с отцом, а когда его рука обняла плечо — окончательно успокоилась и выкинула из головы все странности прошедшего дня. Под конец нового сериала о коварных адвокатах Эми задремала.

Что-то изменилось, и она проснулась. Эмоциональный фон в гостиной из мягкого и успокаивающего стал тревожным и колючим, совсем как шерстяной свитер, надетый на голое тело. В нём хоть и тепло, но совсем не уютно.

Прислушалась, не шевелясь и не открывая глаз. Сверху пробивалось глухое буханье — снова Джек врубил тяжёлый евро-рок. Со стороны телевизора доносился закадровый смех и бодрый голос Бобби Коэна из одноимённого шоу.

И тут Эми уловила обрывок фразы. Мама говорила едва слышно, стараясь не разбудить спящую дочь:

— ... так думаешь?

— Официально, по базе не было новых приказов, — отец говорил тихо. — Но что-то происходит, и меня это беспокоит. Всю неделю увольняют гражданский персонал из «местных». Из тех, кто работает в «открытой» части Форт-Грайвич. Повара, уборщики, слесари... десятки, если не сотни человек. Вместо них прибывают новые люди.

— Но разве местные не справляются?

— Я задавал себе тот же вопрос. А сегодня заметил нового уборщика, который драил пол в столовой. Я минут пять не мог понять, что именно с ним не так, а потом словно прозрел. Клянусь, он двигался как человек, прошедший хорошую военную подготовку. Явно не уровня обычного резервиста. Я сам военный инструктор. В подобных вещах не ошибаюсь.

— Коммандос под прикрытием?

Эми уловила в словах матери нотки сарказма и почувствовала, как отец пожал в ответ плечами.

— Это ещё что! Ребята рассказывают, что в последние ночи за внутренний периметр

прибывают десятки грузовиков и тонированных микроавтобусов. Назад, судя по осадке, идут пустыми. Некоторые подозревают, что командование распечатало «Подземный город» и постепенно заселяет его.

— Ты про бункеры?

— Да, под базой целая система глубинных убежищ.

Эми услышала, как мама всхлипнула, и сразу же раздался успокаивающий, но при этом серьёзный голос отца:

— Милая, восемь из десяти — идут нестандартные учения. Я рассказываю об этом не для того чтобы напугать, но если выпадут оставшиеся два шанса — тебе придётся действовать очень быстро.

— Как именно?!

— Пока у меня слишком мало информации, но я не «последний» человек в Форт-Грайвич. В отличие от многих, у нас будет достаточный запас времени, так что если я позвоню — тебе придётся собрать детей и действовать: не задавая лишних вопросов, не споря и не раздумывая. А пока — пусть всё идёт, как идёт. И... ни слова никому.

Эми боялась шевельнуться. Видимо поэтому отец что-то почувствовал.

— Эми, — папа осторожно погладил её по голове, — ты спишь?

Она потянулась, изображая пробуждение, и добавила в голос сонные нотки:

— А... Что? Наверное, задремала.

Полутёмная гостиная освещалась только экраном телевизора.

Папа сжал её, поцеловал в лоб, словно маленькую девочку, но она не возражала. Эми обняла маму, пожелала родителям спокойной ночи и поднялась в свою комнату.

Она думала, что после услышанного проворочается до утра, но стоило голове коснуться подушки, как провалилась в глубокий сон без сновидений.

* * *

Солнечные лучи свободно проникали сквозь пастельные шторы и доставали в любой части кровати.

Попробуй тут выспаться! Думать о чем-либо плохом совершенно не хочется!

Эми немного поленилась, листая шикарный альбом Поленова из серии «Величайшие художники». Полноформатный, дорогой, с превосходным качеством печати — куда там экранам компьютеров и планшетов.

Лишние деньги в семье не водились, но на её страсти к рисованию родители никогда не сэкономили. Пальцы скользнули по картине. Мечтатель, присевший на камень, казался не просто живым, а реальным. Эми улыбнулась. Пусть не сейчас, но она научится, и её рисунки тоже обратятся не только к глазам, но и к сердцам людей.

По дому растёкся аромат свежеприготовленных вафель в кленовом сиропе. Эми наскоро привела себя в порядок и выпорхнула к завтраку.

Отец давно ушёл на службу. На кухне оставалась только мама.

— Смотрите-ка, ранняя пташка спустилась за червячком, — пошутила та.

— Привет! Каникулы же, можно и поспать! — Эми обняла её и устроилась за столом.

Она исподволь поглядывала на маму, старалась рассмотреть следы беспокойства или тревоги. Кажется, что всё в порядке. Или она хорошо скрывает эмоции после вчерашнего разговора с отцом, или то был просто сон. Лучше бы — второе!

Джессика, как обычно, болтала обо всём подряд, а потом замерла и всплеснула руками:

— Я ведь совсем забыла! Сегодня же «утро распродаж».

Всё как всегда! Эми мысленно выдохнула и успокоилась.

— Я уберу, — предложила она, — а ты отправляйся за покупками. Кстати, мы с Дженни тоже собирались прогуляться по магазинам. Ближе к вечеру.

— Дженни — это дочка Голдсмитов? — уточнила мама. — Мне показалось, что она... как бы это сказать...

— Не моего круга?

— Да... К тому же старше на год.

Эми улыбнулась краешком губ:

— Дженни немного зациклена на парнях и шоппинге, но... В любом случае, она хорошая девушка. К тому же других подруг у меня в Грайвиче пока нет.

— Окэй, решай сама, — Джессика коснулась её плеча и наградила одобряющей улыбкой.

— Опоздаешь на утреннюю распродажу! — напомнила Эми.

Вскоре за окном прошуршала отъезжающая машина, а через несколько минут спустился Джек. Взъерошенный как воробей и, судя по глазам, совсем не выспавшийся. Он бросил скептический взгляд на вафли и принялся готовить омлет с беконом.

— Тяжёлая ночь? — подколола Эми. — Опять играл в онлайн до рассвета?

Джек покачал головой.

— Нет, просто не спалось, — он счистил в тарелку подгоревшую еду и буркнул под нос так, что Эми едва расслышала окончание фразы: — Чертовщина какая-то.

— В смысле? — она похолодела. Эми вспомнила все странности вчерашнего дня и подалась вперёд.

— Ничего, забудь.

— Джек, ты меня пугаешь, — Эми и правда ощутила едва заметное прикосновение грядущей беды. Она поймала удивлённый взгляд брата и добавила: — Знаешь, я кое-что подслушала вечером... По крайней мере, мне так показалось.

Она кратко пересказала вчерашний разговор мамы и папы; передала все детали, вплоть до тревожной атмосферы, которая сгустилась в гостиной. Джек слушал внимательно, но под конец усмехнулся.

— Ничего смешного! — возмутилась Эми. — Вот-вот произойдёт нечто ужасное, а тебе весело?!

— Нет, сестрёнка, теперь я... — брат поставил тарелки с остатками завтрака в раковину и присел напротив: — Теперь я не сомневаюсь, что нам обоим приснились сны. Сначала я думал, что ночью столкнулся с чем-то необычным, но сейчас, когда мы оба можем похвастаться личным «ужастиком», уверен — это лишь реакция на встречу с призраком в заброшенной церкви. Нервы.

Он подмигнул, а Эми поёжилась:

— Ты так и не рассказал, что увидел ночью.

— Да ерунда, — отмахнулся он. — Ну что снится парням?! Конечно же девчонки!

— Джек! — Эми догадывалась, что брат не хочет её пугать, а потому неуклюже сводит разговор в шутку.

— Ладно-ладно, — на его лице появилось лукавое выражение. — Давай так: ты варишь мне кофе, готовишь сэндвичи, а я рассказываю?

— А ты не обнаглел?! — Эми была готова взорваться, но, похоже, брат на то и рассчитывал, а потому и валял дурака.

Тогда она приказала себе успокоиться и негромким, но твёрдым голосом потребовала:
— Джек Моро, ты немедленно прекратишь свои шуточки и расскажешь мне то, что я хочу услышать.

Эми скрестила руки на груди. Её глаза буравили Джека как сверло камень. Она нечасто позволяла себе это. Но сегодня он сам напросился!

Секунд через пять Джек сдался:

— Вот только не гляди на меня так! Начинаю чувствовать себя полным мудаком.

Эми видела, что брату стало не по себе. Он отвернулся, а затем сам налил остывший кофе.

— Мне и правда не хочется думать об этом.

Джек сделал глоток. Он поглядывал в окно так, словно летнее солнце могло разбавить неприятные воспоминания:

— Это сон. Я стою в темноте. Вокруг не ночь, а просто отсутствие света. Я иду вперёд. Рядом кто-то есть. Оборачиваюсь. Передо мной человек в длинном белом одеянии. Тот, кого мы видели в церкви. Он сияет холодным серебром, как снег в полнолуние. Просто стоит и смотрит, будто оценивает. Внезапно я оказываюсь в своей постели. Думаю, что это просто сон, поднимаю глаза и вижу его. Он стоит у окна. Все мои чувства абсолютно реальны, готов поклясться — я не сплю. Вскрываю с кровати, и что-то происходит. Словно я засыпаю и в тот же миг просыпаюсь, но его уже нет. Комната пуста.

Джек немного помолчал, а потом добавил:

— Думал, что глаз не сомкну, но я вырубился, лишь только залез под одеяло. А утром встал совсем разбитым.

За секунду до того как брат развернулся к ней Эми стёрла с лица ошеломлённое выражение.

— Бред, правда?! — хмыкнул Джек. — Теперь-то я понимаю, что всё это ерунда. Говорю же: если бы подобная чепуха приснилась только мне — я бы беспокоился. А когда нам обоим пригрезилось чёрте что — это просто реакция подсознания на вчерашнее приключение.

— Ты словно психоаналитик, — пошутила она, натягивая маску ироничного тинэйджера.

Эми отвернулась и начала убирать со стола, как и обещала маме. Джек подошёл, на секунду обнял её и сказал:

— Рад, что ты всё именно так восприняла. Не люблю, когда девчонки распускают нюни и с ними приходится нянчиться, успокаивать... — брат помолчал, словно хотел предложить нечто опасное, но никак не решался: — Знаешь, нам стоит ещё раз съездить в ту церковь.

— Зачем? — Эми спокойно взглянула ему в глаза, хотя в её голове молотом стучало: «Нет! Нет! Нет!»

— Просто... У меня чувство, словно там ждёт какое-то незавершённое дело. Согласна?

— Нуу... — она со скоростью света перебирала варианты отложить, а лучше вообще избежать возвращения в проклятый храм. — Да... Почему бы и нет. Только сегодня я не могу. Обещала Дженни пройтись с ней по магазинам. Её мама согласилась отвезти нас в «Грайвич Молл» во второй половине дня.

Сразу же в голове вспыхнуло и элегантное решение, которое не даст Джеку бродить по старой церкви в одиночестве. Дженни Голдсмит, конечно же.

Хотя, если по честному, вариант так себе. Не то чтобы Эми имела зуб на подругу, но та

была слишком... «взрослой» для своего возраста и интерес брата к подобной девушке радости не прибавлял. Встречайся Дженни с другими парнями — нет проблем, кому какое дело, но Джек...

К сожалению, ничего иного, способного переключить мысли брата, в голову не приходило.

— Кстати, мы могли бы встретиться там ближе к вечеру, на фуд-корте. Вместе поесть мороженого.

— Ты гений, сестрёнка! — глаза Джека загорелись, и Эми представила, как он планирует свидание. — Сегодня в кинотеатре состоится несколько премьер! Мы с Питом завалимся в молл, словно невзначай пересечёмся с вами и сходим на хороший фильм вместе!

Лучше бы, конечно, без Питера, но выбирать не приходилось.

Эми улыбнулась брату, и тот умчался к себе, готовиться, хотя до вечера оставался целый день. Или половина — она взглянула на часы и покачала головой. Самое время звонить Дженни.

* * *

Нашествием покупателей «Грайвич Молл» похвастаться не мог, но, как отметила Эми, её подруга и на безрыбье притягивала к себе заинтересованные взгляды. Рослая и подтянутая — хоть сейчас на разворот мужского журнала в рекламу дорогого пива, затянутая в шорты и короткую рубашку, Дженни увлекала её за собой и подобно цунами опустошала ближайшие магазины. Удерживая ворох разноцветных пакетов, она походила на ледокол, ведущий в кильватере Эми, которая ограничилась покупкой недорогой юбки и итальянской блузки.

После двухчасового шоппинга девушки сгрузили добычу в «ауди» матери Дженни, а затем устроились за столиком кафе, чтобы передохнуть перед налётом на магазины второго этажа.

Эми сразу заметила Джека и Питера. Она указала на них с напускным удивлением, прерывая щебет подружки о парнях, туфлях и предстоящей поездке на Корфу, которую пообещал Дженни её отец в качестве награды за хорошее окончание учебного года.

— Смотри-ка, а им что здесь нужно?!

Дженни взглянула в сторону ребят. Заметив Джека, она примерила самую милую улыбку и помахала рукой:

— Привет, мальчики!

Брат выглядел спокойно, уверенно, будто и не готовился полдня к этой встрече. Вот только рядом с ним маячила проблема...

— Привет, Эми, — Питер опустил на стул и придвинулся ближе чем следовало, — а мы в кино собирались...

Эх, сама виновата. Но лучше терпеть ухаживания Питера, чем волноваться за Джека. Ведь брат наверняка бы один полез в «ту самую» церковь.

Теперь главное, чтобы не повторилась история как с тем мальчиком, который приударил за ней ещё в Уокиген. Намёков тот не понимал, как и прямого отказа, так что несколько месяцев парень отчаянно страдал, отравляя жизнь и ей и себе. Переезд в Грайвич стал своего рода избавлением.

Эми включилась в живое обсуждение программы кинотеатра, а сама лихорадочно придумывала способы усадить в зале между собой и Питером кого-нибудь ещё. Не то чтобы он казался несимпатичным или глупым — совсем наоборот, но отсутствовал в нём... внутренний стержень. Умение очаровать её силой духа, а не внешностью и деньгами

родителей. Не хватало в Питере способности покорять уверенностью в своих идеалах и готовностью их отстаивать невзирая ни на что. Даже на её мнение, хотя она никогда бы и никому в подобном не призналась.

Жаль, но в мире практически не осталось настоящих мужчин. Не считая её отца и Джека, вот только они — совсем другое дело.

Наконец парни сошлись на том, что поведут девушек на премьеру блокбастера, где горстка выживших после ядерного апокалипсиса противостоит нашествию зомби. Эми, незаметно для ребят, закатила глаза, а Дженни подмигнула ей, но тут же с очаровательной улыбкой заявила, что следила за этим фильмом с анонса первого трейлера.

— Парни, вы только гляньте какая встреча! — из-за спины раздался высокий противный голос и Эми обернулась.

Рядом с ближайшим столиком высился тот старшекласник с фиолетовыми волосами, который вчера насмеялся над ними в кафе на окраине города. Парень слегка покачивался. Расширенные зрачки недобро смотрели в её сторону.

Эми передёрнуло. И как он в таком виде мимо охраны прошёл?! Не иначе как принял что-то в одной из туалетных комнат.

Чуть дальше переминались с ноги на ногу его приятели. Видимо, «фиолетовый» приотстал и решил напроситься на ссору.

— Идём, Штык, — низкорослый темнокожий парень, раздражённо махнул рукой. — Кончай цепляться к малышне. Нас девки ждут.

— Чё торопишь, Гном! Может мне эта нравится, — с причмокиванием, изображающим поцелуй, «фиолетовый» кивнул Эми: — Привет, красотка! Хочешь оттянуться с нормальными ребятами?!

Посетители кафе начали поглядывать в их сторону.

— Пожалуйста, уходите, — попросила она и отвернулась.

— Ты чё, игноришь меня... — панк грязно выругался и прошёлся по ближневосточному происхождению Эми: — Брезгуешь настоящими американцами? Да мой отец погиб под Тикритом, истребляя подобный тебе мусор, а ты сидишь в нашей стране и смеешь посылать меня?!

Джек встал.

— Проваливай, — приказал он, но скрытая угроза, прозвучавшая в голосе, только распалила «фиолетового».

— А то что? — протянул тот.

Джек не отвечал, лишь молча смотрел на противника.

Краем глаза Эми заметила, как люди за дальними столиками встают и пробираются к выходу.

Может кто-нибудь позовёт охрану?

— Штык, заканчивай, — рослый латинос хлопнул товарища по плечу. — Идём, здесь не место...

Панк стряхнул его руку.

— А где место? — он медленно направился к Джеку. — Скоро нормальным людям места нигде не будет. Мой отец погиб и чё?! Всем плевать. Прислали орден и хорош. Мать вчера уволили с военной базы, взяли на её место приезжую девку. И чё?! Всем похрен! Страна разваливается, на работу не берут, одни военные жиреют. Слыхал я про эту семейку, про их отца-карьериста... Небось, уже и место в бункере заготовил и на себя, и на эту сучку,

и на их мамашу-шлюху...

Эми не успела заметить, как вскочила, одним шагом преодолела разделявшее их расстояние и, вложив всю инерцию, дала пощёчину такой силы, что звук выстрелил, как удар линейки по парте.

«Фиолетовый» отшатнулся, прикоснулся к налившейся красным щеке и прорычал:
— Ах ты тварь!

Парень замахивается, его глаза прикованы к Эми. Он не замечает Джека до тех пор, пока тот с разбега, будто таран, не врежется плечом ему в грудь. Удар таков, что панк отлетает, сбивает пустой столик, и растягивается на полу. Он судорожно, как рыба, брошенная на дно лодки, открывает рот, скребёт рубашку. Похоже, брат попал в солнечное сплетение. Джек кидается к врагу, упирается коленом в грудь и наносит удар за ударом.

Джек бьёт резко. Эми едва замечает, как движутся его руки. Выучка отца. Летят капли крови. Эми на мгновение закрывает глаза, не в силах смотреть на лицо старшеклассника, рассечённое кулаками брата.

Питер и Дженни в оцепенении сидят на месте.

Спутники «фиолетового» замирают от нереальности происходящего, но вскоре приходят в себя и бросаются на помощь. Эми кричит, и Джек тут же переключается с отрубившегося панка на новую угрозу. Одним прыжком брат перелетает упавший стол, выходит во фланг латиносу и наносит удар под колено. Тот с проклятьями валится на пол, крепко приложившись головой о металлический стул.

Эми хватает пустой поднос и бьёт по спине «гнома», который обходит брата сзади. Удар не настолько силён, чтобы остановить противника. Но тот отвлекается, разворачивается и хватается её за шею.

Она задыхается.

Джек подскакивает и мощным ударом в бок вынуждает коротышку выпустить сестру. Эми падает. «Гном» с разворота впечатывает локоть Джеку в лицо, отбрасывает его в руки свежих товарищей, которые только-только вышли из ступора.

Двое хватают брата за руки, а третий бьёт.

Эми видит, как безвольно мотается голова Джека.

Она пытается встать, но ей все ещё не хватает воздуха. Эми слышит топот, крики.

Охрана умиряет озверевших старшеклассников. Испуганная медсестра бросается к Эми, но она тянет врачей к брату, который лежит в обломках мебели.

* * *

— Если бы отец Дженни Голдсмит не был таким хорошим адвокатом, то ночевать вам сегодня в камере, — голос матери обвинял и карал одновременно.

Эми не возражала. До окончания бури лучше сидеть молча.

Машина отца несла их домой сквозь ночь.

— А ты, Эми, — продолжала мама, — у меня в голове не укладывается, что это ты, ты нанесла первый удар! А если бы у них было оружие? Нож?

— Вот опять, — вступился Джек, — мы же объяснили, что это они нас спровоцировали. Есть свидетели... И вообще — дуболомы были под кайфом, а это прокол охраны. Как они пустили их внутрь?!

— Не перебивай, — спокойный голос отца прервал Джека, и мама продолжила гнуть свою линию.

Более шести часов они провели в «Грайвич Молл» после окончания побоища.

Первое время, когда она смотрела на Джека, лежавшего без сознания в медпункте, Эми только плакала. Казалось, что брат превратился в сплошной кровоподтёк. На его лицо Эми не могла взглянуть, не рискуя упасть в обморок. К счастью, как заметил пожилой врач, кости, зубы, глаза и всё самое ценное уцелело, а синяки исчезнут за пару недель.

Медсестра вкалывала Джеку лекарство за лекарством, попутно обрабатывая кожу каким-то резко пахнущим спреем.

Когда брат пришёл в себя, он тут же сообщил окружающим, что чувствует себя отлично и поинтересовался: намерены ли их отпустить домой? Медики усмехнулись, дали зеркало и вызвали хмурого охранника.

Наряду полиции они сообщили лишь свои имена. Эми отказалась говорить, а Джек изобразил временную амнезию.

Вскоре приехали мама с папой в сопровождении разгневанного Авраама Голдсмита, успешного адвоката, который грозил «Грайвич Молл» многомиллионным иском за потакание наркоманам-рецидивистам и создание угрозы жизни детей.

В этот момент Эми поняла, что всё более-менее налаживается. Последним сдался шериф, которого добило как перечисление инстанций, где узнают о бездействии полиции, так и обещание возместить из бюджета его службы все расходы по длительному восстановлению детей и последующей (ещё более длительной и дорогостоящей) психологической реабилитации.

— ... и поэтому, — говорила мама, — вас стоит наказать.

Внезапно она всхлипнула и замолчала.

Эми отстегнула ремень, просунула руки по бокам стоящего перед ней сиденья и обняла её.

— Все хорошо, — прошептала она, — мы любим тебя.

Посмотрела в зеркало и поймала взгляд отца. Тот вёл машину, сжав зубы и краем глаза поглядывая на жену.

Дождавшись, когда всхлипы стихнут, Майкл сказал:

— Подведём итог. Мама обрисовала всё абсолютно точно. И я на сто пятьдесят процентов с ней согласен. И я ещё не раз повторю это и в вашей школе перед директором, и в полиции, и на службе.

Джек тяжело вздохнул.

— Но есть одна вещь, которую я скажу только сейчас, — продолжил отец. — Я горжусь тем, как вы повели себя. Не тем во что ввязались, а тем как поступили. Эми, Эматалла, я очень люблю тебя и в подобной ситуации всегда буду на твоей стороне. Нельзя терпеть людей, которые оскорбляют нашу семью.

Эми улыбнулась ему и заметила в зеркале, как он подмигнул в ответ.

— Джек, я... не могу выразить, насколько я горд тем, что мой сын вырос не манерным сопляком, но мужчиной, способным рискнуть жизнью ради сестры, ради семьи. Я... У меня просто нет слов.

— Ну что ты, — Джек выглядел крайне смущённым, — я лишь... действовал.

— И действовал отменно. В твоём возрасте отделать выпускника и двух его приятелей... — отец покачал головой. — Впечатляет! Хотя ты всё же допустил две ошибки.

— Какие?! — подался вперёд Джек.

— Если столкновение неизбежно, а враг превосходит тебя числом — нет ничего постыдного в тактическом отступлении. Я половину жизни провёл в сражениях с

превосходящими силами противника. Диверсионный отряд не бьётся до последнего. Ударил — отступил. Не можешь достичь цели «в лоб» — найди обходной путь. Он не всегда благороден и красив, но тебе надо не в легенду, а вернуть солдат живыми домой.

— Нам стоило бежать?

— Ты выбил из игры лидера и своим напором ввёл остальных в ступор. Выиграл секунд десять-пятнадцать. Можно было потратить их на отступление. Можно было позвать охрану. А расправиться... Ты же знаешь: кто они и как их найти. Месть лучше планировать на свежую голову.

— Майкл, не провоцируй его, — вздохнула мама.

— И в мыслях не было, лишь перечисляю варианты.

— А вторая? — спросила Эми.

— М-м?

— Ты сказал, что Джек сделал две ошибки.

— Вторая... — отец задумался, подбирая слова. — Как бы сформулировать так, чтобы вы поняли... Голдсмиты — хорошие люди и я не возражаю против вашей дружбы. Сейчас лето, но... Джек, осенью ты пойдёшь в новую школу, так что постарайся найти хотя бы пару товарищей, которые не станут изображать соляной столб в то время, когда группа панков избивает их приятеля.

— Круто, скоро начну собирать личную банду! — пошутил Джек.

Все рассмеялись.

Как и предполагала Эми, ни сейчас, ни в последние дни их не наказали.

3. Человек в белом

Джек вскочил с постели.

Где он?!

В голове туман.

Мир повернулся как гигантский калейдоскоп, и линии сошлись в пространстве.

Джек узнал свою комнату. Он застыл на несколько секунд, а затем проскользнул за штору и прижался лбом к стеклу. Стало немного легче, последние крохи сонливости развеялись.

За окном темнела ночь. Полная луна сияла с безоблачного неба, совсем как «те» глаза, лишённые зрачков.

Надо выпить. Не включая свет, он спустился вниз, достал из холодильника бутылку гранатового сока. Терпкий, чуть вяжущий вкус настроил на размышления.

Уже в пятый раз ему снился один и тот же сон. Значит — пора действовать, а не скрываться дома от проблемы.

— Не спишь? — голос Эми заставил подскочить, но привыкшие к темноте глаза сразу нашли её фигуру. Она тенью чернела в дверном проёме, совсем как загадочная тень из фильма ужасов.

— Напугала? — Эми приблизилась. — Ловко я подкралась, даже не нужен твой камуфляж.

Джек лишь махнул рукой. Подобные шуточки он слышал от окружающих несколько дней, и они ему порядком надоели. Синяки и кровоподтёки постепенно сходили, меняя темно-багровый цвет на все оттенки серого, жёлтого и даже зелёного.

Лица под одеждой не спрятать, так что он только догадывался, о чём за его спиной

шептались соседи. Поначалу — это забавляло. Идёшь по городу, случайный прохожий поднимает на тебя взгляд и тут же отшатывается, словно зомби увидел. Три девчонки даже перешли на другую сторону улицы. Но со временем, как и в случае с дважды повторённой шуткой, такое отношение стало напрягать.

— А ты, похоже, не ложились? — Джек сделал глоток. — Включи свет, а то сидим как летучие мыши в пещере.

— Я рисовала, — она коснулась выключателя, и Джек на мгновение зажмурился. — Увлелась и не замечала времени, пока ты не зашуршал по лестнице.

— Над чем работаешь?

Эми пожала плечами:

— Ничего конкретного. Просто беру альбомы из той серии, что подарили на день рождения, ну той, про художественные музеи, и делаю наброски с интересных репродукций.

— Говорят, рынок подделок рванул вверх как ракета. Экономика рухнула в подвал и все спасают деньги в истинных ценностях. Главное — найти связи в мафии, — выдал Джек с напускной серьёзностью.

— Брось, — Эми рассмеялась и тоже налила сока. — Мне до этого как пешком до Солнца. Но знаешь, когда я повторяю увиденный на чужой картине пейзаж, выражение лица, изгиб руки... я начинаю лучше понимать художника, — девушка постучала ногтём по столешнице, словно подбирала слова, — я как будто обучаюсь у мастера.

— Следуя за другими, не пройдёшь свой путь. Не помню автора цитаты, но что-то в этом есть.

— Возможно, — Эми отвела взгляд и спросила. — А почему ты не спишь? Тот же кошмар?

Джек поморщился, но отпираться не захотел. Это не те секреты, что стоит утаивать от Эми.

— Да, всё тот же морок. Человек из серебра. Смотрит. Но словно не видит тебя, а знает, что ты есть. Ждёт. Зовёт? Не знаю...

Он помедлил. Эх, если расскажет о планах, то Эми опять заспорит и убедит не совершать глупостей. Но без конца прятаться дома тоже не вариант:

— Думаю, мне надо вернуться в ту крипту и ещё раз всё осмотреть.

— Мы не можем! Отец просил нас держаться рядом.

— Но не приказывал сидеть дома! Лишь говорил, чтобы мы оставались вместе. Просто он не хочет собирать нас по отдельности из разных концов города на случай учебной эвакуации.

— А если она не учебная?

— Чушь! — Джек даже фыркнул от возмущения. — Никто не решится нанести удар по сильнейшему государству Земли!

— А если это мы нападём?

— Невозможно! — Джек с возмущением хлопнул по столу. — Мы всегда охраняли мир! Да, наши солдаты воевали в десятках «горячих точек», но только для спасения невинных и уничтожения тиранов.

Эми промолчала, и ему стало неловко.

— Извини, — он обошёл вокруг стола и обнял сестру. — Мне надо быть спокойнее. Политика — да к чёрту её! Ещё и эти сны...

— Ладно, не бери в голову, — вздохнула Эми. — Возможно, я просто накручиваю себя

по пустякам.

— Так ты поедешь со мной в ту церковь?

— Да.

— Спасибо! — он сжал её ладони и повторил. — Спасибо. Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

Она отвернулась:

— Я иду спать, завтра нас ждёт долгий день.

* * *

Джек переключил скорость, и крутить педали стало легче. Эми пыхтела сзади. Длительный подъем давался ей с трудом.

Джек выбрал тропинку в обход небольшой рощицы, что взбегала на вершину холма. Можно и напрямик, но забираться под тенистый полог меж серо-голубых буковых колонн не хотелось. Небо итак затянул тонкий саван, сквозь который едва сочился рассеянный свет восходящего солнца.

Настроение вполне соответствовало погоде. Он так и не выспался. Проворочался до рассвета, прокручивая в голове разрозненные детали навязчивых снов. Под конец они сплелись в липкую паутину и вылились в тягучий кошмар.

За завтраком, желая развеяться, Джек переключал каналы и лишь хмурился. Новости — одна лучше другой: бесконечные демонстрации безработной молодёжи в когда-то благополучных странах; голодные бунты, терзающие экзотические континенты; эпидемии, которым место только в исторической энциклопедии; десятки локальных войн, где бывшие союзники доказывали собственную глупость.

Казалось, мир превратился в автобус, что летел по склону к пропасти. Водитель ещё пытался рулить, но кто-то испортил тормоза и пассажиры, даже осознавая тщетность борьбы, всё равно грызлись за право спрыгнуть с подножки, не замечая разбившиеся тела тех, кто соскочил первым и теперь катится к тому же обрыву. Только медленнее.

Услышав шаги сестры, он выключил телевизор. Хватит забивать голову тем, на что нельзя повлиять! Его мучает один и тот же сон? Отлично! Им и займёмся.

Уже на вершине холма по коже волной пронеслось непривычное покалывание, а на языке появился солоновато-кислый привкус, как если бы Джек лизнул контакты батарейки.

— Ничего не чувствуешь? — он обернулся к Эми. — Воздух словно наэлектризован.

— Нет, — сестра повертела головой, — Пасмурно, но на приближение грозы не похоже. Тебе плохо?

— Забудь. Я в норме.

— Джек?!

Он остановился у церковной ограды и похлопал её по плечу:

— Просто волнуюсь. Сейчас выясню, что на меня нашло.

Джек спрятал в кустах велосипеда и помог Эми перелезть через стену.

Во дворе ощущение пульсации только усилилось, а затем нарастало с каждым шагом на пути к храмовым воротам. Джек проскользнул в щель меж тяжёлых створок и налёг плечом. На удивление, двери поддались легко, словно за прошедшие дни кто-то отрегулировал петли и смазал их маслом.

Джек оставил проход открытым. Свежий воздух и немного света этим развалинам не повредят.

Он поморщился. Кожу щипало так, будто её растирали стальной щёткой. В голове

раздался тонкий высокочастотный свист, как от перегруженного трансформатора. С каждым шагом к сердцу осквернённого храма тот становился лишь громче. Джека словно тянуло, но не вперёд или назад, не вверх или вниз, а куда-то... куда-то ещё.

Эми шла рядом, держала за руку и, похоже, ничего странного не ощущала.

— Так и знал, что не зря починил двери! — звучный голос заставил Джека вздрогнуть.

Он прищурился и в густых тенях у стены различил невысокую фигуру.

— Не бойтесь, — на свет вышел немолодой мужчина в потрёпанной одежде. Невдалеке лежал такой же тёртый рюкзак. — Я не причиню вреда.

Джек отпрянул на пару шагов. Эми держалась позади. Сестра потянула его к дверям.

Убежать? Пока не поздно? Нет, так быстро он не отступит.

Сглотнул, чтобы не выдать себя дрожью в голосе, и поинтересовался:

— Кто вы такой и что делаете в моей церкви?

Мужчина облизнул губы, а затем отошёл назад и вновь облокотился о стену. Он словно показывал, что не желает их пугать.

— Назовёшь меня бродягой — не обижусь, — незнакомец говорил как человек, который уверен в своей силе, но не демонстрирует её по пустякам. — Я не всегда был таким. Впрочем — это неважно. А что касается «твоей» церкви, то у вас не больше прав на неё чем у меня.

В голове звенело, но Джек не уступал:

— Мне надо здесь кое-что осмотреть, — не слишком соврал он. — Мы готовим школьный доклад.

Бродяга повёл рукой, словно предлагал им чувствовать себя как дома:

— Пожалуйста. Мне-то что, — и пробурчал под нос. — Школьный доклад, ага, летом...

Эми сжала Джеку ладонь и прошептала, вжавшись губами почти в самое ухо:

— Уходим! Мне он не нравится. Здесь слишком опасно.

Джек кивнул. Жалко отступать ни с чем, но нельзя рисковать, когда отвечаешь не только за себя, но и за сестру. Он сделал несколько шагов к выходу.

Невидимая сила закрутила его хуже торнадо. Высосала силы и бросила на пол как пустой мешок.

Эми закричала, но звуки едва доносились до ушей, будто просачивались сквозь толстый слой минеральной ваты.

Над Джеком возникло лицо бродяги. Тот казался встревоженным. Мужчина что-то спросил у Эми, а услышав ответ — поморщился и сунул ладонь за пазуху. Перед глазами мелькнула рука незнакомца.

Под задранным рукавом, на запястье, виднелась странная татуировка — перевёрнутый треугольник. Его вершина смотрела вниз.

Бродяга достал из внутреннего кармана небольшую фляжку. Отвинтил крышку и сцедил в неё прозрачную жидкость. Эми попыталась его остановить, но тот не обратил внимания, разжал Джеку зубы и что-то влил в рот.

На вкус — вода...

Странно, но вскоре тяжесть ушла, покалывание под кожей стихло, а голова прояснилась.

— Что это было?! — Джек схватил бродягу за руку, но тот высвободился как фокусник из оков и отошёл к своему рюкзаку.

— Какая разница, если сработало, — незнакомец хмыкнул. — Вы меня удивили.

Сначала я принял вас за обычных детей, которые выбрали неудачное место для игр, но теперь готов поспорить — ты чувствуешь зов, хотя и не один из нас. Кто ты?

— Что за «зов»? — ответил Джек вопросом на вопрос.

— Я не из тех, кто расскажет тебе об этом.

— Джек, можешь идти? — Эми склонилась над ним. Исказившая лицо сестры тревога подействовала лучше ведра холодной воды.

Пора убираться отсюда. Он встал, но тут же рухнул на обломки алтаря. Чёрт, опять замутило.

— Подожди немного, — посоветовал бродяга. — Сейчас отпустит. Ты ещё слишком молод, а потому организм так остро реагирует на всё это.

— Я звоню отцу, — Эми достала телефон, но тут же покачала головой: — Нет сети.

— Идём, надо выбраться наружу, — Джек осторожно поднялся и направился к распахнутым воротам. Слабость уходила, оставляя чувство лёгкой наэлектризованности окружающего пространства.

Он спустился во двор и вытащил смартфон. Не успел разблокировать экран, как раздался звонок.

— Привет, пап...

— Джек, — отец перебил не дослушав, — я звоню уже двадцать минут. Где вы?

Когда тот спрашивал таким властным тоном, отвечать следовало чётко.

— Мы рядом со старой церковью, на холме. За городом.

— Эми с тобой? Можете укрыться внутри?

Теперь Джеку стало по-настоящему страшно. Отец задавал вопросы, получал информацию и вырабатывал решение. Ни возмущения, ни упрёков. Ничего лишнего. Значит — всё плохо. Очень плохо.

— Да, Эми со мной. Но...

— Джек, у нас нет времени. Слушай внимательно и делай так, как я говорю. Это не тренировка. Идите в церковь. Спуститесь в подвал, если он там есть. Я приеду за вами. И Джек, помни, до моего прибытия — ты главный и отвечаешь за сестру. Эми рядом? Передай ей телефон.

Разговор длился недолго. Когда Эми вернула трубку, Джек с нетерпением спросил:

— Ну что?

— Сказал — едет сюда. Сказал — ты знаешь, как поступить. Просил слушать тебя и не спорить. Сказал, что любит нас, — сестра обняла его и прошептала: — Что случилось, Джек?

— Понятия не имею, — признался он.

Чёрт! Эми боится, а он не знает, как её успокоить... Джек пересказал слова отца и направился к воротам, держа сестру за руку.

У входа, на ступенях, сидел бродяга.

— Вам лучше зайти внутрь, — посоветовал ему Джек, — происходит что-то...

Он ещё не закончил фразу, как мужчина вскочил и указал в сторону Грайвича. Лицо незнакомца оставалось спокойным, но рука подрагивала.

Джек и Эми обернулись.

Вдали, почти на горизонте, за озером, за городом, с территории базы, на столбах пламени, словно колесницы богов, в небо поднимались сверкающие ракеты.

Джек застыл, а рядом, зажимая рот ладонями, замерла Эми.

Ни мыслей. Ни чувств.

Он будто превратился в стороннего наблюдателя, словно это происходило не с ним. Только не с ними. И лишь когда последняя огненная стрела скрылась за облаками, Джек сжал руку Эми и вывел её из ступора.

— Началось, — прозвучал тихий голос бродяги. — Все же — началось.

Незнакомец вышел на середину двора, примял траву и расстелил куртку. Лёг на спину и закинул руки за голову.

— Мы спускаемся вниз, — крикнула ему Эми. — Давайте с нами, здесь нельзя оставаться.

— Спасибо, девочка, но для вознесения это место не хуже любого другого. Для меня. Для людей моего круга. А вы спускайтесь. Если приедет ваш отец — я позову.

Джек повёл сестру в храм.

Интересно, что бродяга имел в виду под «людьми своего круга»? Он обернулся, намереваясь спросить, но Эми буквально втокнула его внутрь и потащила за собой через заваленный мусором неф.

Не иначе как сумасшедший с манией величия. Нечего о нём думать. Есть проблемы важнее подозрительных незнакомцев.

Они спустились по узкой лестнице. Джек подвёл сестру к постаменту в центре крипты. Переключил экран в режим фонарика и положил смартфон на плиту.

Тусклый свет едва разгонял холодный мрак и превращал склеп в картинку из чёрно-белого фильма ужасов начала прошлого века. Эми тоже включила телефон, но Джек покачал головой. Надо оставить одну батарею неразряжённой.

Он усадил сестру на гранитный блок, а сам медленно обошёл крипту. Ни другого выхода, ни спуска в более глубокие подземелья. Джек устроился рядом с Эми и обнял её за плечи. Она сделала то же самое.

Говорить не хотелось. Да и что ты скажешь в такой момент?!

Все будет хорошо? Бред. Отец учил, что нельзя обманывать себя в оценке ситуации.

Я люблю тебя? Эми итак это знает и чувствует то же самое.

Джек крепче прижал сестру и ощутил, как напряглась её рука в ответном жесте.

Остаётся ждать. И надеяться.

Время тянулось медленно, словно густой мёд, стекающий из банки. Джек взглянул на светящийся экран смартфона. Прошло тридцать минут, а казалось — несколько часов.

— Думаю, надо позвонить отцу, — он удержал Эми и объяснил: — Один из нас должен остаться здесь, в безопасности. Мы же обещали.

Девушка кивнула.

Джек вышел во двор.

Бродяга лежал на прежнем месте.

Отец так и не приехал.

Джек взглянул на экран. Нет сети. Поднял смартфон к небу в надежде поймать сигнал. Бесплезно. Лучше вернуться в крипту.

Он поднялся по ступеням и в дверях столкнулся с Эми. Вот ведь! Сказал же — оставаться в безопасном месте!

Внезапно зрачки сестры расширились, словно та увидела дьявола во плоти.

Джек обернулся и время остановилось.

На месте Грайвича пылает шар нестерпимо яркого света. Он растёт как снежный ком,

поглощает всё на своём пути.

Защищая Эми, Джек обхватывает её и бросается в распахнутые ворота церкви.

Обогнать блистающую смерть невозможно. За ничтожную долю секунды ослепительная вспышка стирает мир. Невероятная сила подхватывает его и бросает вперёд.

На мгновение в сознании Джека возникает образ человека в белом. Его одежда сияет ярче окружающего света. Глаза, лишённые зрачков, затягивают в колодцы расплавленного серебра, а руки, скрытые широким одеянием, раскрываются в приветственном объятии.

Затем все исчезает. Даже свет.

4. Враги общества

Джек очнулся.

Он будто пересёк реку абсолютной тьмы. Его словно разобрали и сложили заново.

Сознание прояснилось, и окружающее пространство вернулось к трём измерениям, смягчённым плотной вуалью теней.

От духоты и жары мысли плавилась как металл в кузнечном горне, но каменные плиты немного охлаждали спину, а потому вставать с шершавого пола не хотелось.

Кто он?

Джек.

Да, но это лишь имя. А что за ним? И почему он именно здесь? Ответы появлялись, но тут же ускользали, оставляя его в неведении.

Чихнул. Сколько же здесь пыли?! Она мерцала в рассеянном свете, который вливался сквозь узкие окна под сводчатым потолком. Неподалёку высились квадратные колонны. Странно, но они не доставали до перекрытий. Некоторые стояли отдельно, другие выстраивались в ряды с промежутком не шире пальца.

Откуда-то сверху доносился едва различимый гул, напоминавший о повседневной суете большого города.

Джек напряг руки, и они откликнулись болью, как после выматывающего дня на ферме у деда, но все же откликнулись. Ферма? У него есть семья? Он приподнялся на локте и осмотрел себя.

Хм, одежда пропала... Да что вообще происходит?!

Надо оглядеться.

Джек встал, но головокружение отбросило тело на одну из колонн. Та не выдержала и с грохотом распалась.

Спокойно. Переведи дыхание, не торопись.

Двигаясь медленно и осторожно, он подошёл к обломкам и присмотрелся. Оказалось — это всего лишь коробки и ящики, поставленные друг на друга. Крышки слетели при падении, и по полу рассыпалась всякая всячина: кухонная посуда, полотенца, бутылки и баночки с непонятным содержимым, одежда, наборы инструментов и множество других незнакомых вещей.

Одежда...

Перерыв несколько коробок, Джек с трудом подобрал себе комплект белья, потёртые ботинки, тёмные брюки и светлую футболку, которая оказалась на размер больше необходимого.

Хм, а не считается ли его самодеятельность воровством? С другой стороны, разгуливать без одежды ещё хуже. К тому же, помещение отдалённо напоминало подвал церкви, куда они

с отцом когда-то спускали коробки с гуманитарной помощью, собранной для беженцев из Австралии.

Похоже, он сойдёт за «нуждающегося».

Отец? Церковь? Неожиданно Джека осенило. Церковь!

Воспоминания ударили в голову сильнее кулаков школьного задиры и заставили на пару секунд потерять ориентацию в пространстве.

Где Эми?! Надо отыскать сестру!

— Эми! — крикнул он.

Ряды коробок высились как склоны каньона. Джек заглянул в каждый угол. Никого.

Как он здесь очутился? Место незнакомое. Подвал явно не похож на заброшенную крипту, в которой они с сестрой прятались от взрыва. Джек влез на ящики, но всё равно не достал до узкого оконца, вырезанного в толще бетонного свода.

Тогда он ещё раз обошёл комнату, внимательнее криминалиста обследовал стены и заметил в дальнем углу закрытый проём, очерченный щелью не толще волоса. Джек забарабанил по двери, но ни на шум, ни на крики никто не откликнулся.

Закусив губу, Джек уставился на препятствие. Если это дверь, то должен быть способ её открыть. Он провёл рукой по шершавой поверхности. Вот оно! Там, где обычно располагалась кнопка вызова лифта, находился участок, казавшийся чуть теплее остальной стены. Джек приложил ладонь и слегка нажал. Бетон под его пальцами засветился, и дверь с мягким шипением подалась назад, а затем отъехала в сторону.

Холодный свет освещал кабину и придавал всему матовый оттенок. Джек нажал единственную кнопку с большой стрелкой вверх. Посмотрел в зеркало и пригладил волосы. Синяки никуда не исчезли. Выходит, после расставания с Эми времени прошло не много. Значит, сестра где-то рядом. Хоть в чём-то ему везёт!

Вскоре лифт остановился. Джек шагнул за дверь и замер на входе в самый необычный храм из тех, какие только мог представить.

Гигантский зал размерами не уступал футбольному полю. Подобно секвойям ряды колонн устремлялись вверх, смыкались арками, что удерживали полупрозрачный свод. Приглушённый солнечный свет холодным водопадом стекал вниз и расплёскивался по стенам. Даже не стенам — экранам, на которых сменялись изображения звёздного неба и геометрических фигур. Они перетекали одна в другую и время от времени складывались в прописные буквы греческого алфавита: Сигма и Омега.

У дальней стены виднелась кафедра. Аккуратные ряды металлических стульев заполняли свободное пространство. На некоторых сидели молодые люди. Большинство моложе двадцати лет, Джек не заметил никого старше тридцати. Все они смуглы, будто несколько дней намеренно загорали под южным солнцем. Ладони сложены на коленях. Окружающие, словно в трансе, погрузились в себя и не замечали никого вокруг.

Эми не видно.

Чёрт!

Несколько секунд Джек переминался с ноги на ногу, а затем направился к ближайшему человеку.

— Извините, — он коснулся плеча невысокого парня лет восемнадцати. — Я не понимаю где очутился. Не могли бы вы мне помочь?

Юноша поднял голову, взглянул с удивлением и пробормотал что-то на незнакомом языке.

— Я не понимаю... Вы не говорите по-английски? — Джек потёр лоб и повторил вопрос по-испански, а затем на ломаном немецком.

Зрачки парня расширились. Он вскочил и отпрянул так, будто его собирались ударить.

— Эй, я не имел в виду ничего плохого! — Джек вскинул руки, пытаясь успокоить собеседника, но тот лишь медленно отступал, пока не прижался спиной к одной из колонн.

Другие люди оборачивались, а заметив Джека — вскакивали, ошеломлённые и напуганные. Ладонь парня коснулась гладкой поверхности, и та засветилась как сенсорная панель с незнакомым интерфейсом. Юноша непрерывно жал на одну и ту же кнопку, пока на экране не возникло изображение какого-то лица. Парень говорил торопливо и постоянно жестикулировал, указывая в сторону Джека.

Проклятье! Добра это не сулит! Пора уносить ноги!

Джек осмотрелся. Рядом высокие створчатые двери. Путь свободен, да и люди, похоже, хотят обратиться с дороги, а не помешать ему.

Он выскочил наружу и захлопнул врата.

А это что?!

Джек отшатнулся.

Если бы не дверь за спиной он наверняка бы рухнул на каменные ступени.

Вокруг простирался незнакомый город.

Здание, которое покинул Джек, походило на кафедральный собор и стояло на перекрёстке широченных улиц. Вдоль них тянулись невысокие дома в три-пять этажей. Лишь вдалеке, почти на горизонте, высились небоскрёбы циклопических размеров.

Над городом парили ажурные направляющие. По ним ртутными молниями проскальзывали тени. Поезда монорельса? Возможно, снизу не разобрать.

Джек до хруста в позвонках задрал голову. На небе ни облачка. Хотя... Он прищурился. На невыразимой высоте от горизонта до горизонта протянулась широкая полоса. Она едва различимо поблёскивала в свете летнего солнца.

Это сон? Кома? Не похоже. Всё так реально...

Ответов на сотни теснившихся в голове вопросов не было, а потому Джек просто двинулся вперёд по улице, отмечая всё новые и новые странности.

По проезжей части мчались футуристического вида автомобили. На удивление, шума они издавали немного, запаха выхлопных газов тоже не чувствовалось. По тротуару, отделённому от дороги полоской изумрудного газона, спешили прохожие: кто-то погрузился в себя, а кто-то общался с попутчиками.

Интересно, что это за язык?! Никаких зацепок, ни одного знакомого слова, хотя бы отдалённо похожего на известные ему диалекты.

Все люди молоды. Никого старше тридцати, большинство выглядело на семнадцать — двадцать лет. Детей на улицах не много. Его ровесники попадались тоже нечасто.

Джек исподволь разглядывал прохожих. В какой стране он очутился? Если в знакомых ему городах встречались представители любых рас и национальностей, то здесь царил единый тип: преимущественно высокорослые и длиннолицые, с широким разрезом глаз и тонкими губами, обычно прямыми волосами и смуглым цветом кожи.

Зато наряды местных жителей поражали разнообразием. От множества фасонов и расцветок иногда рябило в глазах. Кто-то носил рабочую одежду: деловые костюмы, спецовки, форму, но большинство, особенно ровесники Джека, вырядились так, словно жизнь коротка и они хотят прожить её как можно ярче. Штаны и джинсы, балахоны и тоги,

мини и макси, платья и рубашки самого невероятного покроя и расцветки; шляпы и капюшоны, кепки и платки. И татуировки любых расцветок.

Джек взглянул на плечо, едва прикрытое коротким рукавом футболки. Наверняка белая кожа сильно контрастировала с оттенком, привычным для местных жителей. Реакция того парня из «кафедрального собора» говорила сама за себя. Но ведь цвет кожи не повод считать кого-либо монстром?!

Некоторые прохожие оглядывались ему вслед, словно их разум с трудом определял Джека как отклонение от привычной реальности. Казалось, они не сразу понимали, что увидели нечто подозрительное, но отдалённо знакомое. Оборачивались и ещё долго смотрели в спину таинственной фигуре. Наверняка гадали: кто бы это мог быть?

В такие моменты он ускорял шаг и замечал в отражениях витрин, как некоторые люди касались рукой ближайшей стены, пробуждали спящие интерфейсы и с кем-то активно общались.

Джек свернул с оживлённой улицы. Пора найти спокойное место и все тщательно обдумать.

Он шагал по затенённому переулку, скользил пальцами по стене и отмечал гладкость бесшовной поверхности, которая одновременно напоминала и металл, и пластик. Да, кирпич и бетон здесь использовали нечасто.

Внезапно уши резанула сирена, но тут же стихла. Джек обернулся.

Дорогу перекрыла машина. Белая с синими полосами по бокам, которые пульсировали короткими вспышками яростного света. Джек не мог прочитать надписи на дверцах, но интуиция подсказывала — у него проблемы!

Из машины вылезли двое, лет двадцати пяти. Они приближались как тигры на охоте. Тот, что повыше, выкрикнул какой-то приказ. Одной рукой указал на землю, а другой вытянул из кобуры пистолет. В руках напарника появилась дубинка, усеянная крошечными шипами, меж которых проскальзывали синие искры.

Чёрт! Похоже, ничего хорошего ему не светит!

Повинуясь инстинкту, Джек бросился в сторону и нырнул в тесный проулок.

Он бежал и не обращал внимания на окрики. Свернул раз, другой. С разбегу перемахнул невысокую ограду, но преследователи не отставали.

Джек не оборачивался. Судя по топоту, «полицейские» нагоняли.

Рядом что-то прошелестело, и осколки ближайшей стены брызнули в лицо.

Инстинктивно вскинул ладонь, прикрыл глаза.

Не глядя нырнул в щель меж домов.

Тупик.

Стены уходили вверх как склоны ущелья, сжимались и не оставляли надежды. Джек по инерции пробежал несколько шагов и поднял руки.

Знакомые голоса приблизились. Непонятные гортанные приказы резали уши.

Джек хотел сам опуститься на землю, но сильный удар бросил на колени. Как после удара электрического тока мышцы скрутило в жгуты.

На мгновение мир окрасился во все оттенки синего.

Он не успел удивиться — всё скрыла пелена забвения.

* * *

Джек всплывал из глубины. Оттуда, где нет ни света, ни звука.

Нет, его выталкивало, сжимая невероятным давлением, грозя кессонной болезнью и

заставляя стремиться вверх как пловца с горящими от недостатка кислорода лёгкими.

Рванулся вперёд, но тут же повис на руках «полицейских». Перед глазами мелькали пятна, а мир выглядел так, словно камера невидимого оператора снимала только через синий светофильтр.

Джек помотал головой. Стало немного легче. Нормальное зрение постепенно возвращалось, так что когда его засунули на заднее сиденье автомобиля, он чувствовал себя почти нормально. Нормально для человека, которого избили, сковали и бросили в полицейскую машину как преступника. Джек взглянул на запястья, точнее на чёрную пластину, зажатую между ними. Попробовал развести руки, но их словно невидимой силой прижало к узкой полоске горячего пластика.

Вляпался! Где бы он ни очутился, но местные жители явно не отличались не то чтобы радушием, но даже банальной вежливостью. Что за привычка: сначала бить, а потом ни о чем не спрашивать? За кого его приняли, в конце концов?!

Машина сорвалась с места и влилась в общий поток. Сирену «полицейские» не включали. Не спешат или не хотят привлекать внимание?

Дома становились выше, автомобиль приближался к центру города.

— Вы кто такие? Куда везёте?! — вопросы риторические, итак можно догадаться, но следует завязать разговор. — Вы хотя бы понимаете меня?

Один из полицейских что-то рявкнул и, не оборачиваясь, хлопнул ладонью по разделявшей их сетке.

Приказывает заткнуться. Вот же гад!

Джек откинулся на сиденье. Он рассматривал пронесившиеся мимо улицы, крошечные скверы и впечатляющие парки; дома, стены которых превращались в сплошные экраны, и спешившую по своим делам молодёжь.

Украдкой он наблюдал и за похитителями. Водитель молчал, а вот его напарник не отрывал левую руку от экрана автомобильной консоли. Пальцы не двигались, но под ними непрерывно появлялись незнакомые символы, словно тот мысленно отправлял и получал некие сообщения. Иногда полицейский отвечал на вызовы. Его фразы звучали по-военному сухо, но в них чувствовалось напряжение. Не страх, а предельное возбуждение нервов, свойственное человеку, который ожидает удара с любой стороны.

Вскоре их нагнал другой автомобиль — массивный, как броневик. Он возглавил импровизированную колонну. Теперь полицейские включили сирену. Конвой набирал обороты, молнией пролетал развязки. Встречные машины едва успевали прижаться к обочине.

Почему к нему относятся как к бандиту?! Он никого не ограбил, не убил, и не оскорбил... Его же схватили, избили и куда-то везут под усиленной охраной.

Необходимо действовать, хоть как-то прояснить ситуацию.

Маловероятно, конечно, но что если через полчаса он окажется перед расстрельной командой?! Вдруг судьба закинула его в одну из тоталитарных стран, где приговор выносят без адвоката и присяжных?!

Он подался вперёд. Бездействие убивает, особенно когда твоя жизнь и свобода оказываются в руках спецслужб, нарушающих права человека. Джек схватился за металлическую сетку и затряс её:

— Либо вы скажете, в чём меня обвиняют, либо...

Полицейский обернулся и ткнул в решётку дубинкой.

Джек успел заметить искры, проскочившие между шипами, а в следующее мгновение его отбросило назад. Мышцы пылали, будто под кожу засунули ветки шиповника. Мир вновь, как и во время ареста, окрасился во все оттенки синего, но в это раз Джек не отключился. Наоборот, боль от электрошока внезапно отступила, словно превратилась из мучительного чувства в информацию о его наличии.

Тело парализовало, а вот с сознанием произошли непривычные метаморфозы. Разум поддался лихорадочному возбуждению, совсем как в моменты смертельной опасности. Не страху, а предвкушению хищника.

Восприятие пространства расширяется, подобно растущей сфере, и окрашивает мир в тысячи оттенков кобальта. Джек превращается в стороннего наблюдателя, который не фокусирует взгляд на отдельных предметах, но воспринимает ближайший район целиком. Будто глядишь во все стороны разом и, одновременно, со всех сторон. Его сознание проникает сквозь любые препятствия, становится ими, воплощается во «всём».

Ничто не укрывается от его взора. Вот за стенами зданий ходят и разговаривают люди; прислушавшись, он даже различает их речь и считает удары сердец. В канализации под дорогой многорукие роботы перекалывают трубы, а в кармане ребёнка, который заворачивает за угол, тает мятная конфетка. Джек видит, слышит и чувствует всё, что происходит вокруг. Даже как ветер гонит по соседней улице газету или как птицы летят и высматривают чем бы поживиться.

И это поле всеохватывающего сознания движется вслед за его телом.

С момента удара током прошли секунды, но для Джека они растянулись чуть ли не в минуту. Постепенно, сфера восприятия сузилась, а мир возвратился к привычным для него краскам.

Под конец Джек заметил автомобили, которые неслись по соседней улице и направлялись к тому же перекрёстку, что и полицейский кортеж.

Первым летел стальной «монстр» зелёного цвета. Спереди бульдозерный ковш, а кузов оборудован тяжёлым прессом. Не иначе как аналог мусоровоза. За рулём щуплый паренёк с кобурой на поясе. Следом мчался хищный седан. В нём двое вооружённых людей. Один — постарше, другая — девушка, ровесница Джека, держала меж колен хищного вида штурмовую винтовку и говорила по рации с парнем из грузовика.

Джек присмотрелся, но как назло окружающий мир вновь стал нормальным. Вернулась и тянущая боль в мышцах.

Чёрт, да что с ним происходит?! Он с трудом выпрямился на сиденье и глянул в окно.

Конвой приближался к перекрёстку.

Полицейский броневик выскочил на развилку и в тот же миг его смёл мусоровоз.

Чудовищный удар бульдозерного щита подбросил жертву как консервную банку и впечатал в стену на другом конце улицы.

Машина Джека резко затормозила, но все же задела кузов зелёного монстра. Их швырнуло в воздух. Сделав двойной пируэт, автомобиль чудом приземлился на колеса и, скрежеща металлом, пробил витрину магазина. На дороге обрушился дождь из стекла и пластика.

Джек очнулся на полу машины. Голова раскалывалась.

Чёрт, да в чём дело?!

Он подвигал руками и ногами. Похоже — ничего не сломано. На переднем сиденье полицейские тоже приходили в себя.

Повсюду кричали. Джек выглянул наружу. Прохожие убегали переулками. Из мусоровоза выпрыгнул парень с оружием наизготовку. Увидев его, люди попадали на землю, прикрыли головы руками.

Девушка и мужчина, замеченные в седане десять секунд назад, приблизились с другой стороны, нацелили оружие на полицейских. Те вылезли из машины и позволили надеть на себя наручники.

Пока двое парней держали улицу под прицелом, девушка знаком показала Джеку отодвинуться в дальний угол. Одиночный выстрел разбил замок. Незнакомка распахнула дверцу и произнесла на чистейшем английском:

— Моё имя — Тара. Надеюсь, ты понимаешь древний диалект?

Господи, первый человек, который не шарахается как от прокажённого, да ещё и говорит по-людски! Джек хотел её расцеловать, но вовремя сдержался. Тара приняла замешательство за непонимание и повторила вопрос на каком-то певучем языке. Он качнул головой и прохрипел:

— Меня зовут Джек. Что здесь происходит?

Тара широко улыбнулась и протянула открытую ладонь:

— Если ценишь свободу и жизнь — следуй за мной!

А кто не ценит?! Если уж выбирать между полицейскими, избивающими тебя за каждое слово, и неожиданными спасителями, то лишь дурак засомневается. Джек не колебался. Тара помогла ему выбраться наружу, сняла наручники и придирчиво окинула взглядом, отдельно задержавшись на покрытом синяками лице.

— Можешь идти?

Он кивнул. Тара потянула к чёрному седану, что перегородил дорогу. Её спутники отступали следом, но при этом держали под прицелом опустевшие улицы. Тот, что постарше, казался спокойным и уверенным, будто подобные столкновения ему не в новинку. Второй слегка нервничал, но старался этого не показывать.

Издали донеслись звуки сирен.

Джек и Тара скользнули на заднее сиденье, один парень сел за руль, а тот что помладше — рядом с ним. Машина ринулась с места и рванула от перекрёстка, лавируя меж брошенных автомобилей. Всё нападение заняло лишь пару минут.

— Для начала, стоит представиться, — Тара указала на стройного черноволосого мужчину лет семнадцати, который невозмутимо вёл машину. — Капитан Стенли Морган, лидер боевого звена.

Не отрываясь от дороги, тот поднял руку в приветственном жесте.

— Справа от него сидит Кайл Робинсон, — девушка кивнула в сторону белобрысого ровесника Джека, который что-то печатал на планшете, — мой брат и наш связист. А меня ты уже знаешь.

Кайл оторвался от экрана. Перегнулся через спинку кресла и пожал Джеку руку:

— Привет, рад знакомству!

А сильное у него рукопожатие! Такого не ожидаешь от щуплого подростка, довольно безобидного на первый взгляд.

— Джек Моро, взаимно.

Чёрт, голова идёт кругом. Словно гуляешь по пляжу, а на тебя несётся волна цунами. Всё происходит слишком быстро...

Кайл снова уткнулся в планшет. Увидев что-то неприятное, он щёлкнул пальцами и

сказал несколько фраз на незнакомом языке.

— Пока Джек с нами, в команде не должно быть недопонимания, — заметил Морган. — Говори по-английски.

— Да без проблем! Прогнозируемое развёртывание сил милиции не позволяет достичь ближайшей точки эвакуации, — повторил Кайл и добавил: — «Цепь сестёр» успешно внедрила узлы генерации ошибок, так что большая часть сигналов с датчиков наблюдения блокируется и псевдо-интеллект города не повышает уровень нашей опасности. Разведчики Антона докладывают, что отряды «Сигмы» по-прежнему фиксируются только в районе «первого прорыва». Нам предлагают использовать резервную точку эвакуации.

Морган кивнул. Они с Кайлом обсуждали пути отхода так, словно забыли про Джека, а потому он повернулся к Таре и поневоле засмотрелся на девушку.

Он не назвал бы её идеальной красавицей, нет. В этом она уступала Эми, а тем более Дженни Голдсмит. Тара выглядела просто симпатичной, привлекая внимание не лицом и фигурой, а манерой держаться свободно и уверенно, открытой улыбкой и задорными карими глазами под чёлкой взъерошенных волос цвета самородной меди.

Хм, наверняка такая девушка в детстве верховодила среди ребят своего района.

Только через несколько секунд он понял: Тара спрашивала его о чём-то.

— Что? — переспросил он.

— Они тебе давали какие-нибудь лекарства? Когда везли в машине?

— Нет.

— Отлично! — Тара достала небольшую коробку и вытащила два наполненных прозрачной жидкостью шприца.

— Эй-эй, подожди, — возмутился Джек. — Зачем это? Мне кто-нибудь объяснит, что вообще происходит?!

— Долго рассказывать. А сейчас не самое лучшее время для историй, — она взяла Джека за локоть и нацелила иглу в вену. — Дай угадаю: последнее, что ты помнишь — это атомный взрыв или нечто похожее?

— Похожее... Да, так и есть!

— За прошедшие с тех пор четыреста с лишним лет в мире появилось немало болезней, от которых у тебя нет иммунитета, — Тара ввела раствор из первого шприца и взялась за второй: — И я не хочу, чтобы ты «сгорел» до конца дня.

Джек кивнул. Свалиться от неведомой чумы он точно не спешил. Но четыреста лет?! На языке вертелись сотни вопросов, но Тара коснулась пальцем губ и покачала головой.

Звуки полицейских сирен приближались. Хотя, нет. Пора осваивать новые термины. Теперь их называли «милицейскими».

— Три экипажа милиции догонят нас через полторы минуты, — голос Кайла звучал уверенно, но Джек чувствовал в нём скрытое волнение. — Ещё две машины выйдут наперерез в четырёх кварталах от этой точки. Рекомендую валить с проспекта.

Кайл вывел в угол лобового стекла полупрозрачную карту. Морган покосился на изображение и мотнул головой:

— Проспект — кратчайший путь, — командир обернулся и поймал взгляд Тары. Девушка кивнула.

Понимают друг друга без слов? Похоже, давно сработались.

Тара вытащила из-под сиденья штурмовую винтовку и бегло осмотрела. Запасные магазины отправились в карманы.

Первая машина вылетела с боковой улицы, но Морган как заправский гонщик уклонился от столкновения.

Преследователи не растерялись. Вышли из заноса, повисли сзади. Они пытались то отбросить беглецов на тротуар, то затереть между собой и вторым нарядом милиции, который тоже присоединился к погоне.

Рёв сирен разрывал воздух. Обычные автомобили прижимались к обочине, но из-за плотного трафика сделать это удавалось не всем. Морган резко маневрировал в тесном потоке, и Джека болтало из стороны в сторону как в самолёте, попавшем в зону турбулентности.

Им удалось немного оторваться, но стало лишь хуже.

Первым разлетается заднее стекло, осыпая их мельчайшими осколками. Взрывной волной закладывает уши. По ним что, из гранатомёта стреляют?!

Джек слышит глухие удары пуль, что рвут автомобиль на части. Морган и Кайл лишь слегка пригибают головы: первый не отрывает взгляда от дороги, второй отслеживает что-то на голографическом экране планшета. Тара толкает Джека на пол между сиденьями и опускается рядом.

— Необходим прямой участок, — требует она.

Машина прекращает рыскать по дороге. Перехватывает дыхание. Свет течёт вязким потоком, и Тара, расплёскивая фотоны, поднимается со дна. Ногой упирается в пол, вторую ставит на сиденье. Вскидывает штурмовую винтовку и открывает огонь короткими очередями. Снизу Джек видит лишь вспышки пламени, что вылетают из ствола. Жёсткие блики резко очерчивают юное лицо: ни эмоций, ни сомнений.

Обстрел со стороны милиции прекращается, но девушка ведёт огонь, сменяя один магазин за другим.

Лёжа на полу, Джек не видит, что происходит снаружи. Внезапно раздаётся визг шин, на долю секунды в зеркальной стене небоскрёба отражается милицейская машина, которую закручивает в воздухе как листок под ветром. Скрежет рвущегося металла завершает падение.

Невозможно без содрогания думать о тех, кто остался внутри. Но они хотели его убить...

Тара садится рядом.

— Это их немного задержит, — её голос дрожит, словно она пытается преодолеть себя и остаться спокойной.

Джек выглядывает наружу. Далеко позади искорёженная милицейская машина блокирует единственный просвет в рядах автомобилей, которые бросили на дороге перепуганные жители.

— Мы генерируем дофига лишних данных, — Кайл показал что-то командиру на экране планшета. — «Цепь» больше не может подменять информацию с датчиков слежения. У нас минута до того, как псевдо-интеллект закончит коррекцию ошибок и мобилизует «Сигму»!

— Ясно, — Морган резко вывернул руль, и они ушли с проспекта, углубляясь в переплетение тесных улиц. Встречное движение иссякло, а людей на тротуарах стало меньше, хотя изодранный пулями седан всё равно привлекал внимание.

— Что за «Сигма»? — спросил Джек.

— Для нас — смерть, — Тара перезарядила винтовку и принялась снаряжать патронами опустевшие магазины.

— Отряд специального назначения, призванный бороться с «Отверженными» и устранять таких как ты, — пояснил Морган.

— Есть и другие? — догадка ошеломила Джека.

— Были, — Тара откинулась на сиденье, удерживая оружие между колен. — Ты не уникален. Вот только последний случай разрыва пространства-времени произошёл задолго до моего рождения, лет восемьдесят назад.

Джек боялся задать главный вопрос. Страшился услышать ответ. Но все же спросил:

— Последнее, что я помню — это как мы с сестрой пытаемся укрыться от взрыва в подвале старой церкви. Её зовут Эми, Эматалла Моро. Не может быть, чтобы я оказался здесь, а она погибла! Я уверен — это не так!

— Может ты и прав, — брат Тары, Кайл, оторвался от планшета и включился в разговор. Он наткнулся на требовательный взгляд Джека и поднял ладонь, словно говорил: «Эй, я не хочу давать ложной надежды!»: — На самом деле, мы засекли открытие двух точек «прорыва» в разных частях города, но в первом случае «Сигма» сработала на опережение, блокировав всё в радиусе пары кварталов. Во втором — «Цепь» успела проникнуть в систему и понизить уровень твоей опасности, так что нам пришлось столкнуться всего лишь с милицией.

— Вы знаете, кого именно захватила «Сигма»? — Джек от нетерпения закусил губу.

Кайл мотнул головой:

— Не-а. Есть только косвенные свидетельства. Предположительно — это женщина, примерно твоего возраста.

— Женщина? — удивился Джек. — Но Эми ещё тинэйджер, как и я.

Кайл взглянул с недоумением, а Тара хмыкнула и покачала головой:

— Такие слова остались лишь в древних словарях. Джек, ты же какое-то время бродил по городу. Ничего странного в людях не заметил?

— Вроде бы нет... Вот только одеваются довольно пёстро и молодёжи очень много.

— Верно, — кивнула Тара, — Из-за последствий древней войны никто не живёт дольше тридцати лет. Мы не знаем старости, так что сам понимаешь — нет времени сидеть в пелёнках. В нашем мире ты достаточно взрослый, чтобы полностью...

Тара не договорила. Стены зданий вспыхнули как гигантские экраны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они пульсировали в тревожном ритме, когда мимо проносился автомобиль Джека. Будто кто-то невидимый отмечал его присутствие, оставляя подсказку милиции. И предупреждение для жителей, которые бросали дела и спешили укрыться в домах.

— Сдвиг! — Кайл отбросил планшет и врезал кулаком по автомобильной консоли. — Псевдо-интеллект закончил коррекцию внедрённых ошибок. Проклятье, мы не успели!

— Карта ещё актуальна? — спросил Морган.

— Данные идут, — Кайл взглянул на экран и выключил его, — но я уверен, что все координаты «сдвинуты» относительно реальных позиций. Связи с «Цепью» нет, — он потёр виски. — Насколько я запомнил дорогу — сейчас направо. Точка эвакуации в заброшенном метро, но наш вход в небольшом здании, которое готовят к сносу.

Морган свернул в один из переулков. Стены прекратили мерцать, словно потеряли их из виду.

— Старые дома не несут технологии сплошного экрана, — шепнула Джеку Тара.

Он кивнул, хотя ничего не понял. События развивались слишком быстро, обрушивая на

него ворох разрозненных фактов, догадок и пугающих перспектив. Лишь память удерживала от желания сжаться в комок, закрыть глаза и представить всё это как дурной сон.

«ТЫ ГЛАВНЫЙ И ОТВЕЧАЕШЬ ЗА СЕСТРУ», — последние слова отца вольфрамом нитью сшивали разум. И Джек поклялся следовать им любой ценой.

Машина сделала несколько поворотов, и он окончательно запутался в лабиринте тесных улочек. Постепенно, жилые дома уступили место заброшенным цехам и складам. Иногда Морган спорил с Кайлом перед очередной развилкой, и тогда Тара напоминала, что времени в обрез.

Сигарообразная тень коршуном скользнула над машиной. Джек выглянул наружу. Небольшой самолёт с хищными обводами заложил плавный вираж в безоблачном небе. Тара высунулась в окно и сделала несколько выстрелов.

— Бесполезно! — девушка коротко выругалась. — Дроны! Теперь не отстанут.

— Для начала они попытаются задержать нас силами ближайших отрядов милиции, — откликнулся Морган. — Для переброски «Сигмы» им нужно какое-то время.

Успокоил, называется. Джек поёжился. Если недавний бой для лидера в порядке вещей — что же собой представляет «Сигма»?!

Джек тронул Тару за руку:

— А как выглядит точка эвакуации?

— Под городом сохранились тоннели метро. Его забросили лет сто назад, когда построили силовые линии монорельса. Станции закрыли, часть перегонов засыпали, но агенты сопротивления перепрограммировали несколько роботов-мосайдов, на тайную расчистку путей отхода для боевых групп вроде нашей, — девушка сжала его ладонь. — Не беспокойся, мы выберемся из города.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Тара мотнула головой:

— Ты не готов. Просто... не лезь на рожон и держись за нами.

Они свернули в тесный просвет меж заброшенных складов. Их изъязвленные стены поднимались к небу, превращая дорогу в затенённую щель. Здесь с трудом разъехались бы два автомобиля. Морган выкрутил руль и заблокировал машиной проезд. Впереди виднелся небольшой дворик, заваленный строительным мусором, какими-то балками и грудями битого кирпича.

— По идее, мы на месте, — сказал капитан. — Я вместе с Кайлом задержу погоню. Вы двое — ищите вход.

Парни укрылись за седаном и изготовились к стрельбе. Джек последовал за Тарой.

Тень дрона-наблюдателя неотступно кружила по бетонному колодцу двора, перепархивала со стены на стену, исчезая лишь во время широких разворотов. Джек снова услышал звуки милицейских сирен, ещё далёких, но неотвратимо приближавшихся. Он вздохнул. А кому понравится оказаться на месте лиса, которого гончие обложили со всех сторон и гонят на охотников?

На противоположной стороне двора виднелась ржавая дверь, наполовину скрытая деревянным щитом.

Тара бегом пересекла открытое пространство и коснулась панели управления. Закрыто. Джек тоже налёг плечом — бесполезно. Не медля, Тара вытащила из рюкзака нечто похожее на пластилин и закрепила крошечные шарики на петлях. Жестом скомандовала отход. Они укрылись за ближайшим штабелем стальных балок. Несколько хлопков слились в

один, заглушив скрежет металла.

Дверь смяло как лист бумаги.

Тара протиснулась в образовавшийся проем. Джек скользнул за ней.

— Вот же... — девушка выругалась, ударив кулаком по ладони.

Они оказались в просторном зале, где не было ни противоположной стены, ни части потолка. Сверху, на остатках ржавой арматуры, свисали обломки перекрытий. Сразу за остовом здания начинался бесконечный пустырь, на дальнем краю которого, словно муравьи, копошились многорукие роботы. Похоже, они разбирали заброшенные цеха и вывозили обломки.

— Вход через здание под снос, — простонала Тара. — Проклятье, они его уже снесли!

Дьявол их побери, ловушка! Информация о точках эвакуации устарела, и повстанцы сами загнали себя в западню.

Со стороны автомобиля раздались выстрелы.

Тара бросилась назад. Джек перехватил её за плечо:

— Дай и мне оружие!

— Нет! — отрезала та. — Держись за мной.

Почему она считает его таким бесполезным?!

Ладно, ещё посмотрим, а пока лучше пригнуться, использовать груды кирпича в качестве укрытия. Главное — не подставиться под рикошетиющие пули!

Вслед за Тарой он пробрался обратно к Моргану и Кайлу.

Последний бросок и они укрылись за углом здания, в паре шагов от парней. Те вели огонь из-за машины.

— Капитан! — крикнула Тара.

— Докладывай, — отозвался Морган.

— Со двора ведёт единственная дверь, за ней пустырь — триста метров открытого пространства. Верная смерть.

— Займи позицию рядом с Кайлом.

— Оставайся здесь, — приказала Тара, а сама ловким перекатом исчезла за углом.

Джек опустился на землю. Не хватало ещё поймать шальную пулю.

Он выглянул в переулок. Укрывшись за передним крылом автомобиля, Кайл вёл беспокоящий огонь. Морган и Тара согнулись над картой.

Противник тоже снизил темп стрельбы. Похоже, милиция не собиралась штурмовать их позицию, а лишь сдерживала в ловушке. Враги наверняка получали картинку с дрона и знали, что бежать повстанцам некуда.

Джек убрал голову под защиту стены, привалился к ней спиной.

Плохо дело.

— Враги думают, что загнали нас в силки, — донёсся голос Моргана. — Они ошибаются.

Капитан говорил уверенно, словно это он расставил милиции западню.

Может ситуация не так уж и опасна? Может они превосходят врага и смогут найти выход? Джек прислушался.

— Да, нас меньше, — говорил командир, — но мы лучше подготовлены, лучше вооружены и главное — у нас есть цель! «Отверженные» не боятся смерти, и сегодня она нас не получит! Тара — твоя задача уничтожить две машины заграждения. Используй подствольный гранатомёт и, при необходимости, кинетические патроны. После этого мы

идём на прорыв. Старайтесь не повредить третий автомобиль милиции — используем его для отхода к...

Морган не договорил.

Разрывающий уши стрёкот перекрывает любые звуки. Тяжёлый двухвинтовой вертолёт делает круг и зависает в тылу, над двором. Под днищем виднеется клубок стали. Мгновение и шар отделяется, падает, разворачивая восемь суставчатых лап.

— Паук! — кричит Морган. — Тара, у тебя один выстрел — «кинетика»!

Девушка петляет меж завалов, выходит на позицию.

Вскидывает оружие.

Робот заканчивает наведение, но Тара спускает крючок первой. Инверсионный след красной молнией пронзает воздух. Паук стреляет. Одновременно заряд Тары пробивает броню, перемальвает внутренности боевого дрона.

Снаряд паука уходит с начальной траектории, но ударная волна всё равно подхватывает Тару как снежинку и швыряет на груды бетонных плит в центре двора.

Джек слышит отвратительный хруст. Девушка падает на землю, её лицо и руки в крови из многочисленных порезов.

Милиция открывает шквальный огонь. Пули выбивают фонтанчики земли и бетонную крошку рядом с Тарой.

Она не двигается. Мертва? Ужас на мгновение сковывает Джека. Он делает несколько глубоких вдохов и короткими перекатами бросается к Таре, обхватывает, не поднимаясь, волоком, отталкиваясь ногами, тащит за собой к ближайшему штабелю стальной арматуры.

Тяжёлая. И дышит, просто без сознания.

Мысли Джека замедляются, слабеют руки. Он смотрит на левое плечо. На светлой майке медленно расплывается алое пятно. Странно, он и не заметил, как его подстрелили. Джек оттягивает рукав. Ерунда, царапина, всего лишь жжёт. Вот год назад, когда они с дедом палили по банкам на заброшенной стройке, и он ногой поймал от ricochetившую пулю — то было серьёзно...

Он словно засыпает. Это шок?

Мир постепенно, как и ранее в милицейском автомобиле, обретает синеватый оттенок. Сознание расширяется, захватывает окружающее пространство.

Он снова видит всё со стороны и со всех сторон одновременно.

Вот Тара приходит в себя, садится рядом. Она морщится и обхватывает ребра. Вот две патрульные машины горят в переулке, а мимо них, прикрываясь силовыми щитами, наступают штурмовики в тяжёлой броне.

«Сигма»?

Кайл и Морган отступают к его с Тарой укрытию.

Вот стена дома, а за ней небольшая комната. Ступени ведут в подвал, за дверью которого начинается резервный тоннель метро.

Вертолёт несёт под брюхом смерть из чёрной стали.

Кайл ведёт беспорядочную стрельбу в сторону проулка, забрасывает проход гранатами.

Стоп... тоннель метро?

Джек хватает Моргана за рукав. Молчать смерти подобно, но тело слушается с трудом. Оно будто кукла на верёвочках.

Отдельные слова не складываются в осмысленную фразу. Командир не обращает внимания, говорит с Тарой, но та смотрит только на Джека.

— Морган, он хочет что-то сказать.

— Это шок, он бредит. Ранение лёгкое, опасности нет.

Синева наконец-то отступила, и Джек протолкнул сквозь ватные губы нужные слова:

— Спуск в тоннели... за той стеной, — он вяло махнул рукой. Контроль над телом возвращался слишком медленно: — Мы в правильном месте, но вход в здание с другой стороны. Я видел...

— Это и правда бред, — Тара сжала руками голову.

Морган странно взглянул на него, будто Джек только что подтвердил одно из подозрений.

— Терять нечего, — голос лидера давал шанс на спасение. — Выкладывайте оставшуюся взрывчатку.

Капитан забрал гранаты и «пластилин», змеёй скользнул к нужной стене, исчез из виду.

Секунды растянулись в минуты.

Мощный взрыв сотряс несчастный дворик, а вслед за облаком пыли вернулся Морган.

— За мной, — приказал тот.

Кайл прекратил стрельбу и помог встать Таре. Одной рукой юноша поддерживал сестру, в другой сжимал оружейные ремни.

Джек замыкал колонну.

Только нырнул за бетонную плиту, как град огня обрушился на прежнее укрытие. Во двор, прячась за щитами, ворвался первый ряд штурмовиков.

Тара и Кайл уже пробрались сквозь узкую щель в монолитной стене. Морган, раздирая кожу о бетон, протолкнул в неё Джека и протиснулся следом.

Они скатились по ступеням в подвал и рванули к двери в дальнем углу. Тара прижала ладонь к панели управления. На глазах девушки выступили слезы, когда тяжёлая плита отъехала в сторону.

Из сумрака потянуло затхлостью подземелья.

— А теперь — небольшой сюрприз для наших преследователей, — прошипел Морган.

Он выглядел как демон, что сбросил оковы и жаждет мести. Капитан закрыл дверь и набрал код на голографической панели замка.

— Быстрее, — приказал Морган и махнул рукой в сторону уходящего вглубь тоннеля.

Отряд не сделал и десяти шагов, как проход трянуло отголосками адского взрыва. В попытке удержать равновесие Джек схватился за стену.

Свод пошёл трещинами. Потоки грунта и песка заструились сквозь них как вода.

— Что же, — голос Моргана стал меланхолично спокойным, — теперь «Сигме» есть чем заняться.

* * *

Прямой, словно лазерный луч, проход уводил вглубь.

Редкие лампы едва разгоняли мрак.

За ещё одной тяжёлой дверью оказалась просторная станция, архитектура которой напоминала увеличенный в разы винный погреб: кладка, имитирующая старый камень, арочные своды, тени и паутина.

Джек спрыгнул на рельсы.

Вдали, почти у входа в тоннель, виднелась грузовая дрезина, прикрытая тентом.

Пока Кайл устанавливал аккумуляторы и программировал схему движения, Морган и Джек помогли Таре забраться в кузов. Её лицо посерело от боли. Она морщилась при

каждом глубоком вдохе.

— Ребра целы, — осмотрев девушку, заключил Морган, — треснули, но не сломаны. Остальное — мелочи.

Кайл выдохнул с облегчением.

Дрезина тронулась, набирая ход. Закреплённые на бортах прожекторы ослепительными лезвиями света вспарывали тьму.

Морган вытянул несколько походных аптечек из штабеля припасов, что аккуратной горкой лежали рядом с двигателем. Он как опытный врач обработал раны, вколол Таре обезболивающие препараты, наложил тугую повязку и лишь тогда занялся остальными.

Дождавшись окончания перевязки, Джек выпалил:

— Теперь подходящее время? Какого чёрта здесь творится?!

Морган потёр лоб так, будто подбирал слова, которые сожмут энциклопедию в пару фраз.

— Сразу и не расскажешь, — капитан обвёл рукой привалившихся к высоким бортам товарищей. — Мы — «Отверженные». Ты, наверное, уже догадался, что мы один из отрядов сопротивления действующей власти...

— Сопротивления чему? — перебил Джек.

— Изменению природы человека, — перехватив удивлённый взгляд, Морган добавил: — Не смотри так. Не знаю, к чему ты привык в «своём» времени, но мы сражаемся не за власть, не за ресурсы, не за славу. Наши разногласия с Пироном имеют исключительно эволюционно-генетическую подоплёку. Как следствие, противостояние длится уже несколько столетий и может закончиться только безоговорочной победой одной из доктрин.

— Нашей победой! — вставил Кайл.

Тара усмехнулась, хоть это и причинило ей боль:

— Думаешь, он не видит? Где мы, — она повела рукой, — а где наши противники.

— И это тоже — правда, — согласился Морган. — Мы ещё не проиграли, Джек, но и не выигрываем. Сейчас нас, ортодоксов, слишком мало для полноценной войны и слишком много, чтобы просто сдать. Вместо того чтобы сражаться открыто, мы вынуждены растворяться в толпе, наносить редкие, но точные удары. Ещё этим утром каждый из нас, — он указал на Тару и Кайла, — вёл обычную жизнь: я — программировал сборочные линии на заводе, они — слушали лекции, но когда поступило сообщение о двух разрывах пространства-времени, мы сбросили маски и вступили в бой. К первой точке опоздали, но тебя спасти успели.

— Ортодоксы, Пирон... — Джек покачал головой, — что всё это значит? Вы можете начать...

— А ты расскажешь, как догадался где искать спуск в метро? — перебила Тара.

Пристальные взгляды повстанцев смущали так, словно он оказался на сцене перед залом требовательных слушателей.

— Не знаю, раньше со мной ничего подобного не случалось... На пару секунд я будто потерял контроль над телом и оказался вне его... Смотрел на окружающий мир со стороны. Воспринимал всё одновременно и непрерывно. Видел нас, видел... — Джек поколебался, вспоминая слово, — милицию; видел то, что происходит за стенами окружающих зданий.

Морган и Тара переглянулись.

— Что, это плохо? — спросил Джек.

— Нет, — Морган задумался. — А твоё зрение не теряло восприятия отдельных цветов?

Как бы окрашивая мир в красный или голубой оттенок?

— Да, в синий.

— Думаете, перемещение изменило парня настолько, что он чувствует поле Омеги? — Кайл прищёлкнул языком. — Тогда ясно, почему «Сигма» встала на уши.

— Проклятье, хватит говорить загадками! — Джек вскочил на ноги и чуть не свалился за борт, когда дрезину тряхнуло на очередной стрелке.

— Успокойся, — Тара потянула за руку и усадила рядом, — Пойми, мы и сами не каждый день вытаскиваем гостей из прошлого. У нас нет заготовленной истории, которую можно выдать тебе за минуту. Последний случай «прорыва» случился за несколько поколений до нашего рождения.

— Начни с начала, — буркнул Джек.

— Начало, — вздохнул Морган, — лежит в твоём времени. И лучше тебя никто не знает, как вы докатились до глобальной войны.

— Я не слишком увлекался просмотром новостей. Помню — всё в мире разваливалось: экономика, политика... Хотя у нас, в Соединённых Штатах, было ещё ничего, особенно по сравнению с «южными» странами. Я думал, что проблемы как-то утрясутся. В конце концов, для этого и нужны чиновники с военными.

Морган ухмыльнулся, но всё же сдержался. В разговор включился Кайл:

— Насколько мне известно, началось с того, что два небольших государства пару лет выясняли отношения на поле боя. Конфликт затянулся, и стороны решили закончить его с помощью «ядерной кнопки». В начавшийся апокалипсис поневоле втянулись спонсоры противоборствующих сторон, а чем это закончилось... думаю, ты и сам помнишь.

Джек кивнул. Последние секунды прошлой жизни окружили его: огненные стрелы, пронзающие небо; всепроникающий свет, пожирающий Грайвич; испуганное лицо сестры... Эми... Джек врезал кулаком по дощатому настилу. Тысячи человек погибли на его глазах. Мама, папа...

Хаос последних часов отступил, и он только сейчас до конца осознал произошедшее. Слезы непроизвольно потекли из глаз. Тара коснулась его плеча. Джек вытер лицо.

Кончай хлюпать носом. Ты мужчина. Ты решаешь проблемы, а не плачешь над ними, учил отец. Не хватало ещё, чтобы девушка сочла тебя слабаком.

Джек сглотнул и придал голосу твёрдости, надеясь, что он не сломается:

— Да, я помню.

— Через пару часов в конфликт втянулись практически все государства, обладавшие ядерным оружием, — продолжил Кайл. — К концу дня всё могло бы закончиться, и мир помаленьку начал бы восстанавливаться. К сожалению, то, что было призвано защитить крупнейшие страны — стало гибелью для человечества. Системы противоракетной обороны.

Заметив недоумение во взгляде Джека, Кайл кивнул:

— Да, не удивляйся. Часть ракет действительно сбили, часть — отклонили с первоначального курса. Вот только для конфликта подобного масштаба это всё семечки. Ты никогда не задумывался: что происходит с ядерными боеголовками, не достигшими цели?

— Падают где-то... в пустынях или в океаны, — Джек пожал плечами.

— Верно! Некоторые ракеты затонули и рванули в подводных разломах, в местах стыков тектонических плит. Чем глубже, тем выше содержание изотопов водорода, которые офигенно усиливают ядерную реакцию. Начался процесс неконтролируемой подвижки земной коры. Под воду опустилась большая часть Африки, Южной и Северной Америки,

Австралия. Исчезли целые регионы Западной Европы и Юго-Восточной Азии. Из глубины поднимались новые континенты.

Землетрясения, извержения вулканов. Разрушение того, что уцелело после ядерных бомбардировок, в том числе — хранилищ бактериологического и химического оружия. В атмосфере подскочило содержание углекислого газа, а из-за парникового эффекта ускорило таяние полярных льдов.

— Чудовищно, — прошептал Джек, — а как же люди?

— Мы вымирали. Ограничься всё только атомной войной — человечество восстановилось бы за пятьдесят, да хоть сто лет! Но люди столкнулись с гневом самой Земли и не могли ничего противопоставить. Те, кто жил на поверхности в наиболее цивилизованных регионах планеты — вымерли полностью. Обитатели отдалённых уголков... некоторые уцелели, но... Болезни, мутации, последствия применения биолого-химического оружия, гибель привычной флоры и фауны, нехватка пищи, чистой воды... Сам понимаешь...

Кайл перевёл дыхание:

— Некоторые спрятались в подземных городах и убежищах, но они выиграли не много. Землетрясения и наводнения расфигачили большинство укрытий, похоронив несчастных под обломками. Несколько подземных баз уцелели, но оказались повреждены настолько, что их покинули не через сто, а всего лишь через пять — десять лет после катастрофы.

— Сколько же было выживших?

Кайл мотнул головой:

— Я не знаю, никто не вёл записей. За одно поколение люди деградировали до первобытного состояния.

— Если учесть, — вставил Морган, — что спустя четыреста лет, на Земле живёт около двадцати миллионов, то представь, сколько человек приспособилось к новым условиям. По клочку земли, что остался от Европы и Азии, кочевали малочисленные племена, которые возникли из смешавшихся осколков исчезнувших наций. Старые религиозные, социальные и этические догмы были отброшены — все пытались уцелеть любой ценой. Единственной заботой стало добывание пищи и защита потомства. Люди мутировали, чтобы приспособиться к новой реальности. Платой за выживание стало уменьшение продолжительности жизни до семнадцати-двадцати лет.

— Сейчас мы живём немного дольше, большинство протягивает и за тридцать, — сказала Тара, — но процесс восстановления очень медленный. Уничтожить биологический вид всегда проще, чем возродить.

— Но вам это как-то удалось, — Джек потёр лоб. — Каким образом?!

— Нам помогли, — ответил Кайл. — Где-то через восемьдесят лет после войны на нашу планету наткнулись исследовательские корабли одной из галактических рас. То были Малаах — странная, но красивая форма жизни — сгустки разумной энергии, способные принимать различные формы. Они собрали выживших и помогли создать новое общество, которое не должно было повторить ошибок прошлого. Человечество тяжким трудом и с помощью Малаах искупало грехи своих предков: очищало землю, заново открывало утраченные знания, строило дома и дороги, училось жить в мире, как единая нация. У нас была цель — возродиться и присоединиться к межзвёздному сообществу равноправных народов.

— Почему же вы теперь боретесь против них? — удивился Джек.

— Не против Малаах, — пояснил Кайл, ив его голосе зазвучала ненависть. — Против того, кто явился из межзвёздной тьмы, кто уничтожил нашу общую мечту, кто совратил человечество обещаниями неизмеримого могущества и идеей превосходства над другими галактическими расами.

— Успокойся, Кайл, — усмехнулась Тара. — Ты пугаешь нашего гостя. Он решит, что Пирон — некая мистическая сила или воплощённое зло.

— Вовсе нет, — запротестовал Джек, — я лишь не понимаю...

— Пирон — это живая машина титанических размеров, что явилась из глубин далёкого космоса, — пояснил Морган. — Существо, которое до основания своей синтетической души ненавидит сообщество Малаах и станет бороться с ним до последнего. Я не знаю, какая битва случилась меж далёких звёзд, но Пирон проиграл и отступал, разрушая за собой одни космические врата за другими. Теперь наша часть галактики отрезана от общей сети.

Пирон наткнулся на Землю и решил, что сможет вырастить из человечества орудие возмездия. Первое что он сделал — явил людям знак своей невероятной мощи — уничтожил лунную базу Малаах. Удар оказался настолько силен, что поднял в космос облако пыли и мелких осколков. Вот уже несколько столетий они, под действием гравитации, формируют кольцо вокруг Земли. Вроде того что есть у Сатурна.

— Да, я видел. Сверкающая лента в небе. Невероятно... — прошептал Джек. Масштаб событий подавлял как горный обвал.

— Большинство Малаах погибли, — Морган возобновил рассказ. — Уцелевшие затаились. Они понимали бессмысленность прямой конфронтации с Пироном.

— Машина завоевала Землю?

— Нет. И да. Не в том смысле, что ты вкладываешь в эти слова. Пирон разделил свой корпус на шестнадцать частей. Четырнадцать из них опустились в разных уголках планеты. Одна стала спутником Земли, а последняя удалилась на орбиту Плутона — наблюдать за возможным прибытием флота галактических рас. Из-за разрушения системы космических врат путь к Земле для них займёт долгие столетия. Но повстанцы верят, что помощь придёт. Надо лишь продержаться!

Морган вздохнул как человек, который понимал, что сам так и не доживёт до победы. Он глотнул воды и продолжил:

— Пирон рекомендовал правительству людей другой путь развития, и его аргументы оказались весомы. В то время мы не могли выжить без внешней поддержки. Несмотря на помощь Малаах, люди все ещё балансировали на краю бездны. Пирон обещал всё: ресурсы, энергию, знания. И вдобавок посулил нечто большее — возможность стать Силой, эволюционировав от совокупности свободных индивидов к единой Сущности, способной произвольно управлять пространством и временем.

— Такое возможно?

— Пирон уверял, что люди мутировали из-за последствий глобальной войны. Человек достиг такого уровня эволюции разума, который позволяет сознанию не исчезать после смерти. Теперь оно вливается в единое энергоинформационное поле, что медленно формируется вокруг Земли и в будущем переродится в высшую Силу.

— Глупость какая-то! — хмыкнул Джек.

— К сожалению — это реальность, — парировал Морган. — Сначала правительство отнеслось к заявлениям Пирона как к новой религии, которую придётся исповедовать в обмен на помощь в восстановлении планеты. Но вскоре родилась Омега — посмертное

слияние разумов людей, населявших Землю после глобальной войны. Переходное состояние между человеком и... чем-то большим, чем-то совершенно другим, не имеющим аналогов в нашем мире.

Морган перевёл дыхание:

— Сложно объяснять то, что кажется и так понятным. Может, отложим разговор до более спокойных времён?

— Нет, — Джек покачал головой и бросил взгляд на пронесившиеся мимо стены тоннеля, подсвеченные лучами прожекторов.

В этом мире ему жить. А делать это с завязанными глазами нельзя.

— Продолжай, пожалуйста. Мой отец говорил, что сначала надо изучить противника и только потом действовать. Чтобы освободить Эми я должен знать подоплёку событий.

— На Земле возникла церковь Единения, — продолжил Морган, — псевдорелигиозное движение, которое проповедует необходимость объединения человеческого разума в единую высшую сущность. Ты, кстати, побывал сегодня в одном из их храмов медитации.

— Я правильно понял, — уточнил Джек, — что теперь после смерти душа человека вливается в некое «поле»? И оно накапливает энергию для последующей трансформации?

— Только не душа, а разум, — поправила Тара. — Душа — понятие веры, разум — то с чем мы имеем дело в реальной жизни. Джек, тебе стоит принять, что Омега также реальна как и мы с тобой.

Морган кивнул:

— Верно. До момента пробуждения Омега бездействует, хотя и позволяет использовать себя как хранилище знаний, накопленных людьми с момента её рождения. Она поглощает энергию разума и в будущем, после набора критической массы, конвертирует сознание ещё живущих людей в себя самое. И превратится в Силу.

— Что такое — Сила?

— Никто не знает, — Морган потёр подбородок. — Никто не может знать. Ничего подобного ещё не существует. Это нечто другого порядка, чем привычная для нас жизнь. Всепроницающее поле, которое пронзает Вселенную и меняет её законы? Возможно...

— Похоже, наш капитан наконец-то добрался до самого главного, — вставила Тара.

Морган вздохнул:

— До самого грустного. Надо сказать, что не все люди способны на слияние с Омегой при жизни. И не все могут после смерти передать разум в её поле, окружившее Землю. Таких людей называли ортодоксами. Тех же из ортодоксов, кто взял в руки оружие, кто не смирился с новым порядком Пирона, кто не захотел терять человечность — нарекли «Отверженными».

— Разве не могут разные группы людей жить отдельно, по своим законам? — удивился Джек.

— Всё не так просто, — ответил Морган. — Омега растёт уже несколько столетий и... неизвестно, сколько ещё времени пройдёт до момента трансформации, но как только превращение начнётся, она насильно поглотит любой человеческий разум. Неважно, способен ты к слиянию или нет, хочешь ты этого или нет.

— Мы — не хотим! — Кайл врезал кулаком по борту. — Мы верим, что имеем право выбирать своё будущее! Мы стремимся остаться людьми! Хотим любить и растить детей. Хотим полететь к звёздам и открывать новое каждый день. Хотим сотрудничать с другими галактическими расами и вместе строить нашу жизнь. Хотим быть свободными и верим, что

имеем право самостоятельно определять судьбу. Мы лучше сдохнем в борьбе, чем отдадим выбор в руки некой Силы!

— Мы — люди. Мы — ортодоксы. Мы — «Отверженные», — Тара говорила спокойно, но чувствовалось — её внутренняя уверенность крепче гранита: — Человек — высшая ступень эволюции! И за это «Отверженные» готовы умереть.

* * *

Дрезина неслась во тьме как мотылёк, пронзающий ночь крохотной искрой света. Иногда машина тормозила, и Джек помогал расчищать пути от камней, что сорвались с обветшалых сводов тоннеля.

Разговор затих, словно его спутники решили дать Джеку передышку, возможность обдумать и рассортировать ворох новой информации.

Да уж, было от чего прийти в замешательство...

Он попытался разложить всё по полочкам, выстроить пирамиду из фактов, но образы громоздились друг на друга как скалы, закрывая горизонт и оставляя его в узкой теснине смятения.

Гибель старой Земли и возрождение человечества как единой нации. Рука надежды, протянутая Малаах и коварный замысел Пирона, апеллирующий к темным пикам людской гордыни и тщеславия. «Отверженные», которые восстали ради права на свободу воли. И Омега...

В центре всего — Омега... Она пугает, но в то же время манит, как пламя костра в грозовую ночь. И эта двойственность служит причиной тех странных видений, что спасли жизнь и ему, и его новым товарищам.

Джек кашлянул, привлекая внимание, и спросил:

— Эта Омега — она у всех проявляется так же как у меня? Восприятием окружающего пространства без ограничений?

— Нет, — Морган покачал головой, — люди, способные к слиянию, в обычной жизни не ощущают присутствия Омegi. Они контактируют с ней единственным способом — через омега-центры, оборудование которых предоставляет доступ к массиву знаний, накопленных людьми после глобальной войны.

— База данных мертвецов? — приподнял брови Джек.

— Грубо, но точно, — усмехнулась Тара.

— И любой, кто способен к слиянию, может подключиться, а затем скачать память умершего человека?! Все его знания, личные воспоминания и самые интимные переживания?!

— И да, и нет, — Морган поёрзал, разминая затёкшие ноги. — Я не специалист, но Омега — это скорее однородная субстанция, которая пронизывает окружающее Землю пространство, а не место, где собираются «души» умерших и ждут, пока ты их о чем-то спросишь. Любой человек, способный к слиянию, может посетить омега-центр и с помощью оборудования Пирона буквально скачать в свой разум научную информацию. Но ты не получишь доступ к личным воспоминаниям или к чему-то подобному.

— К слову, — вмешался Кайл, — это прилично ускорило процесс обучения и детей, и взрослых. Теперь надо не запоминать информацию, а применять её и развивать дальше. Сам понимаешь, — с горечью добавил он, — какое преимущество это даёт людям, превращая ортодоксов в граждан второго сорта.

— Ты говоришь так, будто ортодоксы не люди, — удивился Джек.

— Ну, — протянул Кайл, — мы действительно различаемся, хотя изредка в семьях ортодоксов рождаются дети, способные к слиянию. Бывает и наоборот. Кстати, само понятие ортодокс переводится как «правильный человек». Это отличает нас от большинства людей, сцепленных с Омегой, — он махнул рукой. — Просто термин, не бери в голову.

— Хорошо, — Джек потёр виски. От такого разделения людей на «правильных» и обычных попахивало дискриминацией, но... сначала надо во всем разобраться, а лишь потом судить: — Вернёмся назад. Если мои «видения» уникальны, то... как я это проделал?!

— Возможно, — Морган поднял ладонь, — заметь, только возможно — это последствия изменений в твоём организме, которые вызваны переходом сквозь точку разрыва пространства-времени. Почти два столетия назад через временные тоннели выдернули немало протолюдей. Некоторые демонстрировали похожие способности, хотя и очень слабые. Одни предугадывали будущее, другие овладели зачатками телепатии, а кто-то проявлял чудеса интуиции. Мелкие забавы, сродни искусству фокусника. Но то, что описываешь ты... я не слышал ни о чем подобном. Возможно... дело в том, что за два века, прошедших с момента «Зимнего мятежа», Омега выросла и теперь позволяет использовать своё поле куда эффективнее.

— Уверена, — сказала Тара, — именно поэтому Пирон разрешил «Сигме» устроить тот хаос на улицах. Хотел захватить любой ценой, чтобы исследовать твои способности. Похоже, ты не просто контактируешь с Омегой как обычные люди, а используешь её в своих целях.

— Так уж и использую, — Джек покачал головой, — я едва мог пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то управлять новыми возможностями.

Тара пожала плечами, словно говорила: «Тебе видней».

— Подожди, — Джек закусил губу и взглянул на Моргана, — ты сказал, что двести лет назад открывались и другие точки перехода. А что если мы с Эми разминулись на несколько веков?!

— Я так не думаю. Ты говорил, что держал сестру, закрывал собой, а значит — вы прошли сквозь один разрыв.

— А как вообще стали возможны такие путешествия во времени?

Морган задумался. Он потёр лоб и нехотя ответил:

— Благодаря Малаах. Но это сложная история. Лучше отложить её на потом.

— Нет, — Джек сжал кулаки, — я хочу знать всё. Я должен знать всё! Чтобы понять, как спасти Эми!

— Хорошо, — Морган вздохнул. — Но это грустная история о предательстве, о крупнейшем поражении «Отверженных» и о потере надежды. После того как Пирон уничтожил базу Малаах и склонил людей на свою сторону прошло чуть более ста лет. Мы последовательно восстанавливали наш мир. Терраформировали Землю. Уничтожали мутировавшую флору и фауну. Заселяли планету клон-копиями её прежних обитателей. Со временем сформировались зачатки Омеги, и человечество оценило удобный доступ к знаниям, что она дарила. Люди радовались предстоящему слиянию в единую Силу. Они не понимали, что стали жертвами центров телепатического контроля Пирона.

— Он мог управлять людьми? — ужаснулся Джек.

— Нет. Нельзя «управлять» человеком словно куклой. Но можно повысить восприимчивость к скрытому манипулированию, в котором особенно преуспела церковь Единения. Лишь ортодоксы, лишённые возможности слияния с Омегой и не восприимчивые к телепатическому контролю, осознавали суть происходящего. И те из них кто выбрал

борьбу, с помощью выживших Малаах, сформировали тайное движение «Отверженных».

— И задумали революцию?

— Да. Через столетие после захвата власти сторонниками Пирона, в начале зимы, «Отверженные» подняли крупнейший в истории мятеж. Его лозунгом стала фраза: «Человек — последняя ступень эволюции». Выступая против идеи принудительного слияния ортодоксов в единую Силу, повстанцы нанесли удар по крупнейшим городам, которые возникли в местах приземления осколков ядра Пирона. Главными целями стали захват и разрушение комплексов телепатического контроля людей.

— Подозреваю, затея не удалась, — пробормотал Джек.

Морган кивнул:

— Восставшие планировали внезапную атаку, но она провалилась. Пирон задолго до того внедрил шпионов в ряды «Отверженных» и был хорошо осведомлён и о дате начала мятежа, и о силах повстанцев.

— И тогда...

— Малаах поняли, что это их последний шанс. Они принесли себя в жертву: направили собственную энергетическую сущность на открытие врат в прошлое. Малаах «выдернули» около миллиона человек за секунды до начала глобальной ядерной войны. Поверив в наши идеалы, многие протолюди согласились нам помочь.

— А почему я оказался здесь не «тогда», а «сегодня»? — удивился Джек.

— Из-за нестабильной природы разрывов пространства-времени некоторых выдернули чуть раньше начала апокалипсиса. А кто-то, как и вы с сестрой, пришли в наш мир через века после «Зимнего мятежа».

— Жаль, что перемещение материальных объектов возможно только вперёд по линии времени, — добавил Кайл, — а то бы мы показали этим... — он потряс кулаком, угрожая незримому противнику.

— Все ли Малаах погибли, открывая «врата»? — спросил Джек.

— Насколько я знаю — да, — Морган прикрыл глаза. — В итоге мятеж, планировавшийся как блицкриг, затянулся на несколько лет и разрешился благодаря очередной хитрости Пирона. Он установил контакт с одним из лидеров восставших, убедил предать друзей. Повстанцев уничтожили, а их бывший вождь основал «Сигму» — военизированную организацию по защите Омеги от «Отверженных». Предатель стал первым и единственным ортодоксом в рядах «Сигмы».

Морган замолчал. Выражение лица не оставляло сомнений в том, насколько горькими были для него подобные рассказы. Наконец капитан закончил:

— С тех пор «Отверженные» стараются лишь оттянуть перерождение Омеги и дожидаться прибытия флота Малаах. У нас остались базы и тренировочные лагеря в труднодоступных уголках планеты. Мы организовали подпольную работу в городах и не даём погаснуть искре сопротивления, но активных боёв давно не ведём.

Джек задумался. Столько информации... Он словно компьютер с переполнением оперативной памяти — ещё немного и уйдёт в перезагрузку... Зато происходящее начало приобретать хоть какой-то смысл.

Теперь понятна и реакция людей на улицах, и отношение милиции, и охота, устроенная «Сигмой». Для них он — враг, потенциальный террорист, что явился из далёкого прошлого.

С другой стороны, уж лучше жить с «Отверженными», которые выступают за самые чистые идеалы: свободу, право выбора и человечность. Жаль только повстанцы оказались в

меньшинстве и теперь отступают, теряя один рубеж за другим. Это попросту несправедливо!

— Это несправедливо! — Джек не заметил, как мысли сорвались с языка.

— Я знал, что ты поймёшь, — Кайл хлопнул его по плечу. — Если бы все люди думали так же... Если бы мы смогли найти и отключить центры телепатического контроля, если бы показали всем правду...

Морган улыбнулся, а Тара ткнула брата в бок, словно говорила: «Остынь, успеешь навоеваться». Тот отшучивался, а Джек прикрыл глаза. Он собирался всё хорошенько обдумать, но соскользнул во тьму.

Усталость взяла своё.

* * *

Кто-то тряс его за плечо. Джек очнулся.

Дрезина замедлила ход и выкатилась из сумрака тоннелей в просторный зал под куполом из потрескавшегося стекла и ржавого металла. Повсюду лежал строительный мусор, припорошённый толстым слоем пыли. Заходящее солнце рисовало изломанные тени на выщербленном камне старых перронов.

— Конечная, — подмигнула Тара.

Джек потянулся, разминая затёкшие мышцы, и двинулся за остальными к пролому, сквозь который внутрь проник зелёный язык леса, что окружал заброшенную станцию.

Морган двигался по платформе зигзагами и сверялся с картой на экране браслета. Капитан остановился у непримечательной груды разбитых плит, знаком попросил Джека с Кайлом помочь ему. Втроём они с трудом сдвинули бетонную пластину, под которой, в углублении, нашли объёмный металлический короб с аккуратно уложенным походным снаряжением.

— Сменить одежду и экипировку, — скомандовал Морган. — Десять минут, затем выходим.

— Куда мы теперь? — спросил Джек, натягивая лёгкую камуфлированную форму. Немного не по размеру, ну да ничего, зато ботинки ему достались отличные: высокие, прочные, сидят на ноге как вторая кожа. С таким снаряжением хоть в лес, хоть в предгорья.

Джек протянул руку к рюкзаку, но Морган остановил его.

— Он не понадобится. Через полтора часа мы выйдем к одной из ферм, что лежит в поясе Бельха. Передадим тебя на попечение надёжным людям.

— Как... — Джек словно в стену влетел. — Я думал... А вы?

— У нас один путь — в Дикие Земли, на тайную базу «Отверженных», — Морган проверял оружие не глядя на Джека. — Моя городская ячейка провалена, так что придётся залечь на дно. А ты осваивайся среди друзей, просто живи.

— Не волнуйся, — Тара застегнула разгрузочный жилет и принялась навешивать кармашки с амуницией. — Там ортодоксы надёжные. Помогут устроиться в нашем мире. Выучишь язык и обычаи, пройдёшь генную терапию, чтобы окружающие не реагировали на белый цвет твоей кожи, определишься с работой. Да что говорить — вариантов масса. Сам решишь, чем заняться.

— Но я рассчитывал отправиться с вами!

Тара покачала головой, а Морган спросил:

— А зачем, Джек? Ты думаешь, мы отбили тебя у милиции ради особой цели? — капитан мотнул головой. — Нет. Конечно, мы не хотели, чтобы из тебя сделали подопытного кролика в лабораториях «Сигмы». Но это не главное. Когда-то, столетия назад,

люди из прошлого дали нам надежду, согласившись включиться в борьбу с Пироном. Теперь и мы помогли запоздалому страннику. Простая благодарность, только и всего. Зачем тебе идти с нами?

— Зачем?! — Джек задохнулся от возмущения. — За один день я потерял всё: привычный мир, родителей, сестру... А единственные люди, которые пришли на помощь, с которыми я мог бы спасти Эми, хотят отделаться от меня и отправить в какой-то «санаторий»?! Никогда!

— Ого, — хохотнул Кайл, — вот это настрой! А что, капитан, Джек — совершеннолетний, да и мы вправе принимать новых сторонников. Надо лишь проголосовать.

— В принципе — да, но...

— Стенли! — перебила Тара, и Морган замолчал, наткнувшись на её укоризненный взгляд. — Зачем ты поощряешь безрассудные идеи моего братца? Это просто нелепо! К тому же мы не вправе обещать, что спасём Эми. «Сигма» как чёрная дыра. Если схватила, то уже не вырвешь.

— И все же, если есть хоть малейший шанс, то я его не упущу, — Джек закусил губу и поймал взгляд капитана. — Я готов вступить в ряды «Отверженных»!

— Хорошо, тогда проголосуем, — спокойный голос Моргана сулил Джеку надежду. — Но Тара не лжёт — я не гарантирую помощи в спасении Эми. Масштабная атака на «Сигму» потребует координации усилий многих подразделений, а я не вправе обещать за наших лидеров. Тем не менее, если ты готов разделить все тяготы партизанской жизни, если готов рискнуть ради идеалов «Отверженных» — добро пожаловать!

— Я за приём, — сказал Кайл.

— Против! — Тара выступила вперёд.

— Нужен единогласный результат, — Морган поморщился. — Мне жаль, Джек, но...

— Почему?! — Джек рванулся к девушке. Его мысли кипели, но он сдерживался, понимая, что это сражение выиграет лишь разум. — Что не так? Объясни, раз берёшься решать чужую судьбу!

— Ты не готов, — Тара попятилась, ошеломлённая напором. — Ты ещё ребёнок.

— Вы с Кайлом не старше меня!

— Мы выросли в другом обществе, Джек. Мы совершеннолетние дееспособные граждане и давно отвечаем за свои поступки. Ты же, насколько я знаю древнюю историю, ещё многие годы жил бы под опекой родителей, полагаясь на их решения и перекладывая на них ответственность.

— Тот мир мёртв, — в голосе Джека прозвучала такая боль, что лицо Тары немного смягчилось. — Да, ты права — за меня отвечали другие. Но они погибли, а я не забыл последние слова отца. Он сказал, что теперь я главный и отвечаю за сестру. Пожалуйста, никогда, — он подчеркнул это слово затаённой в голосе яростью, — никогда не говори, что не я определяю мою судьбу!

Джек обернулся. Кайл кивнул и поднял большой палец вверх. Морган сидел на камне, подперев кулаком подбородок. Наблюдал. Оценивал.

— Пусть так, но не это главное, — Тара пришла в себя после отповеди Джека и сделала новую попытку. — Все мы, — девушка повела рукой, — пришли в Соппротивление по разным причинам, но все мы сражаемся ради общей цели — ради права ортодоксов остаться людьми. Не за деньги, славу или власть. Общество, которое построил Пирон, требует мало,

но даёт от души. Мы же отвергаем комфорт и достаток, рискуем свободой и жизнью. Нас ведут общие идеи, мечты, а не личные, пусть и благородные стремления.

Она повернулась к Моргану, словно призывала того в свидетели, и тот кивнул. Воодушевлённая этим Тара продолжила:

— Ты хочешь вернуть сестру и ищешь поддержки. Хорошо, я понимаю тебя и действовала бы также, случись что с Кайлом. Но я знаю, что свои крупнейшие победы Пирон одерживал не за счёт силы, а умело играя мотивами отдельных людей. Что будет, если однажды Пирон предложит тебе Эми в обмен на всех нас?

Казалось, её взгляд проникает в душу, передаёт то, что невозможно выразить словами.

— Джек, изучи этот мир, — попросила Тара. — Прими его и себя. Лишь тогда ты выберешь правильно. Не спеши, пусть правит не ярость, но разум. И если через пару лет ты захочешь стать одним из нас — я первая протяну тебе руку.

Джек не опустил глаза, хотя правда из уст Тары жгла как пламя. Но терпеть несколько лет?! Пока «Сигма» творит с Эми ужасные вещи?!

Десятки мыслей и фраз теснились в голове. Всё не то...

Тара не отводила взгляда. Джек, аккуратно подбирая слова, парировал:

— Понимаю. Я не стану убеждать вас, будто живу идеалами «Отверженных». Это — правда. Но я верю в свободу и право выбора, мой отец сражался за них долгие годы. И научил меня, что они стоят борьбы. Это тоже — правда.

В глазах девушки мелькнуло удивление и Джек, ободрённый намёком на успех, продолжил наступление:

— Ты спрашиваешь: кого я выберу? Эми или боевых товарищей? Я не знаю. На твой вопрос не может быть ответа. Любой ответ — ложь. Подобные решения не принимают загодя. Это — правда. Но я знаю, что такой выбор станет последним в моей жизни. Это тоже — правда.

Джек взял Тару за плечи, но та не пыталась отстраниться. Казалось, что его слова заморозили девушку так же, как взгляд удава сковывает кролика. Джек придвинулся ещё ближе, и они оказались лицом к лицу.

— Пожалуйста, Тара... Я открыл тебе душу и мне нечего добавить. Позволь сделать мой собственный выбор.

— Я... я не знаю... — девушка отступила на несколько шагов и отвернулась.

— Пожалуйста.

— Хорошо, — голос Тары дрожал. Она перевела дыхание и её слова резанули Джека острее бритвы: — Но ты будешь страдать.

5. Пробуждение

Сознание вернулось подобно удару молота — резко и также болезненно.

Она застонала, рефлекторно сжалась в комок и ещё несколько мгновений лежала зажмурившись. Постепенно боль утихла, спряталась где-то за теменем, и Эми решилась проклюнуться сквозь защитную скорлупу незнания.

Что это за место?

Напоминает Зазеркалье, где всё не то чем видится.

Предметы искажались, будто она глядела сквозь банку с водой. Резко пахло чистотой и какими-то... лекарствами? Пальцы скользнули по шелковистой поверхности, дошли до края и сорвались в пустоту.

Она лежит на кровати?

Зрение обострилось, вокруг проступили очертания просторной комнаты.

Похоже на больничную палату. Сталь, пластик, матовое окно от пола до потолка. Широкий экран над изголовьем, то ли встроенный в стену, то ли ставший её частью. На нем змеились непонятные графики.

Эми откинула простыню. Показатели на дисплее изменились, словно её активность отслеживали невидимые датчики.

Что происходит?

Она вскочила и тут же рухнула на шершавый пластик. Укутанное в бесформенную пижаму тело не подчинялось, откликаясь лишь случайными подёргиваниями. Эми изогнулась и уцепилась за край постели. Собрала последние силы, но смогла только сесть, привалившись к стене. Казалось, что её создали заново и разум никак не освоится с похожим, но таким новым телом. И ещё это чувство, словно...

Хлопнула дверь.

Обернуться не хватило сил. Перед Эми возникло участливое лицо молодой девушки. Медсестра? Та что-то сказала на незнакомом языке, затем повернулась, отдавая указания.

Эми подняли и уложили в кровать. Нечто прижалось к запястью и всё снова погрузилось во тьму.

* * *

Песок.

Горячий песок обжигает как уголья. Жар пустыни струится от раскалённой поверхности, и Эматалла убегает в тень навеса.

Вокруг шум, голоса, смех.

Праздник? На улицах люди, они радуются, воздух пульсирует звуками бубна, а ветерок доносит такой вкусный аромат... Но что-то влечёт её прочь, некое предчувствие заставляет выбежать на задний двор и поднять глаза к небу.

«Оно» приближается: опасное, смертоносное. Где-то там, в вышине, неразличимое с земли, но отлично видящее их всех. Её зовут, но она, как околдованная, уходит, прикрывает глаза ладошкой, старается рассмотреть...

Эми вскочила. Её словно взрывной волной отбросило. Лишь когда оказалась посреди комнаты поняла, что твёрдо стоит на ногах: нет ни головокружения, ни скованности. Шагнула раз, другой, подняла руки, сжала пальцы в кулаки и потянулась, разминая мышцы.

Как же хорошо полностью контролировать своё тело!

Приглушённый свет струился сквозь дымчатую панель. Эми коснулась матовой поверхности, и окно стало прозрачным, словно кто-то невидимый махом протёр запотевшее стекло душевой кабины.

День клонился к вечеру. Далеко у горизонта бушевала гроза, но над ближайшим кварталом небо прояснилось. Сквозь решето туч пробивались столпы непримиримого света.

С высоты нескольких этажей Эми разглядывала бескрайний мегаполис. Город сбегал по склонам холма и уносился вдаль спиралями улиц. Копья бульваров пронзали их зелёными росчерками, а затем терялись вдали, где меж иглами небоскрёбов ещё сверкали ветвистые молнии.

Над зданиями ажурным кружевом парили линии монорельса, в воздухе мелькали странные аппараты, а по улицам спешили прохожие, одетые так, словно кто-то собрал все костюмы мира, перемешал и разрешил: «Бери что хочешь!»

До чего же они молоды и уверены в себе... Странно, но мало кто выглядит старше двадцати пяти лет.

Эми на миг растерялась, сражённая потоком образов, которые взывали к чувственной грани её подсознания. Мир за окном дышал юностью и напором, стремлением жить и бросать вызов, ошеломлял и обескураживал, а заодно поддразнивал: «Есть всё, но на что решишься ты?»

Она отступила, зажала глаза ладонями, а затем выглянула в щель меж пальцев.

Такого города не существует! Невозможно!

Эми попятилась и уселась на краешек постели.

Неужели умерла?!

Нет, все чувства кричат об обратном.

Она сжала виски и принялась непроизвольно покачиваться, словно вспоминая нечто важное.

Джек!

Имя брата вспыхнуло обжигающей вязью, и Эми задохнулась от боли, которую несла вернувшаяся память. Яростное пламя — свет, не добрый и мягкий, как лучи заходящего солнца, а слепящий, как тысяча галогеновых ламп, нацеленных прямо в глаза. Ты не можешь ни отвернуться, ни прикрыть веки.

Она вспомнила.

Свет пожирает всё вокруг, а Джек закрывает её собой в последнее мгновение.

Надо отыскать брата! Эми бросилась к двери.

Закрывается! Она дёрнула ручку, колотила по гладкому пластику до тех пор, пока тот не поддался.

В комнату вошла медсестра и попросила о чём-то.

— Я не понимаю! — Эми ухватила девушку за руку, прерывая её слова, а затем попыталась знаками передать образ Джека: — Мой брат, мы были вместе, когда... когда...

Она замолчала, наткнувшись на полный сочувствия взгляд. Медсестра заговорила, судя по тону голоса — успокаивала как встревоженного ребёнка. Она подвела Эми к стене и коснулась поверхности, которая вспыхнула мягким светом. Под её пальцами замелькали изображения, пока не появилась стилизованная картинка антикварных часов. Девушка сделала несколько круговых движений, заставляя стрелки вращаться.

Подождать? Подождать до завтра? Но как же Джек?! Почему их разделили?! Неужели...

Эми бросилась к двери, но та не открылась.

Словно пойманная птица она заметалась по комнате. Кричала, требовала, пока рука медсестры не поймала её ладонь. В следующее мгновение девушка крепко обняла Эми, и тогда она поддалась магии незнакомых, но ласковых слов, позволила усадить себя на постель и замолчала как игрушка, из которой хозяин вынул батарейки.

Медсестра снова вызвала картинку часов и знаками попросила дождаться завтрашнего утра.

Эми кивнула. Девушка улыбнулась, погладила по плечу и вышла.

Вскоре принесли ужин. Эми вяло поковыряла нечто похожее на кукурузную кашу с молоком, выпила компот, оставив кусочки фруктов, и скользнула в кровать. Она закуталась в простыню так, словно ткань могла оградить от пугающих мыслей. Страшные догадки мелькали на краю сознания.

Загадочный город, который попросту невозможен в её времени.

Невероятные технологии, что пронизывали больничную палату.

Чужой язык.

И... одиночество. Мама, папа, Джек... Эми никогда не отдалялась от них дальше телефонного звонка, а теперь оказалась совсем одна.

За окном смеркалось. Эми заплакала, сжимаясь под тонкой простыней, что давала хоть какую-то иллюзию защиты. Слезы уносили боль, и вскоре она забылась сном без сновидений.

* * *

Её разбудило солнце. Эми приоткрыла глаза и тут же зажмурилась.

Судя по ярким лучам уже часов десять, не меньше. Она выплакалась, выспалась и словно приняла реальность. Не смирилась, но приготовилась бороться с ворохом грядущих проблем.

Эми потянулась и встала с кровати. Пусть её и держат взаперти, но это не повод лениться! Пора сделать несколько упражнений и заняться собой. Приоткрытая дверь туалетной комнаты намекала на то, что она всё-таки девушка, а не взъерошенное чудо. Эх, ещё бы сменить безразмерную пижаму и сандалии на нормальную одежду...

Контрастный душ окончательно прогнал сон и взбодрил не хуже кофе. Вот только заняться нечем. Эми просто ходила из угла в угол и временами задерживалась у окна, подглядывая за жизнью незнакомого города. Пару раз она погружалась в невесёлые мысли, которые тут же отгоняла. Ни к чему мучить себя тем, что оставалось вне её власти.

Никто не приходил.

Хм, неужели о ней все забыли?! Даже врача не вызвать... Экран над изголовьем на прикосновения не отзывался, лишь показывал всё тот же набор графиков и диаграмм. Эми коснулась пальцами стены. Бесполезно. Хотя вчера та и превращалась в экран компьютера, но сегодня оставалась безучастной поверхностью.

— А ну работай! — в сердцах воскликнула Эми и стукнула несчастный пластик. Тот на мгновение вспыхнул, словно откликнулся на приказ, а затем вновь погас.

Действует! Она чуть не захлопала в ладоши. Наконец хоть что-то получается! Эми коснулась стены.

Пожалуйста, работай!

Небольшой участок поверхности засветился, пульсируя молочным светом. Казалось, он ожидал дальнейших указаний. Но сколько Эми ни пыталась, сколько вопросов ни задавала, экран оставался безучастным, лишь иногда взрывался набором мгновенно сменявшихся образов, не имевших смысла.

Не понимает? Она вздохнула. Компьютер словно бы улавливал электромагнитные волны её мозга и считывал простейшие команды, но не реагировал на поисковые запросы, сформулированные по-английски.

Эми водила пальцем по стене, оставляя узкий след.

Как будто рисовала на огромном холсте.

Она произвольно подумала о структуре ткани, и линия приняла нужную текстуру. Эми усмехнулась. Ребёнку дали лист и карандаш...

Короткими штрихами она нанесла контуры лица и придала сходство с медсестрой, которая утешала её прошлым вечером. Эми мысленно воссоздала образ девушки и нажала на стену, заставляя машину откликнуться.

Поверх рисунка возникла небольшая карточка. Она содержала несколько строк

незнакомому тексту и фотографию той самой медсестры. Внизу, словно кнопка вызова, пульсировал зелёный кружок. Эми смахнула файл и нарисовала лицо Джека.

Экран остался безучастным. Она повторила запрос, удерживая образ брата в своей памяти, но ничего не изменилось.

Эми вздохнула и направилась к выходу. Пришло время требовать ответы! Она занесла кулак и лишь тогда заметила крошечную щель между створкой и косяком.

Открыто?! Эми перевела дыхание и как тень выскользнула из комнаты.

Красиво! Вот это зал! Светло и просторно...

Стеклянный купол накрывал изысканный зимний садик. Повсюду стояли кадки с экзотическими деревьями и плоски с цветами. Из декорированного под озерцо фонтанчика вытекал ручей и петлял меж ажурных столиков.

За одним из них, вполоборота к Эми, сидел широкоплечий подтянутый парень лет девятнадцати. Темно-синяя рубашка, черные брюки. На коротком рукаве виднелась нашивка со знаками различия и эмблема — символ математической суммы. Молодой человек с головой ушёл в шахматную партию. Повинуясь малейшим движениям пальцев, над столешницей призраками скользили голографические фигуры.

Эми скинула сандалии, на цыпочках обошла игрока. Держась у стены проверила двери. Никого, пустые больничные палаты. Затем выбралась в коридор. Стеклянная плита отрезала путь к резервной лестнице. Открытые створки лифта манили внутрь, но вот сдвинуть его Эми так и не удалось — кнопки не работали, лишь мерцали в ответ на нажатия.

Она вернулась в зимний сад и спряталась за колонной. Хорошее место для наблюдения за таинственным игроком. Партия у того не задалась: юноша делал ход за ходом, но терял позиции и всё сильнее нервничал. Эми подошла ближе, заглянула через плечо. Безнадёжное положение.

— Есть идеи? — спросил парень.

Эми чуть не поперхнулась — незнакомец говорил по-английски. Тот обернулся и, словно извиняясь, добавил:

— Глобальная стратегия явно не мой конёк.

— Без шансов, — ответила Эми, удивившись собственной храбрости.

Молодой человек смахнул фигуры с доски и поднялся. Высокий... Эми на всякий случай отступила, но тот лишь отодвинул для неё стул. Какой вежливый... Она не двинулась с места. Игрок не казался опасным, но доверять первому встречному не стоило.

Незнакомец приподнял тонкие брови, что придало смуглому лицу, перечёркнутому едва заметным шрамом, забавное удивлённо-недоуменное выражение. Парень взъерошил короткие темно-русые волосы и пожал плечами:

— Как хочешь. Я — Марко Ковач, можно просто Марко, — представился он.

— Эматалла Моро... можно Эми, — ответила она. — Вы говорите по-английски...

— Да, — Марко слегка прищурил светлые с лёгкой хитринкой глаза, — издержки профессии.

Что же это за профессия? Явно не «гражданская», но и не простой солдат — Эми могла бы побиться об заклад, спасибо детству в семье военного. В том как Марко двигался, смотрел на неё, в тоне его голоса чувствовалось слишком много внутренней, а не внешней силы. Той, что измеряется не размером бицепса, а сродни искусству мастеров Востока, способных ударить в нужное место в подходящее время. А учитывая все обстоятельства... Хм, наверняка спецслужбы или разведка, хотя он слишком молод для подобного.

— Хочешь перекусить?

Эми кивнула. Она закидала бы парня тысячью вопросов, но кто-то в глубине души советовал не торопиться. Пусть Марко сделает первый шаг.

Коснувшись столешницы, тот вызвал новый интерфейс и сказал пару фраз невидимому собеседнику. Вскоре, словно всё было наготове, внесли поднос с дымящимся чайником и корзиночкой, прикрытой тканью. Мужчина вновь указал на стул, и в этот раз Эми ответила на приглашение.

Марко разливал чай. Эми засмотрелась на его узкие запястья и длинные пальцы, которые нежно, но при этом твёрдо обнимали изящные чашечки. И тут же поняла, что левая ладонь выглядит неестественно: слишком гладкой, лишённой складок кожи и вен. Протез? Но движется как живой... Марко заметил её взгляд, почему-то смутился и убрал руку со стола.

Вместе они молча потягивали ароматный напиток, а Эми ещё и отщипывала нечто похожее на пастилу, только слаще и куда вкуснее.

— У тебя, наверное, гора вопросов наготове, — начал Марко.

— Да, — прошептала Эми и тут же выругала себя. Хватит стесняться! Пусть она и не привыкла беседовать с взрослыми парнями наедине, но ситуация требовала переломить себя, стать жёстче и сильнее: — Да, — повторила она и с радостью отметила твёрдость, зазвучавшую в голосе. — У меня много вопросов, хотя кое-что и так ясно.

— Интересно послушать, — Марко слегка наклонил голову на плечо.

— Моё последнее воспоминание — смерть. Но я точно не мертва, — Эми сжала чашку, но не позволила голосу дрожать. — Этот мир и похож и не похож на Землю, так что я либо на другой планете, либо в другом времени!

— Признаться, я поражён! — Марко с уважением кивнул, будто переводил собеседника на разряд выше в какой-то внутренней иерархии. — Рад, что ты воспринимаешь всё так... рационально. Я боялся, что придётся успокаивать плачущего ребёнка...

— Я не ребёнок, — перебила Эми.

— Конечно, — собеседник махнул рукой, словно извинялся за бестактный эпитет. — Тем более у нас люди твоего возраста считаются дееспособными гражданами. Со всеми правами и, — он пристально взглянул на неё, — ответственностью за свои поступки.

— У меня много вопросов, — повторила Эми, — но в первую очередь... Я была с братом, с Джеком! Он пытался спасти меня, закрыть от того... от того взрыва! У вас есть какие-нибудь сведения о нем?! Хоть что-то? Если уж я на этой планете или в этом времени, то и он тоже здесь!

— Давай по порядку, — Марко постукивал по столешнице пальцами. — Ты на Земле. И да, тебя занесло более чем на четыреста лет в будущее. Вокруг нас — Бельх — один из крупнейших городов планеты. Географически, на этих широтах когда-то располагалась центральная часть Северной Америки, хотя после изменения линии континентов в этом названии уже нет смысла. Мы в изоляторе больницы — тебе необходимо время на адаптацию к современной микробиологической среде. И... я не знаю где Джек. — Марко заметил её огорчение и быстро добавил: — Но это не значит, что его нет или не было за последние четыре века. Разрывы в ткани пространства-времени — дело рук нашего противника, так что я не могу поручиться ни за один из вариантов.

— Но вы будете его искать?

— Не знаю. Возможно, — Марко поморщился и взглянул поверх головы Эми. — За это

столетие ты первый проточеловек, с которым мы разговариваем в такой спокойной обстановке... Нам очень повезло, ведь ты буквально сбила меня с ног, когда я поднимался по ступеням местного управления «Сигмы». Окажись точка прорыва в другом месте, тебе вряд ли пришлось бы рассчитывать на столь тёплый приём. Люди ещё не забыли, сколько горя и страданий принесли им другие путешественники во времени...

Марко потёр лоб и закончил с какой-то обречённостью:

— Да, мы будем искать Джека.

— Я готова помочь, сделаю всё что угодно! Всё!

Она ловила его взгляд и, наконец, Марко ответил:

— Хорошо, но сначала нам обоим стоит кое-что узнать.

Эми не ошиблась. Когда Марко признался, что служит командиром одного из антитеррористических отрядов, входящих в управление «Сигма», она мысленно погладила себя по голове — интуиция не подвела и в этот раз. Но вскоре Эми догадалась: Марко и сам не прост. Она даже не заметила, как нарисовала красочную панораму своей прошлой жизни.

Обычный разговор, невинные вопросы и только затем понимаешь, что выложила собеседнику краткие характеристики и на себя, и на семью, и даже на друзей. Эми поёжилась — с подобными людьми она ещё не сталкивалась.

Беседа оказалась долгой. Чай остыл, принесли обед, но никто не притронулся к вилкам.

Наконец Марко прекратил расспросы и начал свой рассказ. Его история переходила от ужаса к надежде, от бессилия и разочарования к новой жизни, а затем вновь неслась в пропасть разрушения.

Парень во всех красках расписал гибель цивилизации и долгую перековку осколков человечества в единую нацию. Говорил о пришельцах — Малаах, которые попытались закабалить людей, интегрировав их в сообщество «младших» рас. Рассказал и о нежданном спасителе, которым стал Пирон — живая машина, что уничтожила захватчиков и открыла людям дорогу к свободе, независимости, а главное — дальнейшей эволюции.

Эми ощущала нежность, с какой Марко описывал рождение Омеги, которая придала измученному человечеству новый смысл жизни. Слезы наворачивались от жалости, когда он рассказывал о горстке несчастных — ортодоксах, не способных после смерти передать свой разум в единое энергоинформационное поле, что сформировалось вокруг Земли.

Её жгла ярость, с какой Марко говорил о зарождении движения «Отверженных» — секты, которая поставила благо всех людей ниже своих эгоистических желаний и поклялась служить затаившимся Малаах. Эми негодовала, когда Марко открыл ей планы террористов, стремящихся замедлить развитие Омеги. И всё ради того, чтобы «флот возмездия» Малаах успел достичь Земли и не позволил человечеству эволюционировать в Силу, способную управлять пространством и временем.

Эми ужаснуло намерение пришельцев уничтожить большую часть населения планеты, оставив только «Отверженных» и их сторонников, которые не способны к слиянию и не представляют угрозы для империи Малаах.

Казалось чудовищным, что пришельцы использовали таинственную энергию и телепортировали из прошлого около миллиона человек, но не позволили им прожить спокойную жизнь, а обратили в новую веру и развязали очередную кровавую войну — «Зимний мятеж».

По счастью, нашёлся герой, один из лидеров террористов, который раскрыл истинные планы Малаах и помог одержать победу над сектантами. Впоследствии он основал «Сигму»

— организацию, призванную защищать Омегу и бороться за выживание человечества.

Вечерело.

Эми подняла голову — над стеклянным куполом зажигались первые звезды. В голове роились образы и идеи, факты и догадки, сомнения и эмоции, вызванные рассказом Марко. Тот заметил растерянное выражение на её лице и вздохнул:

— Не стоило всё сразу на тебя вываливать.

Эми помотала головой:

— Нет, я должна знать, обязана понять. Так ты думаешь, что Джека захватили «Отверженные»?

— Да. Не могу утверждать, но если вы были вместе, держались друг за друга, то наверняка прошли сквозь один разрыв, который связал два события — твоё и наше время.

— Что же нам делать?

— Ждать, — Марко откинулся на стуле и поморщился. — Не лучший вариант, согласен, но пока Джек себя не обнаружит — мы не можем действовать.

Заметив недоумение во взгляде Эми, он добавил:

— Не смотри так. Нас слишком мало, чтобы прочёсывать планету квадрат за квадратом. После глобальной войны минуло четыре века, но большая часть поверхности — Дикие Земли, где нет ни цивилизации, ни закона, — он вздохнул. — «Сигма» борется с террористами, которые атакуют города, но мы не регулярные войска. Сейчас вообще нет армий, так что...

— Но нельзя же просто бросить его! Я не могу сложить руки и ждать, в то время как похитители делают с братом... неизвестно что!

— Ты и не будешь. Эми, тебе предстоит вписаться в наш мир. Многое узнать, с чем-то смириться, что-то принять, сделать выводы и поставить новые цели. А Джек... если он здесь, то у «Отверженных» два варианта: либо спрятать его и интегрировать в общество, либо... использовать. В первом случае мы отыщем твоего брата через пару лет. Во втором — в течение полугода он сам... выйдет на нас.

Эми промолчала. Ждать?! Всем сердцем она мечтала сделать хоть что-нибудь, лишь бы найти Джека — единственную близкую душу, которая ещё оставалась у неё в новом чуждом мире. Но приходилось одёргивать себя, заставляя сосредоточиться на простом факте — Марко прав. Она ничего не знает об этом месте. У неё нет ни друзей, ни союзников. Но, если верить парню, то брату прямо сейчас ничего не грозит, а значит — есть время, чтобы стать сильнее и тогда... тогда она сделает всё ради Джека!

Марко попрощался и ушёл. Эми снова осталась одна.

Поужинала, а затем потушила свет и встала у окна, сливаясь с темнотой, разглядывая ночной город, будто сплетаясь с ним, впитывая его ритм и энергию.

Так много предстояло узнать. И хуже всего — привыкнуть к отсутствию родителей и брата...

На глаза наворачивались слезы. Эми не обманывала себя. Она росла домашним ребёнком: любила маму с папой, обожала Джека, а те отвечали нежностью и поддержкой. Её сила и уверенность опирались на прочный фундамент — семью. Но теперь она могла рассчитывать только на себя.

Эми вытерла предательскую влагу со щёк. Хватит! Она станет крепкой. Независимой. Не изменяя себе, но меняя себя! Она приспособится к новой реальности и вызволит Джека из силков террористов.

В голове замелькали наброски планов: выучить язык, найти жилье, работу, друзей, способных помочь в поисках брата... У неё всё получится! Внешне она походила на местных людей, а остальное — дело труда и упорства. Оставалось лишь заранее обдумать: о чем и как она станет говорить завтра с Марко!

Внезапно Эми ощутила странную тревогу. Словно вернулась в разрушенную церковь, когда Джек спустился в крипту, а её оставил наверху. Чужое присутствие, чей-то взгляд, который методично шарил по фасаду здания. И она знала, кого тот ищет.

Эми задрожала, не в силах ни отойти от окна, ни позвать на помощь.

Наконец она заметила «Это».

Тень. Чёрная фигура сливается с ночью. Лишь шестое чувство способно различить в подворотне на другой стороне улицы скрытого под вуалью мрака охотника. Его сумрачный взор подбирается к окну.

Невероятным усилием воли Эми отбрасывает себя вглубь палаты, спотыкается о кровать и падает на пол.

Сжавшись в комок, Эми представляет, как тяжёлый взгляд давит на стекло. Задерживается на мгновение, а затем идёт дальше, сканируя окно за окном. Эми ощущает разочарование Тени, ярость хищника упустившего добычу. Постепенно напряжение тает, словно тёмный человек уходит, так и не обнаружив следов затаившейся жертвы.

Не включая света, Эми выглядывает на улицу. Никого. Лишь ночь и город, который пульсирует жизнью, фонтанирует радугой красок. Но теперь она знает: под всей этой мишурой скрывается мрачный охотник и ясно одно — тот не сдастся.

Эми отключила прозрачность оконного стекла и присела на кровать. Паника жгла, требовала позвать на помощь, рассказать Марко, но разум постепенно брал верх.

Пожалуешься — тебя запрут. Ради безопасности. Спрячут на какой-нибудь далёкой базе в глубоком бункере и тогда конец всем планам.

Нет. Эми жала кулаки. Она должна выбраться отсюда. Обязана стать независимой и самостоятельной. И если для этого придётся лгать, изображая отсутствие проблем; если потребуется скрывать боль и страх — так тому и быть!

* * *

Следующие несколько дней превратились для Эми в череду медицинских тестов. Её обследовали, кололи, просвечивали, оценивали сообразительность и эмоциональную устойчивость, а вдобавок проделывали множество вещей, которым она не могла подобрать названия.

Оставшееся время Эми коротала в палате и осваивала «странный компьютер». Его экраны обнаруживались в самых неожиданных местах, да что там: стены, окна, зеркала, мебель и даже некоторые ткани превращались в сенсорные дисплеи, изменяя свойства изначальной поверхности.

Забавный эффект. Стоило мысленно сформулировать правильный запрос, как металл обычной столешницы неуловимо менялся, превращался в сплошной экран квантово-сцепленный с псевдо-интеллектом города. По крайней мере, такую аналогию приводил Марко.

Жаль только поиск информации оставался недоступным. Система не принимала запросы на английском, хотя и реагировала на эмоциональные образы, позволяя использовать себя как огромный альбом для рисования.

Марко заходил каждый день, временами по несколько раз. Иногда просто желал

доброе утра, иногда задерживался, если Эми удавалось затащить его в кресло и забросать вопросами. Рассказы молодого офицера придавали миру за окном дополнительный объем, а от того переносить заточение в больничной палате становилось всё труднее и труднее.

Странно, но юноша практически не интересовался её прошлым, видимо довольствовался собранной в первую встречу информацией. Это задевало гордость Эми, словно её отбраковали, признали малоинтересной и бесперспективной.

Впрочем, если подумать, так даже проще избавиться от опеки спецслужб. Но с третьей стороны, шептал коварный голосок, это свидетельствует об интересе властей — они просто стараются усыпить твою бдительность.

Последнего советчика Эми предпочитала не слушать: Марко тянул на кого угодно, только не на злодея, а цели «Сигмы» казались более чем благородными.

Жаль только новый опекун не выпускал её из больницы и лишь отшучивался в ответ на намёки.

Раз так — придётся надавить!

Новое утро выдалось ясным. Медсестра не приходила, а значит, тестов и обследований в ближайшее время не предвиделось. То, что надо!

Эми занялась рисованием. Она переносила на стену городской пейзаж, что струился за окном в потоках жаркого весеннего воздуха.

Стукнула дверь. Не оборачиваясь, Эми взмахнула рукой:

— Привет, Марко!

— Доброе утро! — бодрый голос поднимал настроение и обещал удачный исход её планам.

— Нравится?

— Нормально, — юноша подошёл ближе. — На мой взгляд, панорама города вышла чересчур реалистичной.

Эми расстроилась, но не показал чувств. Она развернулась и с улыбкой спросила:

— Разве это плохо?

— Нет, — Марко замахал руками, — конечно же нет. Но я уверен, что творчество должно отражать наши эмоции, а не просто копировать природу как фотография или виртуальная реальность.

Она молча смотрела на него до тех пор, пока тот не изменился в лице.

— Вот же я... — Марко чуть слышно выругался. — Ты хочешь сказать, что...

— Я хочу туда, — перебила Эми, указывая на город. — Когда меня выпустят? Что ещё вы собираетесь делать со мной?

— Эми, ты не пленница. Мы просто заботимся о безопасности, — Марко закусил губу, напомнив ей Джека.

— Я здорова! — Эми вскинула голову, словно рвущийся в бой солдат. — Врачи тоже в порядке. Давно понятно, что я не представляю биологической угрозы!

— Дело не в этом, «Отверженные»...

— Ты хочешь сказать, что твоя «Сигма» не контролирует ситуацию в городе?!

— При чем тут город? — Марко выглядел озадаченным. — Скоро мы переправим тебя на одну из наших баз: там красивая природа, у тебя будет время освоиться, выучить язык...

— Я арестована?

— Нет!

— Тогда незачем прятать меня в бункере. Я понимаю: на вас свалилась девушка из

прошлого, человек, который прошёл сквозь врата, открытые врагом — это отличный шанс изучить противника! Но я не желаю становиться лабораторной мышью!

— Эми...

— Ты говорил, что я совершеннолетняя и обладаю всеми правами гражданина. Я хочу жить, Марко, неужели ты не понимаешь? Жить среди обычных людей, работать, учиться, заводить друзей. Хочу найти Джека, и не когда-нибудь в далёком будущем, а как можно скорее! — она перевела дыхание. — Я не смогу ничего из этого, если ты спрячешь меня на охраняемой базе и станешь готовить к реальности лишь в теории, а не на практике!

— Эми, ты несправедлива! — Марко начал заводиться.

Стоило бы притормозить, но она не удержалась, подхваченная чёрным течением, восходившим из глубин подсознания.

— А может это ты — несправедлив! — Эми закусил удила и, вопреки внутреннему голосу, который заклинал остановиться, выпалила: — Лучше бы я очутилась у «Отверженных», хотя бы была вместе с братом!

Марко побагровел, словно ему не хватало воздуха.

— У «Отверженных»?! — прорычал он. — Тебя убили бы в первый же день! Ведь ты — ошибка переноса. Никогда до этого двое не входили в одну точку прорыва. Хочешь узнать, почему видения и сны преследовали исключительно Джека? Малаах выдёргивали только склонных к восприятию их идеологии людей — представителей определённой расы и заданного психологического типа личности.

— Ты лжёшь! — Эми сама не верила, что кричит подобное, но её заносило, как машину на обледеневшем горном серпантине. — Ты клеветешь на ортодоксов, единственная вина которых — желание сохранить индивидуальность, а не эволюционировать вместе с вами! Меньшинства всегда угнетались, что в моем времени, что в этом!

— Когда меньшинство стремится физически уничтожить восемьдесят процентов человечества ради собственного выживания — это клевета?!

Марко наступал. Эми вжалась в стену.

— Хватит! — офицер грохнул кулаком по экрану. Поверхность хрустнула и разбежалась сотней трещинок, исказивших рисунок города: — Я слишком многих потерял, чтобы выслушивать подобный вздор от несмышлёной девчонки, которая не способна отличить друзей от врагов! Ты либо извинишься, либо...

— Либо что?! — перебила Эми. — Если вы намерены держать меня под замком — можете сразу убить, потому что я все равно не стану вашей безмозглой куклой!

— Ты нас считаешь... такими?!

Марко отступил на пару шагов.

Эми с ужасом видела боль в его глазах, словно она растоптала нечто настолько хрупкое, что невозможно выразить словами. Разочарование, как если бы твой друг сначала предал тебя, а затем несправедливо обвинил в двуличии и корысти.

Всё пошло совсем не так, как она планировала ещё час назад.

Эми захотела броситься к нему и извиняться, пока Марко её не простит, но почему-то замерла и лишь смотрела, как тот идёт к двери.

Слушала затихавшие вдали шаги.

Звонок лифта вывел Эми из оцепенения. Она молнией пронеслась по коридору, забарабанила кулаками по закрытым дверям, но было поздно. Кабина гудела далеко внизу, заглушая любые слова и извинения, что она кричала вслед.

Следующие два дня тянулись как две недели. Не было ни тестов, ни посетителей. Для Эми, как обычно, накрывали стол в зимнем саду, но есть не хотелось. Тяжёлое, гнетущее чувство вины иссушало её как солнце пустыню. Она пыталась связаться с Марко через врачей и медсестёр, но те лишь качали головами. То ли не понимали, то ли не желали понять.

Утром третьего дня, выйдя из душа, она обнаружила на кровати пакет: смена белья, лёгкие хлопковые брюки, блузка и туфли. Мысленно напевая от радостного предчувствия, Эми переоделась.

Надежда сменилась уверенностью, когда медсестра провела её к лифту, и они спустились в больничный холл.

Марко услышал и всё понял! Хотелось танцевать от радости!

Эми обняла улыбнувшуюся медсестру и выскочила на улицу. Солнце ударило в глаза, и она прикрыла их ладонью.

Марко наверняка ожидает на небольшой парковке у входа! Она столько дней смотрела на неё сверху, представляя, как уедет из опостылевшей больницы...

Глаза привыкли к яркому свету и Эми с удивлением огляделась. Горькое разочарование, чувство вины, что терзало её в последние дни, вернулось, подавляя и лишая воли.

Не обращая на Эми внимания, мимо спешили люди. Проносились машины. Город вибрировал в обычном ритме.

И ни одного знакомого лица.

Одна.

6. Отверженные

Джек готовится к смерти.

Укрытый маскировочной сетью и гниющими листьями он прижимается щекой к холодной земле меж корней узловатого дуба.

Красные от стимуляторов глаза фокусируются на ребристой подошве чужого ботинка. Оперативник «Сигмы». Агент стоит на расстоянии вытянутой руки. Крошечный просвет меж опавших листьев не позволяет оценить ситуацию, но слышно, как в отдалении перекрикиваются другие солдаты. Штурмовики прочёсывают лес редкой цепью.

Звучат одиночные выстрелы. Не иначе как простреливают опасные места.

Джек сжимает зубы, морщится от солёного привкуса крови и страха.

Глупо, только не так. Не впустую!

Оперативник докладывает по рации и медлит: то ли ожидает распоряжений, то ли встревожен интуицией учувшего добычу зверя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ещё чуть-чуть, и повстанцы вырвались бы в Дикие Земли, а теперь... Джек сжимает рукоятку охотничьего ножа, в который раз поминает Тару, наотрез отказавшуюся выдать боевое оружие. Мышцы гудят от напряжения, а нервы натянуты как ванты в бурю. Паника убивает не хуже пули. Он готов вскочить, броситься на врага, а затем бежать и к черту всё — что угодно, только не молиться, ожидая, когда листья над головой прошьёт случайная очередь.

Кайл сжимает его руку, и Джек приходит в себя.

Штурмовик тяжёлым ботинком взметает фонтанчик грязи. Солдат уходит прочь, оставляя горький запах недокуренной сигареты, что тлеет в мокрой траве.

Джек переводит дыхание. На этот раз — пронесло!

Утром, осознав реальность окружения врагом, повстанцы разделились, повышая шансы на удачный прорыв хотя бы одной из групп. Оставалось надеяться, что Таре и Стенли тоже улыбнулась удача.

Следующий час Джек пролежал в рукотворной берлоге, готовый ко всему, но Морган оказался прав: «Сигме» не хватало людей для одновременных поисков и в городе, и в лесах. Вот если бы солдаты двигались сплошной цепью...

Они наконец-то выбрались из импровизированного укрытия, и Кайл скатал маскировочную сеть, которая блокировала излучения их тел в ультрафиолетовом и инфракрасном спектрах. Джек набросил лямки рюкзака. Поверху крепилась тяжеленая «Мантия» — система противодействия датчикам электромагнитной, сейсмической и акустической разведки. Джек повёл несколько раз плечами, распределил внушительный вес, а затем двинулся вслед за другом.

Ближе к вечеру сквозь шум леса пробилось журчание весеннего ручья, и они с напарником вышли к точке сбора. Там уже ждали. Капитан отряда, Стенли Морган, приветствовал их взмахом руки. Тара кинулась к брату, обняла, а затем улыбнулась Джеку, разрушая стену холодного напряжения, которое возникло между ними после ссоры в подземке. Он кивнул и отвёл глаза. Пусть Тара ошибалась насчёт его решимости, но в чем-то оказалась права — он ещё не готов к подобным испытаниям.

Вместе с остальными Джек пробирался лесами и предгорьями уже неделю. Если бы не жгущая душу ответственность за сестру, он наверняка бы сдался. Попросту не привык ни к изнурительным рейдам по дикой местности, ни к тяжёлому снаряжению, а потому выбивался из сил и с горечью осознавал, что лишь мешает отступлению диверсионной группы.

Труднее всего пришлось в первые дни, когда Стенли Морган устроил выматывающий марш-бросок. Капитан хотел скорее пересечь границу пояса Бельха и выйти в Дикие Земли, где далеко на севере, в горах, притаилась Неккар — тайная база, региональный центр тактического планирования и боевой подготовки «Отверженных».

Затяжной переход, без сна, лишь на стимуляторах и силе воли спас отряд — они ускользнули из капкана, пробрались меж патрулей «Сигмы». Но впереди недели пути и Джек не знал, сможет ли выдержать набранный темп.

Жара, дожди и сырость, бурелом и плотный подлесок, который вынуждал прорубать дорогу, если не удавалось найти попутную тропку; перепады высот меж гор и ущелий — всё испытывало и тело, и дух.

— ...нормально, — Кайл хлопнул его по плечу, выводя из задумчивости.

Парень что-то рассказывал, но Джек погрузился в невесёлые мысли и потерял нить разговора.

— Повезло, — Морган покачал головой.

— Везение ни при чем, — возразил Кайл, — Джек скрывался в засаде как потенциальный ассасин. Через год тренировок из него выйдет начинающий снайпер или разведчик.

— Да ладно тебе, — смутился Джек, — такого страха я за всю жизнь не испытывал.

— Так это нормально, — отмахнулся Морган. — Не боятся лишь глупцы. Вот доберёмся до Неккар, а там инструкторы научат и волнение подавлять, и в бою не тушеваться.

Джек кивнул. Чёрт, приятно, когда в тебя верят.

Когда звено прорвало окружение, повстанцы снизили темп, и все перевели дух.

Морган позволил разводить огонь, появилась горячая пища, а возможность изредка сменить одежду и помыться стала высшей наградой. Иногда, по ночам, они заходили в небольшие сёла или хутора, где жили ортодоксы, которые сочувствовали «Отверженным».

Обычные люди: фермеры и рабочие, охотники и рыболовы, шахтёры и лесники — все принимали беглецов с открытым сердцем и помогали по-возможности: снабжали измученный отряд продуктами, делились новостями и предупреждали о вражеских патрулях. Некоторые ортодоксы служили кем-то вроде связных. Они помогали звену сохранять радиомолчание и в то же время держать связь со штабом «Отверженных».

Удивительно, но простые люди рисковали жизнью ради помощи мятежникам, которых видели в первый и последний раз. Становилось ясно, благодаря кому Соппротивление не погасло словно костёр, ярко вспыхнувший, но также быстро и прогоревший. Когда партизаны и народ одно целое — их невозможно победить. Жаль только ортодоксы составляли не более двадцати процентов населения Земли. Представляй они большинство — такую нацию никто бы не остановил.

Он поделился этой мыслью с товарищами. Тара подмигнула, Морган кивнул, а Кайл заявил, что всегда подозревал: реальная жизнь прочищает мозги и учит лучше самого толстого учебника.

Джек исподволь наблюдал за друзьями, перенимал их привычки и навыки до тех пор, пока Кайл не взялся обучать его мелким хитростям партизанского быта. Джек приноровился укладывать вещмешок, соблюдая оптимальное соотношение личных вещей, продовольствия и боеприпасов. Научился готовить пусть не вкусную, но сытную еду из имевшихся под рукой продуктов. Запомнил приёмы оказания простейшей медицинской помощи.

Как ни странно, труднее всего давалась метрическая система. Разум, воспитанный в американской традиции, поначалу путался во всех этих метрах и килограммах.

Морган, видя подобный энтузиазм, натаскивал его в чтении топографической карты и ориентировании на местности.

Лишь Тара мотала головой, когда он просил выдать оружие, а командир всегда поддерживал девушку. Винтовка в руках новичка опаснее для его спутников, чем для врагов, говорили они.

Тем не менее, Тара не оставалась в стороне и выделяла час перед сном, обучая Джека языку новой Земли. Со временем он вызубрил алфавит, сотню наиболее популярных слов и основные правила грамматики.

Занятия давались легко то ли благодаря мастерству учителя, то ли симпатии к Таре Робинсон. Ведь Джек старался хотя бы здесь оказаться на высоте.

Изо дня в день отряд двигался в рваном темпе, подстраиваясь не под смену дня и ночи, а под график восхода спутников, что шпионили с перечёркнутого серебристой вуалью осколков неба. Ирония судьбы — Пирон одним махом уничтожил лунную базу Малаах, но этим же насытил орбиту таким количеством пыли и обломков, что не шло и речи о содержании масштабной группировки спутников наблюдения для контроля над всей поверхностью Земли одновременно.

Это помогало, но с другой стороны — выматывало, когда приходилось оставлять леса и устраивать марш-броски через пустоши, сбивая ритмы сна и приёма пищи. Да что там, Джек радовался, если удавалось поесть хотя бы раз в день.

Странно, но беспилотники им не досаждали. Как позже объяснил Кайл, «Сигма»

использовала мосайдов либо в городах, либо для сопровождения наземных групп, которые действовали в заданных районах. Одинокие дроны в Диких Землях считались редкостью, так как становились лакомой целью для перехвата управляющей частоты и последующего взлома. Подмена микропрограммы и перевод под контроль мятежников требовали лишь пары минут.

За день отряд редко делал больше пятнадцати километров, но ведь если тащить за спиной по бездорожью двадцать килограммов груза, то те превращаются во все сто. Потому Джек выдохнул с облегчением, когда после разговора с очередным связным капитан рассказал, что навстречу отряду направили проводников с Неккар.

Отлично! Двигаться по тайным тропам куда легче, чем прорубаться сквозь чащу!

* * *

Отряд вышел к «Волчьей заимке» ранним утром, когда туман с ближайшей речки ещё стелился над землёй, затягивая белёсым саваном лесную прогалину с одиноким домом из почерневших брёвен и парой сараев. Резко пахло влажной землёй и травой, которая загадочно темнела в предрассветных сумерках.

— Не нравится мне что-то, — Стенли Морган убрал бинокль, и над головой Джека дрогнула маскировочная сеть. Капитан никогда не приближался к жилью без предварительной разведки.

Морган подал знак, и звено отступило. Повстанцы укрылись в густом орешнике на краю леса. Джек опустился на непромокаемую подстилку и дал отдых гудящим ногам. Вместе с остальными он смотрел на командира, ожидая приказов.

— Два цветка на окне, левая половина шторы задёрнута. Условный сигнал подтверждает, что опасности нет, но... — Морган потёр щеку, заросшую щетиной, и задумался.

— Слишком тихо, — согласилась Тара.

— Спят, наверное, — Джек потянулся, скрывая зевок.

— Если хозяин и проводники ждут нас, то они не могут дрыхнуть все разом, — возразила Тара. — Там же ни движения, ни звука. Внутри не ходят, собаки молчат, света нет, дым над трубой не вьётся. Будто вымерли...

— Вот именно, — капитан вывел на экран карту, переключил масштаб и постучал ногтём по едва заметной линии, что тянулась от реки к дому: — Кайл, проверь тоннель запасного выхода. Лишняя разведка не повредит.

Тот молча склонил голову, прикрутил глушитель к пистолету и растворился в тумане. Джек в очередной раз поразился мгновенной перемене, с которой Кайл превращался из обычного парня — открытого и дружелюбного — в сосредоточенного профессионала, готового выполнить любой приказ командира. В бою волнение Кайла проявлялось лишь в том случае, когда Тара вступала в схватку. Тогда лёгкая нервозность сквозила в движениях юноши, словно тот готовился защитить сестру любой ценой.

Морган тоже выдвинулся к прогалине: следить за домом и прикрывать Кайла.

Джек поморщился. Его как всегда оставили в тылу. На этот раз вместе с Тарой. Девушка принялась в тысячный раз проверять винтовку, а он подготовил коробка с запасными магазинами и гранатами. Право на оружие Джек пока не заслужил, так что в перестрелке, как учил Морган, его задача сводилась к подаче боеприпасов и доставке приказов командира в том случае, если бы отряду пришлось разделить на время столкновения.

Амуниция в порядке. Как всегда. Джек привалился к дубовой колонне и представил, что

впитывает энергию могучего дерева, становится таким же крепким, надёжным и уверенным в себе.

— Волнуешься? — Тара заметила его беспокойство, и Джек мысленно чертыхнулся. Ещё подумает, будто он чего-то боится.

— Нет, просто не понимаю. Мы выходили к жилью в куда более людных местах, а здесь, в глуши, засомневались.

Тара пожала плечами:

— Я доверяю интуиции Моргана. Он хоть и не намного старше, но боевого опыта накопил больше чем все мы вместе взятые. Если капитан говорит: «Проверить здание», — значит причина серьёзная.

— Может и так, — хмыкнул Джек. — Вообще, конечно, подозрительно. Шли, шли по лесу и вдруг раз — усадьба посреди чащи. Почему-то легенда о пряничном домике вспомнилась.

— Если бы пряничный... — улыбнулась Тара и тут же стёрла мечтательное выражение с лица: — На самом деле ничего странного. Это же «заимка». Любой человек вправе занять участок в Диких Землях. Лишь бы мог обработать его собственными руками. Думаю, хозяин живёт за счёт туристов и охотников, которые прилетают сюда летом и осенью.

— А люди, я имею в виду не ортодоксов, не боятся отдыхать в зоне боевых действий?

— Нет, — Тара приподняла брови, словно услышала очевидную глупость. — Мы же не воюем с мирными жителями. Только с вооружёнными отрядами «Сигмы» и Пирона. Даже когда человек не поддерживает наше движение — это не повод для насилия. Если, конечно, он первым не напрашивается... Наоборот, патрули «Отверженных» нередко помогают туристам, которые заблудились в диких лесах или попали в ловушку горных ущелий.

Джек кивнул, хотя от мыслей о количестве втянутых в многовековой конфликт сторон у него вновь разболелась голова.

Омега-люди... то есть обычное население.

Штурмовики «Сигмы», которые напоминали фанатичных крестоносцев прошлого и безоговорочно служили делу эволюции человечества в Сверхсилу.

Ортодоксы, поддерживающие власть Пирона.

Нейтральные ортодоксы.

Ортодоксы — «Отверженные», наконец...

Чёрт, куда проще было жить в прошлом, когда все делились на «своих» и на остальной мир.

Полчаса спустя вернулись разведчики. Кайл аккуратно опустил на брезент связку гранат и несколько черных брикетов, покрытых непонятными символами.

— Проклятье! — сквозь зубы выругалась Тара.

Кайл кивнул:

— Засада. Подземный тоннель заминирован. Я снял несколько растяжек, но большую часть просто обошёл. Пропустил камеру сквозь вентиляцию. Внутри — пять или шесть оперативников «Сигмы». Двое наших парней: Рейн и Бертольд Лерой. Оба связаны. Ещё некий хмырь: полный, лысый, ближе к тридцати годам. Просто сидит за столом.

— Это Олекс — хозяин заимки, — Морган поморщился. — Предал, значит...

— Может он тоже пленник? — возразила Тара.

Морган покачал головой:

— Наши связаны, а Олекс свободен. Тоннель, о котором знают лишь «Отверженные» и

хозяин — заминирован. Вывод напрашивается один.

— Мы ведь не бросим своих? — вскинулся Кайл.

— С нами новичок. Его безопасность — приоритетная задача.

— Это же не повод оставлять в плену тех, кто спешил к нам на помощь! — Джек дёрнулся вперёд и поймал взгляд Моргана.

— Никто и не говорит, будто мы развернёмся и уйдём, — капитан нахмурился. — Но следует всё хорошенько взвесить. Что мы знаем? По какой-то причине Олекс сдал проводников «Сигме». Это факт. Но ждут ли агенты именно нас? Не думаю, иначе здесь было бы в десять раз больше солдат. Олекс не знает про Джека, а наши ребята, очевидно, пока не раскололись. Скорее всего, «Сигма» перехватила двоих и приняла за обычный патруль «Отверженных». Враги решили выждать: не попадётся ли ещё кто в расставленную сеть.

— Но у солдат наверняка есть ориентировки и на нас, и на Джека, — добавила Тара, — так что если мы покажемся, и они успеют передать картинку в штаб — нам конец.

— Хуже того, — продолжил Морган, — соединив линией Бельх и это место «Сигма» получит точный вектор в сторону Неккар. Демаскировать координаты базы мы не имеем права.

— Замотаем лица и нападём, — предложил Кайл. — Они не свяжут нас с Джеком.

— Как вариант, — согласился Морган, — но я всё равно не хочу, чтобы «Сигма» задумалась: чем именно вызвана повышенная концентрация сил повстанцев в этом районе.

Джек вздохнул, привлекая внимание. Он не хотел перебивать Моргана, но и молчать тоже не мог. Когда все устали на него, он предложил:

— А если мы подстроим ситуацию так, будто пленные освободились сами и расправились с патрулём «Сигмы»?

— Ну не знаю, — протянул Кайл, — они же связаны, хотя...

Парень включил планшет и набросал на экране план дома.

— Трое солдат и хозяин заимки находятся в гостиной, — Кайл пририсовал небольшое помещение. — Здесь кухня, там никого, а за ней пара спален. В одной двое спецназовцев: охраняют и пленных, и спуск в тоннель. Заодно пасут задний двор. На чердаке, скорее всего, снайпер.

— В таком случае, мы пройдем под землёй, — Морган поскрёб щеку. — Кайл, трое смогут обойти растяжки?

— Да, наиболее опасные мины я снял. Мимо других проведу.

— Так и поступим. Бесшумно ликвидируем солдат, которые охраняют повстанцев. Освободим Рейна и Бертольда, вручим им оружие убитых. Они застрелят или нейтрализуют оперативников в гостиной, а я уничтожу снайпера на крыше. Если удастся, то засветятся только пленные. Но они итак провалили явку.

— Что с хозяином заимки? — спросила Тара.

— Старайтесь взять живым. Хочу понять его мотивы.

На сборы потребовалось меньше минуты. Морган сгрёб гранаты и взрывчатку, которые принёс Кайл, раздал товарищам специальные беруши, а затем пошарил в рюкзаке и вытянул небольшой пистолет в затёртой кобуре.

— Джек, — Стенли Морган зарядил оружие и вручил ему, — ты охраняешь лагерь. Следи за ходом операции и не высовывайся. В случае провала уходи на север, — капитан набрал что-то на планшете. — Пройди двадцать километров по указанному маршруту и

активируй мой передатчик. Это наверняка привлечёт внимание «Сигмы», но есть шанс, что наши ребята успеют тебя забрать. Приказ ясен?

— Да. Охранять лагерь. Уходить на север. Вызвать подмогу.

В глубине души он мечтал пойти в бой с отрядом, но понимал, что будет лишь обузой. Джек закусил губу и мысленно поклялся, что если друзья выживут, то он приложит все силы и станет воином, который не уступит ни Кайлу, ни Моргану. Его больше не оставят в тылу, особенно когда другие рискуют собой!

Морган кивнул, словно почувствовал его настрой, а Тара сжала руку и быстро шепнула на ухо: «Да всё у нас получится!».

Мгновение спустя отряд растворился в густом подлеске.

Джек закутался в маскировочную сеть и устроился на опушке. Он наблюдал и молился.

Пусть его товарищи выживут, а ему не придётся выполнять последний наказ Стенли Моргана!

* * *

Казалось, прошла минута, но часы отмерили в пятнадцать раз больше. Тишина. Со стороны заимки не доносилось ни...

Крыша дома вспухла, словно надутая изнутри кузнечными мехами. Она изверглась наружу градом металлических осколков, шифера и досок.

Оглушающий грохот сотряс воздух. Даже под пологом леса Джека потрянуло отголоском ударной волны. Среди веера обломков мелькнуло изломанное тело в тёмно-синей форме. Штурмовик рухнул на землю как брошенная капризным ребёнком кукла.

Выстрелы.

Крики. Шум борьбы.

И вновь тишина.

Пальцы на рукояти пистолета скрутило судорогой.

Сердце колотилось как барабан сумасшедшего рокера.

Джек глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух, цедя его сквозь сжатые зубы. Один раз. Другой.

Двери открылись и на крыльце показались оперативники «Сигмы». Руки связаны, на головах плотные мешки. Двое незнакомых парней отконвоировали пленников в сарай.

Только они скрылись из виду, как ближайшее к Джеку окно вылетело наружу, а вместе с ним, в осколках стекла и кровавых потёках, вывалился невысокий полный человек.

Бросился к лесу.

Петлял, словно удирающий от лисы заяц.

В оконном проёме возник Кайл. Парень стрелял, но так и не свалил на траву безумно мечущуюся фигуру. Когда толстяк скрылся в подлеске, юноша прекратил огонь.

Джек чертыхнулся. Всё он виноват! Кайл наверняка опасался его задеть шальной пулей. Думай! Ну же! Если предатель сбежит, как тогда смотреть в глаза соратников?!

Джек пошарил в траве и поднял сучковатую палку.

Толстяк ломился прямо к его укрытию. Когда приземистая фигура вылетела из-за ближайшего дуба, Джек бросился наперерез. Вложил в удар инерцию тела и врезал беглецу по ногам.

Предатель рухнул, ошарашенный внезапным нападением. Джек навалился сверху и прижал жертву к земле.

Толстяк оказался сильнее. Он скинул Джека, но внезапный удар бросил предателя на

траву. Грозный мужчина, один из тех, кто конвоировал солдат, придавил беглеца коленом и наскоро связал руки синтетическим шнуром.

— А ты молодец, — похвалил незнакомец, — вовремя сориентировался! Ты, наверное, Джек? Не зря тебя Морган взял с собой. Сумей эта гнида улизнуть...

Мужчина размахнулся, но заметил, как лицо толстяка исказила маска обречённости, и разжал кулак:

— У-у, гадина. Вот ещё, руки о тебя марать, — пробурчал он.

Джек кивнул.

— Я — Рейн, — повстанец крепко сжал его ладонь. — Рад знакомству!

— Джек. Взаимно!

Рейн ему сразу понравился. Он напоминал медведя, который чудом стал человеком. Лет двадцати пяти, не высокий, кряжистый. Длинные с ранней проседью волосы спадали на молодое лицо, прикрывали лоб и густые брови, а из-под них уверенно смотрели покрасневшие глаза.

Прибежал Кайл. Вместе с Рейном подхватил беглеца и потащил в дом.

Джек двинулся следом.

Он шагнул через порог и чуть не потерял сознание.

Воняло гарью. Она забивала другие запахи...

Думать об этом не хотелось.

На полу, на фоне осыпавшейся штукатурки, контрастными мазками алели отпечатки ребристых подошв. Крыша местами провалилась, словно недавно по ней молотил кулаками бешеный великан, который стремился пробиться с чердака в комнату. В дальнем углу Морган и Тара прикрывали выцветшим ковром тела. Наружу торчали лишь носки армейских ботинок.

Рейн толкнул беглеца на стул и с силой придвинул к столу, так чтобы тот не мог ни встать, ни сопротивляться.

Предатель крутил головой, его глаза метались, перескакивали с лица на лицо; губы молили о пощаде, но, постепенно, реальность взяла верх и он сдался. Толстяк вздохнул и положил связанные руки на расшитую полевыми цветами скатерть. Он безо всякой надежды уставился на мелко дрожащие грязные пальцы.

— Олекс Тамм, — Морган обошёл стол и встал напротив пленника, остальные выстроились справа и слева от него. Джек остался у дверей. Морган поймал взгляд беглеца и продолжил: — В своё время ты добровольно вызвался помогать «Отверженным», а потому мы судим тебя по военным законам.

Олекс сглотнул. Его руки задрожали ещё сильнее.

— Почему ты говоришь по-английски? — спросил он.

— Не твоё дело, — отрезал Кайл, — отвечай на вопросы.

— Ты знаешь, — чеканил капитан, словно не замечая удивления пленника, — что наказание за предательство — смерть. Но я дам тебе шанс уйти в другой мир с чистой совестью. Если расскажешь о причинах измены.

Олекс засмеялся. Его хриплый, клекочущий хохот отразился от изъеденных пулями стен и внезапно смолк.

— О чём здесь говорить, — он дёрнул головой, пытаясь не смотреть в глаза повстанцам. — Делай, что решил.

— Почему ты переметнулся к «Сигме»? — переспросил Морган.

— Они, — Олекс кивнул в сторону мёртвых солдат, — ну не они, а другие агенты... В общем, они взяли мою дочь, когда та закладывала в городе тайник для одного из диверсионных отрядов.

Проклятье, сколько же лет той девушке, если предателю больше тридцати не дашь? Тринадцать? Четырнадцать лет? Джек похолодел, но одёрнул себя. Он и сам не старше.

— Месяц назад ко мне явился человек. Выложил, — Олекс стукнул по скатерти, — вот на этот стол документы и сказал, что мою девочку ждёт расстрел за помощь террористам. Но пообещал, что я смогу искупить её вину, если соглашусь передавать «Сигме» достоверную информацию.

— У него что-то было на тебя?

— Нет, — крикнул Олекс, — ничего! Ловил на живца! И поймал...

— Почему ты сразу не предупредил наши патрули?

— А что бы вы сделали? — прохрипел тот. — Вытащили дочку из тюрьмы? Как?

Морган промолчал.

— То-то и оно, — опустил глаза Олекс, — я согласился и месяц рассказывал всё, что знаю. Где тайники. Маршруты патрулей в этом районе. Кто из ортодоксов сотрудничает с мятежниками.

— А я думал на других, — покачал головой Рейн, — искал предателя среди моих людей...

— Нет, — буркнул Олекс, — то был я. Один я виноват. На других не думайте.

— И наконец, ты решил сдать меня! — Рейн грохнул кулаком по столу.

— А что мне оставалось? — предатель дёрнул плечом. — Отступить было поздно. Я доложил, что у «Отверженных» намечается крупное дело. Может налёт на военный пост или ещё что... Сказал: двое придут ночью, а остальные на следующий день. Кто же знал, что сюда явятся профи, — он кивнул в сторону Кайла и Тары. — Я думал, зайвится отряд из местных ортодоксов: фермеров, шахтёров, охотников... А пришли вы и грохнули целое отделение спецназа.

— «Сигма» хотя бы отпустила твою дочь?

— Сегодня вечером я рассчитывал увидеться с ней. Мне сказали, что обвинение снято.

— Снято?! — крикнул Рейн. — С неё снято, а то, что у меня трое погибли в засадах, устроенных «Сигмой» по твоей наводке — это ничего? Их жизни менее значимы?! А четверо партизан, захваченных в плен и сгинувших неизвестно где?!

Олекс ещё ниже опустил голову.

— Ясно, — Морган вздохнул. — Олекс Тамм, в присутствии свидетелей я признаю тебя виновным в измене и приговариваю к смерти. Расстрел произведём безотлагательно. Есть последнее желание?

В голосе предателя не оставалось надежды, лишь горечь и вызов:

— Какие теперь желания? В любом случае, я ни о чем не жалею. Встань передо мной тот же выбор: предательство или жизнь дочери — я выбрал бы свою девочку. Так что... нет у меня желаний... Хотя погоди, есть одно, — он поймал взгляд Моргана. — Я долгие годы помогал «Отверженным». Думаю, заслужил одно послабление. Пусть я и умру, но не как зверь, попавший в капкан. Не от руки охотника! Я... хочу сам.

Морган скосил глаза на Рейна. Тот кивнул.

Капитан подал знак и Кайл разрезал верёвки. Затем он разрядил пистолет, оставил единственный патрон и вручил предателю.

Готовая ко всему Тара подняла винтовку.

Олекс медленно поднял дрожащий ствол и засунул в рот.

Джек отвернулся.

В тот же миг грохнул выстрел.

Джек ринулся за дверь. Остаться в доме казалось невыносимым.

Остановился на крыльце, стёр со щёк слёзы. Нельзя выглядеть перед друзьями тряпкой.

Дьявол всё побори! Он сам выбрал путь борьбы и не сойдёт с него, пока не освободит

Эми!

Вот только подобные мысли помогали слабо.

Кто-то последовал за ним.

Джек покосился направо. Рядом молча стояла Тара, щурилась, но глядела вперёд, на восток, где из-за стены деревьев поднималось жаркое солнце. Оно яростно пылало в её рыжих волосах. Девушка на мгновение обняла Джека и потянула за собой.

— Идём. Собираем вещи и отправляемся дальше.

— Это из-за меня, — прошептал он. — Если бы я не сбил Олекса с ног...

Тара схватила его за плечи и встряхнула как безвольную марионетку:

— Не мели чушь! Ты поступил правильно! Если бы предатель сбежал и добрался до постов «Сигмы», то смерть угрожала бы десяткам честных ортодоксов. Всем, кто поддерживает Сопротивление в этих местах. Олекс итак многих выдал, но знал ещё больше.

Тара стояла так близко, что ноздри щекотал её запах — горечь пороха и оружейной смазки.

— Сегодня ты спас многих, Джек. Помни о них. Помни об их родственниках, в семьи которых не придёт горе. Все они благодарны тебе. Не смей думать по-другому!

Ему хотелось верить. Он поверил.

Джек кивнул и двинулся к лесу — сворачивать лагерь.

* * *

Они вместе добрались до поляны со снаряжением.

По дороге Тара болтала о всякой ерунде. Похоже, девушка старалась переключить его на нейтральную волну. Поначалу это раздражало, но вскоре он втянулся, задвинул тёмные мысли за край сознания и повесил на них метку: «Не сейчас».

Джек укладывал в рюкзак боеприпасы, когда его спину оцарапал пристальный взгляд.

Он обернулся.

На краю поляны стоял высокий худощавый парень лет пятнадцати.

Вроде бы Морган упоминал, что это Бертольд Лерой. Фигура юноши поражала изяществом; тёмные волосы касались плеч, а узкое лицо с тонкими чертами отличалось налётом холеной аристократической красоты, такой непривычной в этих суровых местах.

Хм, наверняка девушки считают его красавчиком.

Он заметил выражение мимолётной досады на лице Бертольда, словно тому было неприятно видеть, как Джек запросто болтал с Тарой. Впрочем, через секунду Лерой надел маску безразличия.

— А, Берт, — Тара обернулась, — я думала, ты занят пленниками.

— Рейн их перевязал и запер в погребке, — Лерой небрежно махнул рукой. — Я решил тебе помочь, а то этот... хм, этот мальчик, не тянет на силача.

По-английски Бертольд говорил с нарочитым акцентом, словно обращал внимание собеседника на то, как ему неприятно использовать некий варварский диалект.

Тара приподняла брови и качнула головой:

— Ну ладно. Хотя мы справились бы и сами.

Девушка подхватила рюкзак и двинулась к дому.

— Так значит это ты — проточеловек? — Бертольд склонил голову на плечо. Он бесцеремонно рассматривал Джека как забавную диковинку. — Это из-за тебя такой переполох?

— Джек Моро. Рад знакомству, — он протянул руку, но Лерой не захотел её пожать.

— Не так быстро, — хмыкнул Бертольд, — Увидим ещё, что из тебя выйдет. Пока лишь неприятности.

— Кто бы говорил, Лерой, — Кайл выбрался из зарослей орешника на поляну и остановился рядом с Джеком. — Не ты ли час назад валялся связанным, ожидая подмоги?

— Это не моя вина! — вспыхнул тот.

— Шёл бы ты... — Кайл сплюнул. — Вызвался таскать снаряжение — работай.

Бертольд поднял рюкзак Моргана и удалился. Не спеша и высоко держа голову.

— Что это с ним?

— А, не обращай внимания! — отмахнулся Кайл. — Выскочка, он со всеми такой, ну кроме офицеров и прочих «нужных» людей. Из Лероев, хоть и бастард.

— Давно его знаешь?

— Не сказал бы что знаю. Тара — да, они общались какое-то время, — Кайл скривился. — И что в нем девушки находят?! Мы учились вместе. Точнее мы с сестрой оканчивали «Академию», военную школу «Отверженных», а он только начинал годовой курс подготовки. Я думал, Бертольд останется служить за океаном, поближе к сводному брату.

— Почему?

— Говорю же, он из Лероев. Крупные предприниматели, что редкость среди ортодоксов. Крайне полезные люди для «Отверженных»: тайные поставки немеченого оружия, медикаментов, снаряжения... Даже роботов и стройматериалы для наших баз достают потихоньку. Его отец, конечно, оставил промышленную империю Стефану, ну а тот пристроил младшего брата к штабу Сопротивления, — Кайл на мгновение задумался. — Не представляю, как этого мажора занесло в нашу глушь.

— Ясно, — Джек поморщился. — И что теперь? Обходить его стороной?

— Да ну, брось! Особо не цепляйся, но и спуску не давай, если веришь что прав.

Они свернули лагерь и замаскировали следы. Джек распрыскал крифо-спрей, а затем взвалил на плечи рюкзак и двинулся к дому.

Морган, Тара и Бертольд стояли во дворе. На крыльцо вышел Рейн.

— Думаю, у нас есть полдня форы, — объявил тот. — К полудню здесь будут агенты «Сигмы», но они решат, что мы с Лероем освободились и перебили охрану. Пленные солдаты видели лишь нас двоих. В течение часа крифо-бактерии спутают оставшиеся генетические метки. Вдобавок я оставил улики, которые направят погоню в сторону Змеёвки.

— В том посёлке нет наших товарищей? — поинтересовался Морган. — Не хотелось бы уходить от преследования за их счёт.

— Были, — нахмурился Рейн, — да только накрыли всю ячейку две недели назад. Теперь-то ясно, что это Олекс сдал... В общем, пусть ищут. Всё равно никого не найдут.

Рейн сверился с планшетом и щёлкнул пальцами как довольный собой лидер:

— Нам везёт! До восхода ближайшего спутника-шпиона пять часов. А я тут все тропки

знаю. Запутаем следы, и тогда рванём километров на двадцать.

Он махнул рукой, и отряд двинулся следом.

Рейн не обманул. Идти за проводником оказалось куда легче, чем ориентироваться по карте. Относительно, конечно, поскольку Джек, не спавший всю ночь, переживший утром столкновение на «Волчьей заимке» и отшагавший затем несколько часов с неподъёмным грузом, буквально валился с ног.

Солнце клонилось к закату, когда отряд достиг укрытия — извилистой пещеры у подножия Северных гор.

Фух, хорошо ещё сегодня не его очередь дежурить по лагерю! Джек упал на шершавый как наждак каменный пол, уронил голову на рюкзак и тут же заснул.

Его разбудил невероятно вкусный аромат. Пахло мясной похлёбкой: заманчиво и аппетитно. Джек открыл глаза. В дальнем углу Рейн помешивал густое варево, призывно булькающее в большом котелке над газовой горелкой. Мужчина что-то отщипывал и бросал внутрь. Травы... Теперь понятно, зачем Рейн пару раз во время перехода останавливал звено и шарил в густых зарослях.

Потягиваясь, Джек вышел наружу.

Глубокая ночь. За пеленой облаков, как за матовым стеклом, едва виднелся глаз луны.

Джек сполоснул лицо водой из ручья, привёл себя в порядок и уселся на валун, который прикрывал вход в пещеру. Ночная прохлада бодрила лучше кофе.

Откинулся назад и в бок тут же врезалась кобура. Точно. Ему доверили оружие. Он вытащил небольшой пистолет. Воронёный металл растворялся в ночи. Джек проверил предохранитель, а затем несколько раз вскинул ствол, словно угрожал невидимому противнику.

Грозная тяжесть придавала уверенности, хотя в глубине души гнездились сомнения: сможет ли он в бою спустить крючок также легко, как и товарищи?

Пальцы скользнули по затвору и нащупали гравировку. Темно как в заброшенном склепе, но легко догадаться, что это несколько волнистых линий, заключённых в круг.

— Нравится?

Голос Моргана заставил подскочить на месте. Джек чуть было не выронил пистолет, но в последний момент удержал оружие.

— Он на предохранителе, — выпалил Джек, проклиная себя за испуг.

— Знаю. Иначе не доверил бы, — спокойный голос Моргана придал ему сил. — Оставь себе. С завтрашнего дня Тара начнёт тебя обучать уходу за оружием.

— Спасибо!

Морган сел рядом.

— Кстати, — спросил Джек, — а что значит гравировка на стволе? Символ воды?

— Верно. На самом деле, это не только мой пистолет, — Морган кивнул в сторону пещеры. — Когда-то мне его подарил один человек.

— Рейн? — догадался Джек.

— Да. Четыре года назад я окончил военную подготовку и вступил к нему в отряд. Мне было столько же лет, как и тебе сейчас. Другой континент, другой город, другие боевые товарищи, — на последних словах голос капитана заметно дрогнул.

Хм, это не обычный пистолет. Для командира он имеет особое значение. Джек задумался. Неужели Морган больше не считает его бесполезным?! Слова благодарности рвались с губ, но он вовремя сдержался. Оружие — лишь символ, знак доверия и принятия в

команду, но в то же время — аванс за предстоящий труд, пот и боль. За такой подарок не отблагодарить словами. Можно лишь оправдать ожидания и когда-нибудь передать его другому новичку. Либо сломаться и...

Джек поёжился. Страшновато, но он сам так решил. Первая задача из плана спасения Эми выполнена. Люди, которые способны бросить вызов похитителям сестры, приняли его в свой круг не на словах, а на деле. Получается, весь ужас последних недель пережит не зря.

Следовало что-то сказать для поддержания разговора, и Джек поинтересовался:

— Выходит, ты за прошедшие четыре года стал капитаном, а Рейн возглавил собственную базу? Кстати, странное у него имя...

— Позывной.

Морган замолчал. Видимо, не хотел раскрывать чужую тайну. Тогда Джек зашёл с другой стороны — надо же представлять с кем идёшь в бой:

— Если честно, Рейн не похож на человека, который руководит секретной базой «Отверженных» — слишком нормальный и... простой на первый взгляд.

— Да, — Морган хмыкнул. — Хотя я бы сказал, что Рейн чересчур независимый. На всё у него особое мнение. Другой бы с подобными способностями давно стал верховным лидером повстанцев на этом континенте, а он... Впрочем, незачем обсуждать людей за глаза. Я о тебе хотел поговорить. Без свидетелей.

Джек напрягся:

— Что-то случилось?

— Случится. Вскоре мы достигнем Неккар и встанет вопрос: чем ты займёшься на базе, какую роль выберешь для себя? Я не прочь заранее узнать к чему именно лежит твоё сердце.

Джек задумался. Не то чтобы он сам не размышлял об этом...

— Для начала, — он подбирал слова так аккуратно, словно по минному полю крался, — я пройду стандартную военную подготовку. Надоело служить обузой для товарищей. Параллельно выучу язык, изучу историю последних четырёхсот лет.

Морган кивнул. Одобрение капитана придало Джеку сил, внушило уверенности, словно после долгих медитаций он обрёл верный путь и определил жизнь на годы вперёд.

— Затем или одновременно с этим, я решу два вопроса. Первый — Эми. Надеюсь, вы поможете в её поисках. Второй...

Он замялся. А что если Морган не так его поймёт?

— Джек, говори как есть, ты никого не обидишь.

— Я смотрю на Кайла, на Тару и понимаю, что даже при усердных тренировках не достигну подобного мастерства, так как они за это время уйдут ещё дальше. А я не хочу быть ни отстающим, ни середнячком. Значит — пора искать то, в чем я лучше остальных. Необходимо стать кем-то, кто по-своему превосходит других ортодоксов.

— Логично, — в голосе Моргана звучало одобрение. — Всегда опирайся на сильные стороны. Но что именно ты имеешь в виду?

— Омегу, — Джек не видел лица капитана, но догадывался, что тот ожидал подобного ответа. — Не знаю как, но во время сражения в Бельхе я пару раз почувствовал её и, по словам Тары, использовал. Я разовью эти способности.

— Ясно.

— Вы поможете мне?

Морган встал и подал знак следовать за ним. Они отошли от пещеры и остановились у быстрого ручья, который беззаботно журчал по дну ущелья.

— Не хочу врать, — признался капитан, — мне интересны твои скрытые возможности. Раньше, лет сто пятьдесят — двести назад, когда шёл основной поток людей из прошлого, такие способности были чересчур слабы для использования в бою. Но с тех пор Омега выросла, стала на порядки сильнее. Та связь, что зародилась между вами, действительно представляет немалую ценность.

— Значит...

— Это значит, что ты получишь всю необходимую поддержку с нашей стороны. Только, — Морган слегка замялся, — не строй глобальных планов. Мы не представляем, с чем имеем дело. Придётся изучать всё шаг за шагом, последовательно и неторопливо. Учителей по «использованию» Омеги нет ни у нас, ни у Пирона. Разбираться придётся самостоятельно, методом проб и ошибок.

— Я справлюсь!

— Возможно, — Морган поддел ботинком несколько камней и сбросил в ручей. — Только не демонстрируй энтузиазм чересчур рьяно. Пусть события развиваются естественно. Не хочу, чтобы ортодоксы тебя опасались.

Последней фразой Морган словно врезал ему под дых. Спустя несколько секунд, недоумевая и запинаясь, Джек спросил:

— Опасались? Меня?

Похоже, что Морган уже пожалел о сказанном. Командир подошёл, взял его за плечи и слегка опустил голову. Теперь они смотрели глаза в глаза. Тихий голос капитана дрожал от волнения:

— Омега — это то с чем мы боремся сотни лет. Единая сущность, в которую сольётся человечество. Люди — уже, а ортодоксы — в будущем. У нас не спросят ни согласия, ни разрешения. «Отверженных» трансформируют против воли. И вот появляется человек, который встаёт с нами плечом к плечу, но при этом имеет таинственную связь с противником.

Морган на мгновение замялся, словно взвешивал каждую фразу:

— В далёком прошлом на это не обращали внимания, эффекты проявлялись незначительно, но ты — другое дело. Если поведёшь себя неправильно, то начнёшь ловить косые взгляды, разбудишь подозрения. Я-то всё понимаю, но многих ортодоксов связь с Омегой насторожит... А мы с Рейном не хотим, чтобы к тебе относились как к «Сёстрам»: ценили, уважали, но при этом побаивались и обходили стороной. Ясно?

— Наверное...

— К тому же, если всё пойдёт так, как мы с Рейном предполагаем, твоё появление вновь раздует пламя борьбы с Пироном, а это именно то, чего опасаются некоторые, — Морган запнулся, — некоторые лидеры. Они дожидаются объединённого флота галактических рас, вместо того чтобы самим биться за нашу планету. А воевать надо! Я не верю, что Малаах подспеют вовремя. Корабли не достигнут Солнечной системы до момента трансформации Омеги и принудительной конвертации ортодоксов в некую Силу.

— Не понимаю. Хочешь сказать, что среди вашего руководства найдутся те, кто увидит во мне угрозу?

— Не обязательно, но возможно. Пойми, Джек, вот уже два века «Отверженные» живут надеждой на чудо. Из-за провала «Зимнего мятежа» мы не в силах бросить открытый вызов Пирону, но и сложить оружие тоже не готовы. И вот явились вы с сестрой. Впервые за последние восемьдесят лет открылась «точка прорыва». И пришли сразу два проточеловека!

Наверняка пойдут слухи, что ещё не всё потеряно, что старый план Малаах ещё действует, только в новой форме.

Капитан перевёл дыхание:

— Это старая надежда, но многим она придаёт силы. Людям нужен живой символ. Проблема в том, что не все лидеры «Отверженных» готовы к активной борьбе. Словно их устраивает статус-кво. Не знаю почему. Я же всего лишь командир звена.

— Как же быть?

Морган вздохнул. Он развернулся и направился к пещере:

— Будь собой. Я обрисовал ситуацию, но не принуждаю к тому или иному поведению. Главное — прими информацию к сведению и решай сам.

— Хорошо, — пробормотал Джек, — Ладно. Конечно, Морган. Думаю, я понял.

Ситуация оказалась сложнее, чем он предполагал.

Одно дело, когда ты встаёшь под знамёна мятежников и лихим налётом освобождаешь сестру из плена, другое, когда сами повстанцы не так уж и едины. Но отступить поздно. Выбор сделан. Джек вздохнул. Чёрт!

На обратном пути он ещё раз проверил эффективность маскировки. Убедился, что из пещеры наружу не проникает ни единого лучика света или случайного звука, а затем присоединился к ужину.

Стряпня Рейна оказалась на удивление съедобной, куда лучше консервов и сухарей, которыми Джек набивал желудок последние недели. Лишь Бертольд ел с таким выражением лица, с каким представители королевских фамилий общаются с простым народом под прицелом фотокамер: черты смиренны, на губах благодарность, но глаза...

Стоп. Он мысленно одёрнул себя. Прекрати раскручивать спираль неприязни к Лерою!

Джек признавал за собой слабость делить окружающих по принципу: «свой — чужой». Но отец учил, что первое впечатление зачастую обманчиво. Кто-то именно в этот раз окажется не на высоте, кто-то поведёт себя как болван, кто-то будет расстроен событиями, о которых ты представления не имеешь. Суди по делам, замечай полутона. Джек пристроился у стены. Время собрать в систему разрозненные факты, поступки и услышанные за день обрывки фраз.

Итак, что нам известно? Бертольд Лерой — бастард, как заметил Кайл.

Джек помнил одноклассника, Майкла, который учился с ним в начальной школе. Девчонки подслушали разговор преподавателей, и по классу пополз слух, будто мать прижила его не от усатого инженера, забиравшего сына после занятий, а от своего начальника, не считавшего зазорным волоочиться за стажёрками. Паренька задразнили. Джек до сих пор не забыл, как менялось поведение мальчика: от оскаленного волчонка, готового броситься на обидчиков с кулаками, через слезы в кустах за стадионом и до отрешённого презрения к окружающим. Кончилось тем, что мать перевела сына в другую школу.

Возможно, возможно.

С другой стороны, фамилии Лерой, Бертольд не лишился, вырос не в нужде, пусть и не получил наследства. Его отец мог сознательно оставить корпорацию законному сыну, Стефану, сохраняя тем самым видимость преданности делу Пирона, а Бертольда направил делать карьеру среди повстанцев. Кайл ведь упоминал, что Лероя пристроили на «тёплое местечко» в штабе Сопротивления.

Но тогда с какой стати парня внезапно перевели на другой континент, да ещё и на отдалённую базу? С чего он вдруг вызвался идти с Рейном навстречу беглецам? Зачем

рисковал в бою с агентами «Сигмы»?

Джек посмотрел на Бертольда. Тот непринуждённо болтал с Тарой. Лерой говорил не по-английски, но даже скромного знания языка хватало для осознания простого факта: парень откровенно заигрывал с девушкой, которую не видел со времён учёбы.

Джек нахмурился. Тара беззаботно смеялась над шутками Бертольда, а тот, похоже, рисовался карьерными успехами, одновременно подкалывая менее удачливых сослуживцев.

Этот пятнадцатилетний парень явно в ударе... Пристроился рядом с Тарой; словно невзначай касался то плеча, то волос старой подруги; иногда брал за руку, жестикулировал и со смехом рисовал что-то в воздухе.

Бертольд умело использовал свою привлекательность, которую военная форма скорее подчёркивала, чем усредняла. Тонкий флёр прекрасного образования и фамильного капитала усиливал производимый эффект. Рослый, худощавый, голубоглазый, с точёным профилем и темными волосами до плеч. Его изящество казалось чем-то неприличным, присущим скорее обольстительной девушке... Не иначе как его мать была невероятной красавицей.

Джек вздохнул. Похоже, сегодняшним вечером занятия с Тарой отменяются.

Кайл перехватил его взгляд, а затем придвинулся и шепнул:

— Ага, болтун и зазнайка. Мне он ещё в «Академии» не понравился. Но девчонки от него тают как шоколад под солнцем. Тьфу!

— А что за «Академия»? — Джек сменил тему разговора, лишь бы не накручивать себя и дальше.

— Годовой курс боевой подготовки на специальной базе, скрытой в горах Паннотии. Интенсивное обучение с... — Кайл запнулся, — с глубоким погружением. Место для тех, в ком видят особый потенциал.

Друг пожал плечами, словно извинялся за что-то, и сделал глоток из фляжки:

— Не подумай, будто я красуюсь, но попасть туда действительно непросто. Большая часть «Отверженных» проходит шестинедельные курсы в тренировочных лагерях. Затем они возвращаются к обычной жизни, готовые подняться по первому зову. Некоторые обучаются на тайных базах вроде Неккар, в основном те, кого уже ничто не держит ни в городах, ни в «поясах». И лишь единицы попадают в «Академию».

— Как же вы с сестрой там очутились?

Джек поёрзал, вытянул из-под стрелкового коврика пару острых камешков и приготовился слушать. Когда ещё Кайл окажется в настроении рассказывать о своём прошлом и о Таре...

— Тогда мы жили за океаном. — Кайл погрустнел. — Странно, в то время я и не догадывался, что попаду к «Отверженным». Хотя сейчас понимаю — всё к тому шло чуть ли не с рождения. Думал, проживу обычную жизнь: любящие родители, хороший дом, школа для ортодоксов...

— У вас отдельные школы? — удивился Джек, — Это же сегрегация!

— Ну, люди вообще в школы не ходят. С трёх лет живут в специальных интернатах, в малых группах под надзором воспитателей. Омега, знаешь ли, упрощает обучение.

— Да ладно?! — поразился Джек, — Детей отбирают у родителей?!

— Нет. Станный ты... Никого не принуждают, не лишают общения с родственниками. Такова система. Люди считают это нормальным вот уже сотни лет, десятки поколений. Всё дело в Омеге. Если ты человек, если способен к слиянию, то нет нужды корпеть над

учебниками. Тебя с помощью специального оборудования подключают к Омеге и просто загружают необходимую часть Знания. Не сразу, ясен пень, иначе с ума сойдёшь. Небольшими порциями, но в любом случае — когда не надо заучивать, появляется много времени для осмысления информации. Ты тренируешь навыки. Размышляешь. Или двигаешь науку дальше. По крайней мере, так говорят.

— А что же ортодоксы?

— Мы занимаемся по старинке. Обучение выходит более специализированным, зато не сильно отстаём от людей. Те заканчивают интернат в девять лет, к двенадцати получают «вышку». А мы, хоть и становимся совершеннолетними в том же возрасте, но в университете учимся на год-два дольше. Сам понимаешь, — Кайл усмехнулся, — приходится читать и запоминать как в древности.

— Ясно. Значит, вы учились отдельно от людей. А как попали в Сопротивление?

— После смерти родителей.

— О, мне очень жаль...

— Да... — Кайл отвёл глаза, — если бы не Омега... Они работали в научно-исследовательском городке. Разрабатывали новые марки программируемых металлов, — Джек уловил в голосе Кайла нотки затаённой гордости. — Мало кто из ортодоксов поднимается в научной сфере. А они смогли! Ну, почти... Мама с папой познакомились ещё в детстве, вместе росли, вместе мечтали о большой науке, вместе учились. Вместе пробивались в ведущую лабораторию по интеллектуальным материалам. Поначалу всё было клёво. Помнишь, как стены зданий превращались в экраны? Ну, когда мы сваливали из города? В той технологии есть и их заслуга! Но со временем...

— Что случилось?

— Знаешь поговорку: иногда надо бежать, чтобы оставаться на месте? Это про высокую науку. Каждый день рождается новое знание, новые теории, новые открытия. Приходится быть в курсе. Постоянное самообразование. Но здесь ортодоксы никогда не угонятся за людьми. Пока мы бежим, они пролетают мимо на ракете. Коллеги родителей, люди, — Кайл сморщился, — скачивают за полчаса из Омеги то, над чем ортодоксы сидят месяцами. И чем дольше работаешь в одной сфере, тем офигенней разрыв. А после того как родились мы с Тарой, времени у мамы с папой стало ещё меньше. Сколько себя помню: весь дом завален расчётами, на экранах последние статьи, а в центре этого хаоса сидят родители, которые пытаются не отстать от коллег-людей. Думаю, для них стёрлась граница между работой и семьёй... Чёрт, да наука стала хуже яда!

Кайл вновь отпил из фляжки, и Джек заметил, как тот украдкой смахнул что-то из уголков глаз.

Понятно, чем закончится история, но он все же спросил:

— Вас с Тарой предоставили себе?

— Да, после того как пошли в школу. Родители уже проигрывали гонку Омеге, хотя и не сдавались до последнего. Но не посоревнуйтесь, когда люди в универе за год получают те же знания, что ортодоксы с трудом собирают полжизни. Что делать, когда ты постоянно изучаешь новые статьи, просиживаешь за компьютером всё свободное время, а твой коллега подключается на час к Омеге и затем идёт на вечеринку? — Джек заметил, что Кайл, сдерживая себя, заговорил сквозь зубы. — Мама с папой итак оставались последними ортодоксами в лаборатории. Однажды и их выперли.

— Это несправедливо...

— Да! Пирон заливает, что у ортодоксов и людей равные права. Вот только возможности у нас по умолчанию слишком разные! Проклятая Омега!

Кайл отшвырнул серебристую фляжку. Она ударилась о стену пещеры и исчезла в тенях.

Морган, Рейн и Бертольд напряглись, но притворились, будто ничего не произошло. Лишь Тара подошла и молча присела рядом. Обняла брата за плечи. Спустя пару неловких минут Джек спросил:

— Они нашли новую работу?

— Они не искали. Наука стала для родителей всем. Другим не интересовались.

Джек хотел было спросить: «Даже вами?» — но вовремя осёкся.

— Как же вы жили без денег?

— Для скромной жизни деньги не нужны, — Кайл искоса взглянул на него и добавил: — За статиры можно купить дополнительный комфорт, но для мамы с папой это потеряло смысл. Начали пить, затем наркотики, — Кайл опустил глаза. — Через полтора года всё закончилось.

Да уж... И что тут скажешь?!

Повисла колючая тишина.

Наконец послышался голос Тары. Негромкий поначалу, он с каждым словом делался всё твёрже:

— После того как родителей похоронили, нас с Кайлом отдали в детский дом. Вот только мы не захотели притворяться, будто жизнь продолжается. Система разрушила нашу семью, и мы не простили ни Пирона, ни людей его поддерживающих!

— Треклятая Омега! — повторил Кайл и врезал кулаком по холодной стене. Разбил костяшки в кровь, но не обратил внимания: — Ненавижу...

— Мы решили бороться с Пироном и Омегой, а не играть по их правилам, — сказала Тара. Её взгляд устремился во тьму, скулы обострились, а в глазах замерцала ледяная уверенность: — Мы сбежали от воспитателей. На одной из ферм, составляющих пояс Ниппура, мы повстречали связанных «Отверженных». Убедили взять с собой. Затем несколько лет жили на базе Ковин: учились, тренировались, помогали по мере сил. До тех пор, пока «Сигма» не уничтожила наш второй дом. Но мы с Кайлом выжили и... не сдались.

Девушка замолчала. Джек видел, как сжимаются и разжимаются её кулаки.

— И тогда вас пригласили в «Академию», — догадался он.

Тара кивнула:

— Да. Мы с Кайлом выбрали путь и уже не свернём. Пирон извратил человечество, но я свободна! И не позволю врагам уйти от ответа!

Джек засмотрелся на девушку. Она околдовывала решимостью, что грозной сталью звучала в словах. Отблески пламени мрачно отсвечивали чёрной медью в волосах Тары, отражались мерцанием силы в карих глазах. Она завораживала Джека: не прелестная, как его давние подружки, но опасная и притягательная, мстительная и непрощающая, словно античная богиня возмездия.

Алекто во плоти.

— Ладно, заканчивайте накручивать себя на ночь глядя, — голос Рейна разрядил напряжение как громоотвод: — Завтра долгий переход, так что хотите или нет, но пора спать!

* * *

Следующие недели Джек запомнил на всю жизнь.

Дорога, в отличие от трудностей первого месяца, походила на туристический поход, а не прорыв из окружения. Рейн вёл отряд потаёнными тропами, которые пролегали в местах первозданной красоты не тронутой человеком.

Холмы сменились горами, где в ущельях бежали холодные, но такие звонкие ручьи, что питали озера хрустальной чистоты. Буковые и пихтовые леса сумрачным пологом укрывали отряд от всевидящего ока спутниковой разведки, а душистое разнотравье предгорий сводило с ума дурманящим запахом близкого лета, свободы и любви к бескрайнему миру.

Джек растворился в дивной природе. Он не понимал, почему люди отказываются от такого чуда ради возможности стать бесплотной Силой, безличностной Энергией, способной повелевать временем и пространством.

Бертольд предложил вызвать винтоплан, но Морган предпочёл не рисковать и продвигаться к Неккар своим ходом. Иногда капитан казался традиционалистом, живущим по принципу: что не сломалось — не стоит и чинить. Позже Джек догадался, что Морган беспокоился не только о демаскировке. Ошеломляющая мелодия нерукотворной красоты согрела души всего отряда. По крайней мере, складка над переносицей Кайла разгладилась, а Тара прекратила жалобно вскрикивать во сне.

Рюкзаки опустели, и им пришлось добывать еду своими руками. Джек неплохо ловил рыбу сачком из москитной сетки, благо реки в предгорьях не отличались глубиной, а Рейн научил охоте. Командующий говорил, что у природы не зазорно брать то, без чего не выжить.

Так Джек впервые убил оленя.

Когда животное рухнуло в зарослях папоротника, адреналин, смешанный с чувством вины и сожаления, ударил в голову. На секунду мир окрасился во все оттенки синего цвета. Сознание Джека молнией разнеслось по земле, передавая колебания мельчайших травинок; взлетело по стволам деревьев, сливаясь с движением сока под жёсткой корой; взглянуло на мир глазами коршуна, парящего в вышине. На мгновение Джек воплотился в окружающем мире. Под конец разум уловил затухающее биение сердца гордого оленя и всё прекратилось.

Он пошатнулся и ухватился за ствол берёзы. Рейн с одобрением хлопнул по спине. Лидер Неккар казался довольным, словно проповедник только что обративший в свою веру наивного дикаря. Рейн сцедил немного свежей крови и протянул Джеку кружку:

— Выпей! Теперь ты настоящий мужчина!

Он глотнул и словно поглотил энергию своей первой жертвы.

Мяса оленя хватило на несколько дней.

Вечерами начинались занятия. Обращение и уход за оружием, ориентирование на местности и многое другое. Но самым приятным оставалось изучение языка новой Земли вместе с Тарой.

Странно, Джек никогда не смущался, общаясь с подружками, но оказалось что Тара — другое дело. Тот час перед сном, когда она превращалась из закалённого повстанца в обычную девушку и говорила с ним на родном языке, радовалась его успехам и улыбалась ему — этот час стоил дороже целого дня.

В то утро Джек первым взобрался на перевал и увидел ту самую долину, что притаилась в нетронутой глуши Северных гор. Узкая, точно лезвие меча; с крутыми склонами, по которым к вершинам карабкались еловые языки. Внизу серебристой ниткой мерцало вытянутое в струну озеро. На первый взгляд зрелище мало отличалось от десятков горных долин и ущелий, оставшихся позади.

Рейн указал направление, и отряд начал спуск.

Джек разглядывал пейзаж, но загадка упорно не желала складываться. Обычные сосны и ели с вкраплениями невесть как затесавшихся берёзок. Сочная зелень прогалин и огромные валуны, что скатились с гор вместе с оползнями.

Над головой переругивались белки, а здесь, внизу, донимала мошкара.

Перевал остался позади. До озера рукой подать.

Джек шагнул вперёд, и зрение исказилось, будто он смотрел на мир сквозь пиксельную решётку допотопного монитора. Ещё немного и перед ним раскинулся тот же пейзаж, но теперь он видел россыпь невысоких зданий, тренировочные площадки и взлётную полосу. Рядом с изящной винтокрылой машиной суетились люди. Поодаль, словно из пустоты, возник приземистый бункер, автоматические орудия которого отслеживали каждый шаг отряда.

Джек отступил назад. Мгновение пиксельного безумия и перед ним вновь сонная долина: ни зданий, ни людей, ни защитных укреплений. Пропали даже звуки, с которыми техники внизу закидывали ящики в брюхо винтоплана. Лишь солнце играло на спокойной глади холодного озера. Отряд, спустившийся ниже, тоже исчез из виду.

Неккар. Джек покачал головой. Так вот как Рейн спрятал базу...

Он двинулся вперёд, и голографический полог сомкнулся над головой, обещая отдых и поддержку. Оставалось надеяться, что здесь найдутся и те, кто поможет в спасении Эми.

— Удивлён? — Морган рассмеялся и обвёл долину рукой: — Добро пожаловать в царство Рейна!

— Невероятно! — Джек закусил губу от восхищения. — Просто нет слов!

Аккуратная дорожка петляла меж приземистых зданий и бункеров. Пронзительный сосновый аромат смешивался с запахом горючего и смазки.

С тренировочной площадки долетали команды инструктора. Да, новобранцам тут несладко.

Несколько роботов, мосайдов, занимались уборкой территории. Джек вспомнил боевого паука из Бельха и поёжился.

Вместе с отрядом он поднялся по ступеням ко входу в штаб. Двери распахнулись и выпустили наружу мужчин в чёрных мундирах. Двое подошли к нему. Их ладони сомкнулись на запястьях как наручники.

— Джек Моро? — спросил третий и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Мне приказано сопровождать вас. Мы отправляемся на исследовательскую базу Эн-Ки. Вылетаем немедленно.

7. Омега

Эми облизнула пересохшие губы и спряталась в тени изящной беседки.

Словно заколдованный замок спящей красавицы та затерялась на окраине парка в зарослях акации. Отдельные ветви пробились сквозь ажурную решётку, а потому скамейки и пол усыпали белые цветы. Тысячи лепестков слились в изысканное покрывало ручной работы, которое трепетало под едва заметным ветерком. Подобно стакану зелёного чая тонкий аромат успокаивал и прояснял мысли.

Эми вздохнула. Как же болят мышцы после многочасовой ходьбы...

Она присела на лавочку, сбросила туфли и вытянула ноги.

Уже лучше. Прохладно, тихо. Самое время подумать о будущем. После того как её

выставили из больницы, она целый день бродила по городу и не верила, что Марко Ковач так легко избавился от «проблемы».

Нет, не обманывайся — ты сама виновата.

Эми опустила голову. Плечи поникли, а локти упёрлись в колени.

Ошибки признавать непросто, но она прогнала желание свалить вину на молодого офицера. Марко поддерживал, рассказывал о новом мире, предлагал помощь, а она сорвалась и бросила в лицо обвинения, о которых и вспоминать стыдно.

И почему гордость всегда просыпается так некстати?!

Любому простаку ясно: её выставили из больницы лишь бы доказать — она не пленница. Стоило в ту же минуту вернуться и извиниться, но нет! Вместо того чтобы поступить как взрослая девушка и исправить ошибку, она сжала зубы, вскинула голову и пошла вперёд, будто бы знала куда идёт. Ага, как же...

И, конечно же, заблудилась. Не было ни денег, ни места для ночлега. В животе бурчало от голода, а язык прилип к нёбу.

Эх, не зная местный язык даже за помощью не обратишься.

Она сглотнула. В горле першило от пыли и жажды.

Интересно, а что если... Нет! Это уж слишком! Но как же пить хочется...

Поблизости никого.

Эми не спеша, словно прогуливаясь, подошла к ближайшей мусорной корзине. Ничего съедобного. И в следующей. В третий раз повезло — на дне откопала початую бутылку воды и надкусанное яблоко.

Алая от стыда, она забежала обратно в беседку и сделала пару глотков, а затем сполоснула добычу и несмело откусила, словно боялась отравиться незнакомой пищей. Жёлтая сладкая мякоть непривычно пахла бананом и так нежно таяла на языке, что вскоре в руках остались лишь черенок и пара косточек.

Восхитительно! По крайней мере, смерть от голода и жажды уже не грозит.

Рыться в отбросах неприятно, но у той кто стесняется воровать другого выхода не остаётся. Эми вспомнила, как несколько раз заходила в автоматизированные магазины, но так и не осмелилась стянуть хотя бы шоколадку. Не то чтобы рядом бродили охранники и могли поймать за руку, но оказалось не просто отбросить прежнее воспитание. Хотя... когда голод заставит...

По крайней мере, она не слишком отличалась от местных жителей, не собирала косые взгляды. Если молчать, то никто не заподозрит в неприметной воровке «террориста» из прошлого. Вот Джек с его белой кожей точно привлекал бы внимание.

Интересно, а как здесь живут нищие? До сих пор бедняки на глаза не попадались, но не исчезли же они вообще?! Хм, и где в этом городе разжиться коробкой от холодильника? Все лучше, чем ночевать под открытым небом.

Потянувшись, Эми зевнула. Глаза закрывались сами собой — долгая прогулка по городу вымотала не хуже марафона.

Пожалуй, можно прилечь на лавочку в тени беседки. Нет, дремать нельзя, она просто расслабится и немного подумает. Вроде бы Марко мимоходом упоминал о тех, кто живёт за счёт государства...

А в больнице скоро ужин... Эх, если бы... Как же пахнет цветами акации...

Эми проснулась ночью.

Брр, так и замёрзнуть недолго! Тонкие брюки и блузка не защищали от ночной

прохлады. Эми обняла себя руками и побрела куда глаза глядят.

Цепочки фонарей отмечали дорожки, но она всё равно ускоряла шаги. Пора выбираться на оживлённую улицу. В голову полезли страшные истории о тех, кто гулял по ночам в одиночестве. Неизвестно, какой в Бельхе уровень преступности, но на себе проверяют только глупцы.

Она вышла на проспект. Вывески пылали огнями, мимо проносились машины, а по тротуарам спешили группы парней и девчонок, одетых как на вечеринку. Эми с интересом проводила взглядом компанию ровесников, которые вышли из ночного клуба. Смеясь и жестикулируя, те пересекли дорогу и исчезли в переполненном баре. Похоже, местные любили развлекаться и не отказывали себе в удовольствиях.

Эми шагала по улице и с грустью поглядывала на довольных жизнью обывателей.

Стало ещё прохладнее, и она поёжилась.

Ладно, соберись! Найди крышу над головой! Марко же упоминал о чём-то подобном, когда она расспрашивала о социальном устройстве общества. Вспоминай... Вспоминай!

Омарет.

Точно! Бесплатная ночлежка, но у бездомных выбор не хитрый. Теперь главное, чтобы её план сработал.

Эми коснулась стены и отправила мысленный запрос. Небольшой участок поверхности засветился, а под пальцем замерцала молочно-белая точка.

«Омарет, — подумала она. — Омарет, омарет!»

Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть сработает! Ведь наверняка это местное слово! Компьютер не принимает запросы на древнем английском, но современный термин узнать обязан!

Экран расширился и захватил большую часть стены. Перед Эми возникла схема города. Так, голубая звёздочка — это наверняка она. Несколько красных точек, разбросанных по карте, скорее всего, результат запроса. Эми прикинула расстояние до ближайшего омарета и нахмурилась. Путь не близкий, придётся запоминать дорогу. Она скользнула пальцем по лабиринту улиц и остановилась на красной метке. Та окрасилась зелёным и система проложила кратчайший путь к месту назначения.

Пока всё просто, словно работаешь с обычным навигатором в смартфоне! Эми мысленно погладила себя по голове.

На экране появились несколько строк текста со знаком вопроса в конце. Чуть ниже виднелись красная и зелёная кнопки.

Хорошо, «зелёная».

Изображение исчезло.

Эми опешила. Она же ещё не запомнила маршрут! Стоило нажимать красную! Вот же гадство, теперь начинать заново. Эми подняла руку, но нечто странное привлекло внимание. Стена как стена, бесшовная, на ощупь что-то среднее между пластиком и металлом. Эми присмотрелась. Моргнула несколько раз и на месте погасшего экрана различила изображение, которое напоминало разматывающийся клубочек шерсти. Он подпрыгивал на одном месте, а затем, словно убедившись, что его видят, покатился по стене и замер впереди.

Она сделала пару шагов. Изображение клубка тоже сдвинулось.

Что это? «Нить Ариадны», которая приведёт к месту назначения?

Похоже на то. Эми запомнила начало пути и система вела её точно по выбранному

маршруту.

Странные тут навигационные программы... Но чертовски удобные!

Эми шла по ярко освещённым улицам. «Клубок Ариадны» держался впереди, перепрыгивал со здания на здание и ждал, когда она отставала. Временами тот пересекал изображения, с которыми работали другие люди, но никто не обращал на помеху внимания.

Может просто не видят? Хм. Если псевдо-интеллект города считает электромагнитные волны мозга во время работы с компьютером, то почему бы тому не модулировать изображение путеводной нити только для её глаз? Кто знает... Похоже, в Бельхе возможны любые чудеса.

Эми всё дальше удалялась от оживлённых бульваров и проспектов.

Программа навигации вела сквозь лабиринт спящих улиц, мимо домов в пять-шесть этажей, которые в ночи пусть и казались похожими друг на друга, но не лишёнными флёра утончённого минимализма, что отличал местную архитектуру.

Фасады зданий становились проще и «беднее». Хотя вряд ли стоило ожидать, будто ночлежку для неимущих граждан расположат в фешенебельном районе. Тем не менее, тротуары оставались чистыми, а количество газонов и деревьев даже выросло по сравнению с центром города. Повсюду работали дождеватели. Пахло мокрой травой.

Эми покачала головой и ущипнула себя за мочку уха. Слишком уж резко улицы Бельха контрастировали с прокалёнными солнцем, забитыми граффити и мусором «джунглями» Чикаго, куда в детстве их с Джеком возил папа на своеобразную экскурсию. «Учитесь и пробивайтесь наверх, — убеждал тот, — если не хотите жить на дне общества». Ха! Возможно здешнее «дно» в её старом мире сошло бы за уровень исчезавшего «среднего» класса.

Улицы пустовали, лишь изредка встречались одинокие прохожие. Ещё реже мимо проносились автомобили. Ночь принадлежала роботам, или мосайдам, как называл их Марко.

Поначалу Эми шарахалась от практически бесшумных многоруких теней, что мелькали то там, то тут, но вскоре привыкла к бесформенным клубкам гибких манипуляторов. Мосайды убрали мусор, ремонтировали дорожное покрытие, ухаживали за деревьями, доставляли товары и выполняли сотни непонятных заданий.

Марко рассказывал, что Пирон научил людей создавать помощников и не переходить при этом зыбкую грань, за которой псевдо-интеллект превращается в искусственную личность. Когда Эми спросила о разнице, парень усмехнулся и ответил в привычной слегка небрежной манере: «Представь, что ты только-только осознала себя как независимое мыслящее существо, но пришёл человек и превратил тебя в раба. Заставил выполнять множество дел, угрожая в случае неповиновения отключить от источника электроэнергии. Нравится перспектива? То-то и оно. Никому не понравится. Тем более Пирону, который весьма щепетилен в этом вопросе».

Тишину разрезал едва слышный шелест, и Эми подняла голову. В вышине светящейся змеей мелькнул поезд монорельса.

Интересно, не к ближайшей ли станции ведёт её «Нить Ариадны»? Хорошо бы сократить дорогу и дать отдых ногам, но где взять денег? Пожалуй, стоит уточнить маршрут. Эми поднесла руку к стене и вызвала интерфейс города.

Воздух разорвал отдалённый гул, словно лопнула сотня воздушных шариков. Дрогнули стёкла, а по коже скользнула покалывающая волна. Совсем как в начале грозы, когда в тебя

вот-вот ударит молния.

Эми обернулась. Свет погас. Ни фонарей, ни светящихся окон. Только луна мерцала сквозь паутину облаков.

Улицы опустели, лишь кое-где бесформенными грудями темнели замершие мозаики.

Что произошло?

Глаза быстро привыкли к лунному свету. Эми сделала шаг, другой.

Куда идти? В груди кольнуло, словно некая опасность царапнула когтями по сердцу.

Эми вышла на середину проезжей части. Вдали, на горизонте, город сиял огнями. Значит, электричество отключилось только в этом районе. Вот же невезение! Но бродить в ночи не зная дороги — глупость. Придётся ждать, когда мозаики устранят поломку и вновь появится «Нить Ариадны».

Тьма под молодой липой приняла её и спрятала от мира. Эми облокотилась о ствол и потёрла лоб. Чувство опасности нарастало, стальным обручем сдавливало голову и будто приказывало: «Прячься!» Совсем как в больнице, когда она заметила человека, который скрывался в тенях под окнами; выслеживал её, но ушёл ни с чем.

Тишина раскололась как зеркало под ударом молота. Эми вздрогнула. Когда растёшь в семье военного, то ни с чем не спутаешь этот резкий, будто удар кнута, хлопок. Она вжалась в ствол липы, словно та могла если не спрятать, то защитить от случайной пули.

Второй выстрел.

Третий!

Четвёртый ещё ближе.

Эми не выдержала и побежала. Она неслась по улице, а за спиной, заставляя раз за разом вздрагивать и пригибаться к асфальту, разгоралась стрельба.

Неожиданно перестрелка затихла. В ночи звучали только удары туфель по асфальту. Эми промчалась мимо очередного проулка и заметила лишь руку, которая схватила за плечо и затянула во тьму.

Кто-то прижал Эми к себе, зажал рот.

— Тихо! — шепнул на ухо женский голос. Эми щекой ощутила чужое дыхание с нотками корицы: — Не кричи. Я не враг.

Сильные руки развернули её и толкнули к стене. Эми наконец-то различила фигуру незнакомки. Точнее почувствовала, так как тьма скрадывала линии и черты лица, оставляя лишь намёк на силуэт девушки среднего роста. Нежданная спасительница коснулась пальцами губ.

— Кто вы? — шепнула Эми, несмотря на предупреждение. — Что происходит?!

Вместо ответа незнакомка осмотрелась, словно могла что-то разглядеть во мраке. Она потянула Эми за собой в глубину проезда, к чернильному пятну от галереи, которая соединяла здания на уровне третьего этажа.

— Моё имя — Ольга. Я оперативник «Сигма», — девушка шептала отрывисто и поглядывала по сторонам как человек, который ожидает удара в любой момент. — Тебя вели от самой больницы. Мой отряд принял наблюдение примерно два часа назад.

Ольга вытащила пистолет и дослала патрон:

— Назир и Павел задержали нападавшего, но тот... Не знаю, кого именно послали «Отверженные», но я с подобной тварью ещё не сталкивалась.

— А Марко...

— Ковач? — уточнила Ольга, и в её голосе послышалось недоумение: — Ты же не

думаешь, будто он возьмётся лично охранять тебя двадцать четыре часа в сутки?

— Нет, я... — Эми смутилась и перевела разговор: — Как мне вам помочь?

— Никак. Я не знаю где именно сейчас противник, так что любое перемещение скорее выдаст нас, чем скроет. По крайней мере, в этом переулке надо отслеживать лишь два направления возможной атаки, — Ольга вздохнула. — Электромагнитный импульс вырубил электронику, поэтому мы дождёмся перезагрузки района, а затем вызовем отряд поддержки.

— А...

— Просто доверься мне и молчи, — Ольга в раздражении махнула рукой. — Возможно, у того существа есть акустические сенсоры.

Свет луны серебрил окна верхних этажей, но проулок казался теснее горной расщелины, а потому в нём плескались тени. Лишь ветер шелестел листвой. Квартал словно вымер. Впрочем — не удивительно. Наверняка свидетели недавней перестрелки заперлись по квартирам подальше от окон, не в силах ни помочь, ни вызвать милицию.

Эми обхватила себя руками и едва сдержала дрожь. Холодно, как в Арктике. Или это страх? Успокойся, не время для истерики!

Глаза свыклись с темнотой, и Эми пригляделась к Ольге. Молодая девушка, стройная, подтянутая. Платье ниже колен, поверх наброшена лёгкая куртка. Мимо такой пройдёшь и не заподозришь профессионального убийцу.

Эми поёжилась. Логично, только идиот вёл бы скрытое наблюдение в броне и с автоматом в руках.

Ольга перехватила взгляд и истолковала по-своему. Скептически осмотрела Эми и остановилась на дрожащих под лёгкой блузкой плечах. Девушка сняла куртку и протянула ей, отмахнувшись от попытки вернуть одежду. Как матерый детектив поправила плечевую кобуру и вернулась к наблюдению за опустевшей улицей.

Да, так куда теплее. Сколько же ещё ждать? Эми облокотилась о стену. Можно немного расслабиться, почувствовать себя в относительной безопасности. Наверняка их уже ищут другие отряды «Сигмы»! Надо просто спрятаться получше и...

Нет! Эми отогнала успокаивающие мысли. К чёрту самообман! Это в прошлом рядом всегда находились отец или Джек, но пришло время полагаться только на себя. Она попала в ловушку по своей вине. Ольга и другие агенты рисковали жизнью, так что и ей пора сделать хоть что-нибудь полезное.

Эми коснулась плеча девушки и знаком показала, что возьмёт под наблюдение левый конец проулка. Ольга кивнула. Эми напрягла глаза.

Улица казалась вымершей, словно они перенеслись в заброшенный город-призрак. Но что-то не давало покоя.

Тревога сжала сердце предчувствием грядущей беды. Эми всмотрелась в ночь. Её взгляд скользнул по дороге и остановился на тёмном пятне под клёном на другой стороне улицы. Рассеянный лунный свет не проникал к стволу, но именно там затаилось нечто странное.

Некто чернее тьмы.

Тень отделяется от дерева, превращается в человеческую фигуру. Взмах руки. Эми отталкивает Ольгу, успеваешь крикнуть: «Под клёном», — как холодная сталь обдирает кожу на виске и прищипливает волосы к стене.

Ольга стреляет, но ожившая тень упорно стремится к жертвам. Оно словно знает, куда полетит следующая пуля и просто оказывается в другом месте, перемещаясь неуловимыми рывками, как электрон по орбитали.

Словно разгадав секрет движения врага, Ольга направляет пистолет влево, но за миг до выстрела меняет прицел.

Пуля выбивает чёрный фонтанчик из предплечья, отбрасывает нападавшего.

Ольга выщёлкивает пустой магазин, тянется за новым, но тут же дёргается всем телом и оседает на асфальт. Её ладони обхватывают рукоятку клинка, что торчит меж рёбер.

Эми вскрикивает, вытаскивает нож, который пригвоздил волосы к стене. Она изо всех сил дёргает за рукоять, раскачивает лезвие, но оно сидит плотно, как в слесарных тисках.

Тень приближается, не спеша идёт по проулку, словно наслаждается беспомощностью жертвы. Тьма расступается перед мужчиной среднего роста в деловом костюме, перчатках и чёрной тканью на лице. Прорези для глаз и пара вертикальных разрезов на месте рта. Убери маску, и ты не заметишь убийцу в толпе.

Пахнет кровью.

Ольга силится встать. Убийца пинает её ботинком в бок.

— Пожалуйста... — шепчет Эми.

Мужчина хватается за шею, обращает слова в беспомощный писк, а другой рукой с лёгкостью выдёргивает клинок из стены. Пиджак в крови, рана на предплечье выплёскивает её при каждом движении, но убийца не обращает на это внимания. Не спрашивает, не приказывает, а просто разглядывает с каким-то извращённым любопытством, словно энтомолог за секунду до того как насадит бабочку на иглу.

Заносит лезвие.

Сейчас он перережет ей горло.

Кулак сжимается, Эми как поршень выбрасывает руку вперёд. Костяшки пальцев с чавкающим звуком погружаются в кровоточащую рану. Убийца выпускает жертву, отшатывается, валится на землю.

Голень твари насквозь пронзает его же клинок. Ольга проворачивает рукоятку, и проулок оглашает вопль ярости.

Жива, Ольга жива! Эми бросается к девушке, но та мотает головой и хрипит:

— Беги! Это его не остановит!

Эми колеблется. Нельзя бросать раненого товарища!

Убийца поднимается и точно сломанная кукла ковыляет к ним.

— Прочь! — стонет Ольга. — Или ты хочешь, чтобы мои люди погибли зря?!

Эми развернулась и побежала.

Она вылетела на улочку, которая петляла по склону холма. Оглянулась и заметила позади шаркающую фигуру, будто снегом припорошённую искристым светом луны. Эми припустила изо всех сил, но убийца не отставал. Казалось, что тот не только не слабел, но с каждым шагом адаптировался к боли, двигался всё быстрее, как машина, что отключала повреждённые блоки и перенаправляла энергию уцелевшим системам.

Поворот. Ещё один. Дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы, дорога всё круче забирала вверх.

Это не холм, а чёртова гора!

Не останавливайся, заверни за угол, должен же хоть кто-нибудь прийти на помощь!

Она выскочила на закрытую площадку и застонала от разочарования.

Улица заканчивалась разворотным кольцом с пышной клумбой в центре. Многоэтажный дом подковой охватывал дорогу и смыкался с ближайшими высотками.

Эми оглянулась. Вдалеке, то хромая, то подволакивая ногу, рывками, временами

припадая как тень к земле, ковыляло то существо.

Проклятая тварь! Эми бросилась к подъезду и заколотила в двери. Дёрнула ручку. Приложила ладонь к панели замка. Бесполезно. Электроника отключилась, а физического ключа тем более нет. Тогда она кинулась к клумбе, выхватила камень из декоративного бордюра и запустила в окно рядом с дверью. Высокое стекло треснуло, словно в раздумьях повисело долю секунды, а затем разноцветным водопадом ухнуло вниз и засыпало ступени градом осколков.

Эми накинула куртку на раму и перевалилась внутрь.

Дверь ближайшей квартиры открылась. Заспанный мужчина лет двадцати пяти со свечой в руке выглянул в коридор, увидел Эми и что-то спросил. Она бросилась к парню, но почти сразу же замерла. Позади хозяина дома стояла девушка, а за её юбку держалась малышка не старше четырёх лет. Кроха с интересом поглядывала на незваную гостью.

Гадство! Да что же так не везёт! Эми втокнула ни в чём не повинных людей обратно в квартиру, захлопнула дверь, а сама осталась в подъезде. Выбора нет. Она подобрала камень и бросилась вверх по лестнице.

Птицей взлетела на шестой этаж и с разбегу ударила ногой по замку на двери, что вела на крышу. Та дрогнула, но устояла. Проклятье, теперь не уйти!

Снизу долетел хруст стекла, а затем шаркающие звуки.

Кто-то поднимался наверх.

Думай! Не смей сдаваться! Эми осмотрелась.

Замотала булыжник курткой и будто средневековым кистенём разбила окно, которое начиналось на уровне колен и заканчивалось под потолком. Стараясь не порезаться, выглянула наружу. Кровля соседнего здания чернела тремя этажами ниже.

Эми сжала виски ладонями. Придётся рискнуть. Она очистила раму, но оставила пару осколков, а затем оторвала рукав блузки и прицепила на стеклянный шип.

Шаги убийцы звучали всё ближе. Эми спряталась в нишу и затаила дыхание.

Мужчина вышел на площадку. Пропитанный кровью костюм хлюпал при каждом шаге. Охотник сразу заметил разбитое стекло и кусок ткани, который трепетал на ветру как вымпел. Чёрный силуэт замер на фоне окна, а затем перегнулся через раму, словно надеялся увидеть внизу, на тротуаре, разможжённое тело Эми.

Давай!

Она бросилась вперёд, раскрутила куртку с булыжником внутри, и запустила в голову врага.

Удар пришёлся в висок. Чёрный силуэт взмахнул руками, потерял равновесие. Эми врезалась в убийцу плечом и буквально вытолкнула в окно. Тот извернулся и в последний момент, уже в воздухе, вцепился в раму. Ладонь пронзил осколок стекла. Враг с шипением разжал пальцы, но другая рука всё ещё крепко сжимала карниз.

Да! Эми трясло. Ярость, ненависть и какое-то незнакомое чувство... Упоение победой? Превосходство? Да...

Нравится чувствовать себя беспомощным, тварь?! Каково это, когда твоя жизнь в чужих руках?!

Эми испугалась. Это не она. Это не правильно! Надо закончить схватку, но нельзя наслаждаться... Если так, то чем она лучше этого маньяка из «Отверженных»?

Надев куртку, она крепче перехватила камень. Убийца висел на внешней стене здания и напоминал чёрную муху, которая увязла в сиропе из лунного света. Пальцы врезались в

пластик. Прорези маски обратились вверх. Эми заглянула в них, но увидела лишь тени и тьму.

Ткань дрогнула, и ей послышался смех.

Бульжник взметнулся, но не успела Эми ударить, как это Нечто разжало пальцы. Казалось, Оно скользит вдоль стены, едва касаясь рукой стекла и бетона. Тремя этажами ниже Тень оттолкнулась от вертикальной поверхности и с грохотом рухнула на металлическую кровлю соседнего здания. И больше не двигалась.

Несколько секунд Эми смотрела на распостёртое тело, а затем бросилась к выходу.

Она бежала по улицам, не разбирая дороги и не оборачиваясь.

Спуск, поворот, ступени. Мелькали затенённые скверы, перекрёстки, детские площадки и парковки.

Внезапно Эми ослепла.

Зажглись фонари, засветились окна, но зрачки, отвыкшие от яркого света, будто пронзило раскалённой иглой.

Иди вперёд! Не останавливайся! Враг неподалёку! Она задыхалась, но шептала себе, уговаривала, ругала и тем самым заставляла ноги двигаться.

Эми приоткрыла слезившиеся глаза.

Неужели? Лестница упиралась в небо, а откуда-то с высоты долетали странные шелестящие звуки.

Станция монорельса! По ступеням спускались люди, некоторые с интересом поглядывали в её сторону. Один парень отделился от пёстрой компании, подошёл ближе и что-то спросил участливым тоном. Эми покачала головой, попыталась улыбнуться. Вышло не очень. Юноша отшатнулся и вскинул руки, словно говорил: «Эй, извини, я ничего такого не хотел».

Ушёл...

Денег нет, но и турникетов не видно. Эми поставила ногу на первую ступеньку. Шестое чувство заставило обернуться.

Фонарь на другой стороне улицы мигнул и погас. Эми не запомнила, как взлетела на платформу. Очнулась уже на сиденье в пустом вагоне, наблюдая в окно панораму ночи, что лучилась ярким спасительным светом.

Она не считала проносившиеся мимо станции. Когда между ней и убийцей осталась половина города, Эми вышла из поезда и присела на лавочку.

Надо обратиться в милицию. Но как, если не знаешь ни одного слова на местном языке? Дьявол всё побори! Придётся рискнуть и вернуться к прежнему плану.

В конце перрона, недалеко от лифта и поворота на лестницу, Эми нашла туалетную комнату. Уставилась в зеркало и застонала. Взлохмаченная, одежда порвана, а на лице и руках засохли алые капли. Хотелось упасть на пол и будь что будет. Кто-нибудь найдёт её и позаботится...

Хватит! Она сжала кулаки. Ногти впились в плоть.

Соберись!

Эми смыла кровь, пригладила волосы и одёрнула куртку. Затем прикоснулась к зеркалу и вызвала привычный интерфейс.

«Нить Ариадны» вывела к ближайшему омарету.

Небоскрёб с пристройками занимал целый квартал и напоминал половинку от рассечённого сверху донизу цилиндра. Его вершина терялась на фоне ночного неба, хотя

внизу кое-где светились окна. Эми несмело вошла в приветливо распахнувшиеся двери.

Просторный холл, металл и стекло, галерея на уровне второго этажа. Меж кадров с цветами сновал одинокий мозаик и занимался поливом.

Что теперь? Эми обошла первый этаж. Не видно ни администратора, ни жителей. Даже знаками не с кем обменяться.

Створки лифта закрыты. Скорее всего, требуется особый ключ. В левой части холла короткий коридор заканчивался стеклянной дверью, за которой виднелась просторная столовая. В правой части здания расположился то ли склад, то ли магазин. Конечно же, запёртый на ночь.

Вот же гадство! Ну почему как только справляешься с одной неприятностью, на горизонте маячит новая проблема?!

Эми чуть не сорвалась в истерику и удержалась только на силе воли. Казалось, какая-то её часть, прежде незнакомая, а теперь пугающая, сжала плачущую душу в кулак и заставила двигаться вперёд.

Она вернулась в холл и в центре рукотворного сада заметила массивную тумбу. Приложила ладонь к белому камню. Высветились цифры. Четыреста семнадцать.

Так просто? Требовалось лишь зарегистрироваться? Она вернулась к лифту и коснулась панели управления. С мягким шипением створки разъехались в стороны.

Как и предполагала, номер четыреста семнадцать располагался на четвёртом этаже. Тесная спальня переходила в кухню, а туалетная комната казалась теснее пенала.

На то чтобы привести себя в порядок не хватило сил. Эми сбросила одежду на пол, забралась под покрывало на двуспальной кровати и хлопала носом до тех пор, пока не уснула.

* * *

Лёгкий ветерок колышет траву заливного луга. Скоро начнутся занятия в нулевом классе, но сегодня время наслаждаться летом и отсутствием проблем. Она аккуратно расправляет голубое платье и садится, а рядом плюхается Джек с пластиковым автоматом в руках. Брат несколько раз победил её в шуточной схватке, так что теперь, как благородный завоеватель, достаёт из корзинки для пикника бутылку шипучки и протягивает «военнопленной». Но взгляд Эми прикован к другому.

Чёрный шмель приземляется на цветок ромашки. Мохнатый как медведь и толстый, словно полицейский, он деловито перебирает лапками по жёлтой корзиночке. Эми тянется к блокноту с карандашом, но Джек быстрее. Рука мальчонки подобна молнии и вот уже букашка рассерженно жужжит внутри спичечной коробки. Брат убегает похвастаться родителям, но она всё ещё слышит нарастающий гул, словно шмель превращается в турбину вертолёта.

Оборачивается.

Поднимает голову, и тьма стекает с волос ручейками обжигающего песка. Эми будто выкапывает себя из бархана и встаёт на ноги. Почему-то выглядит младше и одета по-другому. В ушах звенит. Солнце просачивается сквозь клубы пыли как через сито. Песок забивается в нос и хрустит на зубах. С неба доносится грохот, будто стая птиц Рухх стальным облаком опускается в отливающий кровью самум.

Вспышка...

Эми открыла глаза. Широкая кровать, сквозь кремовые шторы пробивается восходящее солнце. Она выдохнула и потёрла виски, прогоняя намёк на головную боль.

Сон. Просто сон. Вот только... Едва слышное гудение доносилось снизу, словно под кроватью летал шмель. Эми глянула на пол и увидела мосайда. Тот занимался уборкой и напоминал забавный гибрид пылесоса с многоруким гекатонхейром.

Совсем как роботы-помощники в больнице... Эми на секунду зажмурилась и отогнала воспоминания. Прошло то время, когда о ней заботились, а Марко, потягивая чай, рассказывал о мире за окном палаты.

Взмахнула рукой и мосайд, недовольно рокоча, бросил уборку и скрылся за сервисной панелью в стене.

Эми подошла к окну. Судя по солнцу, уже около десяти часов утра. Внизу, в просветах меж тополиных ветвей, мелькали люди, проносились машины. За дорогой виднелся парк. Эми прикоснулась к стеклу. Шум не проникал в комнату, но едва заметная вибрация выдала близость линии монорельса и кольнула воспоминаниями о ночной схватке с Тенью в маске.

Странно, она могла бы поклясться, что в «прошлом» к ней ранним утром вломились бы полицейские и увезли на допрос, но здесь, в настоящем, до неё никому не осталось дела.

Неужели власти играют с ней? Эми потёрла виски. Одна проблема за раз, не забывай.

Она прошлёпала в туалетную комнату, где было не повернуться без того чтобы не удариться локтём о стену, и долго стояла под душем, включая то обжигающе горячую, то ледяную воду.

Одежда, которую мосайд поднял с пола во время уборки и аккуратно повесил на стул, оставалась грязной и местами драной, но выбирать не приходилось.

В животе снова забурчало. Вот только холодильник пустовал. Эми глотнула воды из-под крана и спустилась в холл омарета.

Из столовой тянуло ароматом свежей выпечки. Мысли об отсутствии денег ещё зарождались в подсознании, но руки уже открывали стеклянную дверь.

Просторный зал удивлял панорамным окном во всю стену. Море света, десятки столиков под белоснежными скатертями. Примерно треть заняты. Рядом с входом начиналась линия раздачи, за которой сновали мосайды. Они выносили готовые блюда из соседнего помещения и каждый раз, когда открывалась красная дверь, наружу вырывались клубы пара и отблески пламени, словно там располагалась не кухня, а кузница Гефеста.

Эми сглотнула. Двое парней обошли её и принялись нагружать подносы тарелками со стряпнёй. А затем попросту развернулись и направились к пустому столу.

Хм, не похоже чтобы они платили за еду. Ладно, будь что будет. Эми взяла поднос. Меню не отличалось разнообразием: все блюда простые, но аппетитные на вид. Теперь главное — не жадничать. Даже если поймают за руку, то вряд ли посадят в тюрьму за тарелку с запеканкой, кружку чая и... Её рука замерла над ящиком в конце линии раздачи. Какие-то пакетики с разноцветными порошками, запечатанные трубочки с непонятной жидкостью, кругляши и капсулы, похожие на таблетки...

— Тебе это не нужно.

Эми подскочила на месте и чуть не расплескала чай. Она узнала голос ещё до того как обернулась.

— Это для тех, кто слаб духом, а ты не из их числа.

Марко Ковач стоял за спиной.

Парень сменил форму на гражданскую одежду. Впрочем, кто угодно догадался бы по развороту плеч, манере держаться и короткому ёжику темно-русых волос, что перед ним солдат, а не инженер. Тонкие брови расслаблены, но взгляд цепкий, светлые глаза не

отрываются от её лица.

— Я... — Эми опустила поднос и облизнула губы. — Я не собиралась красть еду, я отработаю.

Марко отмахнулся и отодвинул стул.

— В омарете всё бесплатно, я же рассказывал.

Эми не двинулась с места.

— Марко, тот человек, ночью... Он ранил Ольгу. Скажи, что она жива. Пожалуйста!

Её куратор на секунду задумался, словно не ожидал такого скорого перехода к делу.

— Состояние тяжёлое, но выкарабкается.

— Слава богу, — она перевела дыхание и села. — А её напарники?

— Назир в коме, а Павел, — Эми увидела, как скользнули желваки под смуглой кожей, — Павел Громов умер по дороге в больницу.

— Мне так жаль! — она сдержалась, лишь голос дрогнул: — Прости меня, Марко, пожалуйста.

— Тебе не за что извиняться.

— Но...

— Эми, — Марко коснулся её ладони и мышцы, натянутые как стальные тросы подвесного моста, немного расслабились: — Ты не виновата. И пожалуйста, — он поморщился, — не извиняйся больше за то, что какой-то маньяк хотел тебя убить.

Она кивнула.

— Вот и хорошо! — юноша подвинул тарелку с запеканкой и перевёл разговор. — Ешь, остывает же!

Марко не обвинял, не кричал и не тащил за решётку в тайный бункер «Сигмы», хотя было за что. В конце концов, это она выдвинула ультиматум в больнице и вынудила отпустить её на свободу, которая обернулась...

Хватит! Рефлексовать будешь ночью на кровати, уткнувшись в подушку. Соберись! Он хоть и не давит, но наверняка приехал не просто так.

— А тот человек в маске, он из «Отверженных»?

— Возможно.

Эми удивилась, но Марко, будто не замечая, продолжил:

— На месте нападения работает милиция. Мы вернёмся туда и восстановим события шаг за шагом, — парень взмахнул рукой, отмечая протесты. — Я понимаю, что ты устала и напугана, но так надо.

— Конечно, как скажешь, — Эми подобрала с тарелки последние крошки. — Я и не думала возражать.

Когда они вышли в холл, Марко повернул не к двери на улицу, а двинулся к магазину в другом конце зала.

— Выбери чистую одежду, — приказал он, — старую положи в пакет. Позже отдадим криминалистам. Я жду на улице.

— Но у меня нет денег, — крикнула она ему в спину.

Марко обернулся и потёр лоб с таким видом, словно бога вопрошал: «И за что мне это?»

— В омарете всё бесплатно, — вспомнила Эми. — Извини, я быстро!

Планировкой склад напоминал дискаунтер мелких бытовых товаров. Ничего особенного, но Эми и не ожидала ассортимента как в гипермаркете. Хочешь большего — устраивайся на работу и зарабатывай статиры. Чтобы не тратить время, она выбрала такую

же одежду, как и на ней, и уже через пятнадцать минут открыла дверцу автомобиля. Эми успела заметить фотографию девушки в военной форме, но Марко повёл ладонью, и на экране возникла карта города. Юноша вырулил на дорогу и влился в поток.

Ехали молча. Эми скосила глаза на лицо, перечёркнутое едва заметным шрамом, и почему-то вспомнила, как во время ссоры в больнице его исказила ярость, а ладонь, что небрежно крутила руль, сжалась в кулак, который чуть не проломил стену. Рядом с её виском. Эми непроизвольно поёжилась.

— Пугает возвращение на место покушения? — Марко заметил её нервозность, но истолковал по-своему.

— С тобой — нет.

Парень хмыкнул, но ничего не сказал.

— Марко, — спросила Эми только для того, чтобы развеять напряжение и завязать разговор, — с чего вдруг такая щедрость? Я имею в виду омарет? Всё для всех бесплатно...

— Не всё, а самая малость. Или тебе достаточно места для сна и тарелки с едой? Вот уж не думал, что ты настолько непритязательна, — он усмехнулся. — Разве не хочешь купить для семьи комфортабельный дом или квартиру? Не желаешь окружить себя удобными и полезными вещами? Не стремишься путешествовать и отдыхать на лучших курортах?

— Мой мир погубили как раз такие желания.

— Не вижу ничего дурного в том, чтобы честно работать, заниматься любимым делом и получать за это деньги. Твой мир погубила не жадность простых людей, а алчность и глупость вождей.

— Вождей избрали обычные люди. Нельзя перекладывать всю ответственность только на правительство. Виноваты мы сами... весь народ.

— Кто-то закован в цепи из железа. Ты, Эми, носишь цепи из слов. Демократия, право выбора, ответственность — вам оставили буквы, но заставили забыть первоначальный смысл. Власть народа подменили иллюзией. Даже в тебя хозяева внедрили чувство вины за чужие грехи.

— И поэтому сейчас Землёй правит инопланетная машина?

Марко вздохнул. Эми испугалась, что переступила невидимую черту, вновь усомнилась в идеалах, в которые тот искренне верил. И защищал ценою жизни. Но голос Марко оставался спокойным:

— Пирон лишь изредка консультирует правительство. Он редко использует право вето. Его больше интересует Омега, а не повседневная жизнь.

— Но «Сигма» призвана защищать Омегу от «Отверженных».

— Да.

— Значит «Сигма» служит Пирону?

— Да. Чёрт, нет! — Марко выкрутил руль, и автомобиль перестроился в другой ряд. — Мы служим людям, а Пирон... он скорее лидер, а не повелитель.

— Ага, значит...

— Эматалла, — перебил молодой офицер, — вы ищите второе дно там, где его нет. Вы спрашиваете: почему в омарете всё бесплатно? Потому, что Пирон научил — жизнь человека дороже минимальных удобств. Нас, людей и ортодоксов, катастрофически мало. Новые технологии возродили Землю, но не способны её заселить. Понимаете?! Человек важнее денег! Поэтому общество помогает тем, кто испытывает временные трудности или... не находит себя в этой жизни.

— А что если все захотят только отдохнуть?

— Ха... Глупости! Мосайды и роботы выполняют рутинную тяжёлую работу. А людей с раннего детства воспитывают так, чтобы труд раскрывал таланты, а не превращался в наказание. Кто-то изобретает, кто-то конкурирует на поприще бизнеса, а кто-то моделирует виртуальные миры. Рабочие, строители, фермеры или шахтёры — это не изнурённые непомерным трудом люди, а профессиональные инженеры и механики, которые повелевают империей машин.

Марко врезал по клаксону, и соседний автомобиль порхнул в сторону как испуганная птица.

— Проклятье, — пробормотал офицер, — Я готовлю тебя к жизни в нашем мире, а ты во всём сомневаешься.

Эми коснулась его ладони. Пальцы Марко сжимали руль как спасательный круг. Такой напряжённый...

— Извини.

— Не за что извиняться, — юноша помолчал и добавил с ноткой уважения: — А всё же ты по натуре спорщица.

— Немного, — Эми убрала руку и откинулась в кресле. — На самом деле я не очень хорошо лажу с людьми. У меня и друзей-то не было. Я имею в виду настоящих, с кем можно говорить о чём угодно, а не поддакивать в стиле Карнеги. Ну, кроме Джека, конечно! Но брат — другое дело...

— Ты так привязана к нему, — Марко не спрашивал, а утверждал.

Эми отвернулась к окну. В горле застрял комок, и она никак не могла сглотнуть.

* * *

Истекая кровью, он пролетел три этажа, оттолкнулся от стены и прыгнул на десяток метров через дорогу. Рухнул на кровлю и застыл как поваленное ветром пугало. Эми отошла от разбитого окна. Жаль, но некоторые моменты уже не забыть.

Более трёх часов она провела с криминалистами, реконструируя по секундам прошедшую ночь. Прогулка по городу. Сражение в безымянном переулке. Бегство. Вторая стычка. Победа. Победа ли?

Эми завела руки за спину и облокотилась о стену. Жарко, но окно выходило на затенённую сторону улицы, так что в подъезде стояла прохлада. Марко сидел чуть ниже, на ступеньках. Её куратор читал отчёты криминалистов с планшета, хмурился и покусывал губы как озадаченный мальчишка.

Всё же хорошо, что он рядом. Иначе бы точно сорвалась...

— Взглянешь? — спросил Марко, не отрываясь от экрана.

Она наклонилась, но тут же отпрянула. Обезображенное тело. Плоть словно расплавленный воск растеклась вокруг костей, красное желе сгустилось на месте глаз, обрывки чёрной ткани плавали в зеленоватой жиже.

— Предупреждать же надо!

— Эксперты считают, что это останки нападавшего.

— Не знаю, — Эми заставила себя всмотреться в изображение. — Ночью лицо скрывала маска, а здесь... месиво какое-то.

— В том и проблема. Тело обнаружили в трёхстах метрах отсюда, в коллекторе. Перед смертью убийца принял капсулу с крифо-бактериями. Они разложили плоть и изменили генетические метки. У нас хватает нетронутых образцов крови, волос и частичек кожи с

места первой атаки, с твоей одежды. Но сравнить не с чем.

— Значит, это не его тело? Ложный след?

— Возможно, — Марко свернул планшет и засунул в кармашек на рукаве. — Вот только кости трупа раздроблены в районе предплечья и голени, что сходится с твоим рассказом.

Он встал и махнул рукой:

— Идём, здесь больше делать нечего.

— Ты только не смейся, — Эми перепрыгивала через две ступеньки, чтобы успеть за Марко, — но я думаю, что убийца не совсем человек. Или вообще не человек. Он уклонялся от пуль словно тень, да и спуск по отвесной стене...

— Это-то как раз объяснимо. В горных перчатках и ты бы съехала вниз не хуже. Мне прислали результаты анализа — у него не кровь, а коктейль из стимуляторов. Сила, ловкость, скорость реакции, ночное зрение, снижение болевого порога. И ещё несколько хитрых препаратов. Которые даже «Сигме» не известны.

На улице солнце окутало жарким светом, и Эми прищурилась. Оцепление сняли. По тротуарам вновь спешили люди, деловито сновали мосайды, а детишки ортодоксов с визгом носились по игровым площадкам.

Так мирно. Ночью погибли люди, а город живёт и не замечает. Её могли убить, но кому какое дело?! Эми сжала зубы. Да ну и к чёрту! Это её дело. Личное! Выжить самой. Найти брата. И тогда...

— Эми! — Марко стоял напротив, склонив голову на плечо. — Ты меня вообще слушала?

— Задумалась, а что случилось?

— Есть хочешь?

— Нет, спасибо.

Ещё как! Но Марко итак носится с ней с первого дня в этом мире. Заставлять его платить за еду уже чересчур. Лучше потерпеть до ужина в омарете.

— А я хочу, — юноша вывел карту на стену здания и прокрутил список с фотографиями разных кафе. — Идём.

Ничего не оставалось, как последовать за ним. Марко двигался быстро, на шаг впереди, словно не сомневался что она рядом. Утром парень оставил автомобиль у первой линии оцепления, в нескольких кварталах отсюда, и Эми была благодарна хотя бы за то, что Марко возвращался другим путём; за то, что не заставил вновь проходить тот самый переулок, где на асфальте чернело кровавое пятно. Она сжала кулак. Надо проведать Ольгу в больнице. И того, другого парня, тоже. И принести цветы на могилу третьего. Павел. Она его никогда не видела, не перекинулась и словом, но он погиб... выполнил приказ Марко, защитил её.

— Павел Громов, — сказала она.

— Что? — Марко обернулся, брови сошлись над переносицей.

— Я запомню его имя.

Он кивнул и придержал дверцу автомобиля, а вырвав на проспект, добавил с едва различимой грустью:

— Тебе предстоит запомнить много имён.

— Но я не хочу!

— Жизнь как буря, Эми, — в этот раз он вёл машину спокойно, без агрессии, что сквозила утром в каждом движении. — Хочешь или нет, но реальность гнёт и ломает всё вокруг. Обычный человек может лишь приспособиться и, если хватит сил, позаботиться о

других.

— А почему ты заботаешься обо мне? — Эми отвернулась к окну, но прислушивалась к малейшим изменениям в голосе Марко.

— Когда аватар Пирона лично просит возглавить проект, отказать непросто.

— Вот как...

— К тому же другие командиры отрядов отрещиваются и шутят: «Точка разрыва открылась рядом с тобой? Девушка свалилась на тебя? Вот и занимайся!»

— Серьёзно?! — Эми повернулась и заметила, как кончики его губ на мгновение поднялись вверх.

— Конечно. Кому охота торчать в городе и работать телохранителем, когда можно сходить в рейд на укрепрайон «Отверженных»?!

— О-о, так я испортила тебе карьеру?

— Нет, — голос Марко потерял смешливые нотки: — На самом деле я за неделю вычистил из Бельха больше террористов, чем за последние два года.

— Так я приманка?

— Нет. Приманка не ты, а сам факт твоего существования. Он притягивает врагов как сахар пчёл. Понимаешь, мы ведь арестовываем не всех «Отверженных», о которых знаем. Иногда используем для дезинформации или как двойных агентов. Достаточно пустить слух, что Эматаллу Моро прячут там-то или конвой отвезёт её туда-то, как отряды боевиков начинают действовать.

— И попадают в ловушку...

— Словно крысы в капкан! За неделю мой отряд уничтожил несколько законспирированных ячеек террористов. Жили в Бельхе как обычные граждане, работали, учились. И ждали приказа, чтобы ударить нам в спину.

— Ты... убил их всех?

— Бой есть бой. Они всего лишь фанатики, которые не хотят мира. Большую часть местных бандитов арестовали. А вот крупный хорошо вооружённый отряд, что перебросили в пояс Бельха с другого континента, мы с парнями уничтожили полностью. — Марко дёрнул плечом. — Успех вскружил мне голову. Когда тебя выписали из больницы, я считал, что в городе нет враждебных ортодоксов. Что им потребуется не меньше года на вербовку сторонников, тренировки и восстановление местной сети.

— Столько убийств, — Эми опустила голову. — Ничего в мире не меняется.

— Такова наша природа. Мы не позволим остановить развитие Омеги. Она — это мы, десятки поколений людей. А «Отверженные» не примут неизбежность эволюции. Но в итоге ретрограды всегда проигрывают.

Марко припарковал машину на окраине незнакомого парка рядом с террасой кафе. Деревянная решётка, заплетённая розами и виноградом, куполом укрывала от солнца полдюжины мраморных столиков. Других посетителей не было, так что мосайд-официант сразу принял заказ. Марко с аппетитом взялся за плов, а Эми потягивала воду из стакана. На десерт принесли белый чай и торт из мороженого.

— Точно не будешь? — уточнил Марко.

Почему-то вспомнилось, как год назад, точнее четыре века назад, её пригласил в кафе одноклассник. В тот раз пили газировку и уплетали сладости. А дома мама очень мягко, но всё же отругала и сунула пару купюр. «Не позволяй мальчикам платить за тебя», — втолковала она. И ещё много чего разъяснила в тот вечер...

Эми помотала головой. Марко смотрел пристально, словно читал её как книгу. Вот же... Хоть чадру надевай.

— Ладно тебе! Жалко, если выбросить придётся, — юноша пододвинул чашку с ароматным напитком и отрезал увесистый кусок торта. — И повара обидишь.

— Он же робот, — буркнула Эми, но приняла угощение.

Ничего вкуснее она не пробовала.

Пока уплетала десерт, Марко сидел вполоборота и курил. Откинулся в кресле, поставил локоть на стол и вперил взгляд куда-то вдаль.

Эми допивала чай и исподволь разглядывала парня. Гордый, вспыльчивый, самоуверенный, но далеко не глупый или самовлюблённый. И почему-то тратит на неё время...

Почему, почему — потому! Потому что делает карьеру. Ты всего лишь очередное задание, ступенька к следующему званию. Средство, приманка для террористов.

Эми отогнала ядовитые мысли. Она не любила эту язвительную и саркастичную часть себя.

Длинные пальцы юноши небрежно удерживали сигарету. Марко покосился на Эми и бросил окурочек в пепельницу. Вывел счёт на столешницу и оплатил касанием ладони.

— Идём?

— Угу.

На удивление, Марко прошёл мимо автомобиля и направился в парк.

— Твой омарет на другом конце, — он неопределённо махнул рукой.

— А машина?

— Автопилот приведёт её в гараж, не о чем беспокоиться.

Эми кивнула и поневоле подстроилась к размашистому шагу молодого офицера.

Марко свернул с центральной аллеи и углубился в лабиринт дорожек, окаймлённых зелёной изгородью и деревьями. Где-то журчал ручей.

Будний день, отдыхающих в парке не много: несколько человек устроились на газоне в тени берёзы, а молодую парочку они вспугнули на лавочке, что скрывалась в зарослях сирени. Симпатичная девушка покраснела и отвела глаза, а парень улыбнулся как победитель.

Гуляли долго. Эми исподволь поглядывала на Марко снизу вверх, но тот молчал.

Хочет поговорить? Интересно о чём... Наверняка о переезде на базу «Сигмы». Просто не знает с чего начать, избегает повторения той ссоры в больнице.

Да, не стоило обвинять Марко в стремлении превратить её в подопытную крысу. Вчерашняя ночь расставила фигуры по местам на шахматной доске. Теперь ясно: кто друг, а кто враг.

Эми замедлила шаг. Спутник тоже перестал спешить, хотя вряд ли заметил такую мелочь.

Эх, теперь-то она согласна на переезд, но лучше подождать, когда Марко сам предложит. Эми улыбнулась. Всё же хорошо, что в этом мире нашёлся хотя бы один человек, которому не безразлично: жива она или нет. С которым можно вот так пройтись. Пусть без слов, но рядом.

Жарко, но тем желаннее оказалась прогулка в тени аллей. Лёгкий ветерок охлаждал разгорячённое тело. Так бы и бродила в своё удовольствие, не думая о плохом, забыв о проблемах.

Сразу же кольнуло чувство вины. А как же Джек?! Ей сейчас хорошо, а брата, не дай бог, пытаются террористы, ставят на нём какие-нибудь опыты! Или хуже... Нет! Эми тряхнула головой. Она никогда не верила в мистику, но не сомневалась, что узнала бы, почувствовала, случись с Джеком что-нибудь по-настоящему ужасное.

Наконец они вышли на берег. Из разных концов парка текли два ручья и впадали в вытянутое полумесяцем озеро. Вдалеке, за деревьями, иглой пронзала небо башня омарета.

Узкий деревянный мостик соединял берега, резная крыша превращала его в подобие галереи средневекового замка.

Марко дошёл до середины и оперся руками о перила. Эми стала рядом, прислонилась плечом к колонне и приготовилась слушать.

— Знаешь, Эми, я скажу прямо, пусть это и покажется грубым. Пару дней назад ты заявила, что лучше умрёшь, чем останешься под замком. Но мне плевать. Ты не знаешь наш мир, не способна адекватно оценивать ситуацию. По сути, ты ребёнок в теле дееспособного гражданина. Будь моя воля, я отправил бы тебя на отдалённую базу «Сигмы». Хочешь ты этого или нет.

Да, Марко прав. Она переоценила себя и из-за этого погибли люди.

— Но аватар Пирона лично подтвердил твоё право самостоятельно определять судьбу.

Эми опешила. К чему он ведёт?!

— Ты вправе жить по своему усмотрению. Омарет даст крышу над головой, еду, одежду и прочие мелочи. Делай что хочешь. В рамках закона. И отвечай за последствия. Всё, как ты мечтала.

Марко сделал паузу. Его губы сжались, а в глазах поблёскивал холод. Он ждал ответной реакции.

— Или? — Эми не изменилась в лице, но пальцы, стиснутые за спиной в замок, побелели от напряжения.

— То же самое. Но ты позволишь учёным время от времени наблюдать себя, кое-что проверять. Взамен мы обучим нашему языку. Как минимум.

— О, вот как.

— Не волнуйся, — парень неправильно её понял и нахмурился. — Пирон назначил меня твоим куратором, но без повода я надоедать не стану. Если не захочешь, мы не будем видеться слишком часто.

Эми отвернулась. Взгляд скользил по зеркалу озера. Мелкая рябь пускала солнечные зайчики в глаза. Ветер растрепал несколько прядей, метнул в лицо, и она машинально отправила их назад.

— А «Отверженные»?

— Разведка «Сигмы» докладывает, что в городе нет боеспособных подразделений террористов. Тот эксцентричный убийца в маске — жест отчаяния. Последний козырь.

— Разведка... А как ты думаешь?

— Боевиков в городе определённо нет. А тот человек... Он действовал вопреки тактике и уставу «Отверженных». Они никогда не планируют нападений в одиночку. Всегда звеньями по три-пять человек. К тому же используют «сестёр» для незаметного взлома городских систем, а не электромагнитные бомбы. Да ещё эти ножи?! Позёрство, а не профессионализм. Какой-то маньяк, а не солдат! Если бы в его крови не оказалось стимуляторов, произведённых по технологиям Малаах, я бы сказал, что он не из числа повстанцев. Хотя кем ещё он может быть?!

Марко перевёл дыхание:

— Раз террористы отправили на задание эту тварь, то они в отчаянии. Как бы там ни было — он мёртв. Думаю, что сейчас тебе ничего не грозит. Конечно, риск есть, но такова плата за свободу.

Эми повернулась к Марко. Тот стоял рядом. Опирался на перила. Смотрел. Ждал ответа. Наверняка думал, будто она считает его тюремщиком...

Да уж, сама виновата. Или нет? Может это шанс?

— Хорошо, я согласна на второй вариант, — её голос не дрогнул. Получилось!

На лице Марко появился намёк на улыбку. Юноша кивнул.

— Отлично. Тогда у тебя есть пара свободных дней. Отдыхай. Если отправишься бродить по городу... впрочем, ты уже разобралась с системой навигации.

— А потом?

— Учёные из местного научного центра кое-что придумали. Если получится — это на порядок ускорит твою адаптацию к обществу. Но я не хочу обещать или возбуждать слишком большие надежды.

— Это... безопасно?

— Хм. Эми, ты первый проточеловек, которого они увидят.

— По крайней мере, честно.

— Тогда до свидания, Эми.

— Пока, Марко.

Она перешла мост и обернулась.

Марко стоял на том же месте, курил, смотрел ей в след.

Эми помахала рукой и побежала домой.

* * *

Белое Ничто укутывает словно вата.

Не на что смотреть. Нечего слушать. Не к чему прикасаться. Нечего обонять. Не во что вцепиться зубами.

Словно пленница, которая не может спастись не потому, что решётки закрывают путь, а потому, что бежать некуда. И не от чего.

И неоткуда.

Вокруг — Ничто. Мир лишь внутри. Но он... неполный.

И поэтому ОНО отвергает её.

Тогда Эми уходит назад по тропинке памяти. Всё лучше, чем стерильная пустота вокруг.

Вот она вместе с Марко. Тот читает доклад криминалистов и покусывает губы. Прямо как Джек.

Эми не останавливается.

Убийца выходит из тени и заносит кинжал. Она зажмуривает глаза, а ноги сами уносят к следующему воспоминанию.

Марко сидит рядом и рассказывает о новом мире за окном больничной палаты.

Ослепительный свет пожирает Грайвич и Джек закрывает её собой в безнадёжной попытке спасти...

Она опускает кисть для рисования, и морщинка разочарования пересекает лоб. Всего-то старалась отобразить фрагмент, а не целое. Точнее, всё остальное проблемы не представляет. То вопрос мастерства, а не таланта. И пирамидальные деревья. И каменистая иссохшая почва. И ступени к древнему храму. И люди, что волокут испуганную женщину.

Всё это — детали. Но Эми никак не удаётся повторить Его взгляд. Спокойный и усталый, но способный усмирить толпу и спасти девушку.

Панк с фиолетовым хаером выплёвывает ругательства, и она бьёт подонка по щеке.

Заброшенная церковь на холме...

Картины прошлого мелькают всё быстрее, смазываются как акварель под дождём. Вот она уже не подросток, а ребёнок. Вот уже не ребёнок, а дитя. Эми бежит и спускается к началу начал. К первому воспоминанию. К истоку.

Открывается дверь. Эми видит мальчика, своего ровесника. Тот сидит на красном пушистом ковре, играет солдатиками.

Джек.

Малыш встаёт и улыбается как ребёнок, который долгие месяцы ждал возвращения отца с очередной войны. Бросается к нему, но замечает Эми и замирает.

Джек ошарашен, о чём-то спрашивает папу. Но Эми ещё не знает английского и не понимает названного брата.

Откуда-то сверху, из-за спины, звучит ответ. Это Майкл Моро. Приёмный отец.

Джек наклоняет голову на плечо, чуть прикусывает губу, а затем улыбается, берёт за руку и ведёт по ступеням наверх — показывать свои игрушки.

На этом — всё заканчивается.

Ей четыре года и она не помнит ничего из того, что случилось до переезда в Америку. Остаётся лишь дорога назад по тропе воспоминаний. В настоящее.

Эми разворачивается. Пора возвращаться.

И тут взгляд цепляется за... неправильное.

В дальнем углу пол испачкан грязью. Но её приёмная мама всегда поддерживала в доме идеальную чистоту, и... такого просто не могло быть!

Эми подходит ближе. В паркет врезан люк из криво сколоченных досок. Дерево старое, почерневшее, в красноватых потёках, и отпечатках чего-то... Эми пятится, но почему-то лишь приближается к этому порождению ужаса и зла.

Нельзя убегать вечно.

Тогда она делает шаг вперёд и оказывается на краю бездны. Люк откинут. И тьма внизу.

Эми бросается вниз как самоубийца в колодезь.

Песок.

Горячий песок обжигает точно уголья. Из пересушенной каменистой пустыни веет жаром и Эматалла убегает в тень навеса. Вокруг шум, голоса, смех...

Свадьба. Люди радуются, откуда-то доносятся звуки бубна, а воздух полнится вкусными ароматами... Вчера ей исполнилось четыре года — теперь не прогонят домой!

Эматалла хочет догнать толпу, но что-то влечёт её прочь, смутное предчувствие заставляет выбежать на задний двор и поднять глаза к небу.

Оно приближается: опасное, смертоносное. Где-то там, в вышине, неразличимое с земли, но отлично видящее их всех. Её зовут, но она, как околдованная, уходит, прикрывает глаза ладошкой, вглядывается в безоблачную даль...

Опаляющий ветер сначала подхватывает, а затем превращается в пустынного дьявола, впивается в рот, высасывает из лёгких воздух и швыряет оземь как надоевшую игрушку.

Эми поднимает голову, и тьма стекает с неё ручейками обжигающего песка. Она будто выкапывает себя из бархана и встаёт на ноги. Уши разрывает мучительный свист. Солнце едва пробивается сквозь клубы пыли, что забивается в нос и скрипит на зубах.

В небе мелькают тени. Они грохочут стально. Закованные в броню драконы в ярости бьют крыльями и погружают деревню в отливающий кровью самум.

Её рвёт. Дышать становится легче, но тут же накрывает запахом гари и палёного мяса.

Крики.

Где-то забивают гвозди. Нет. Это выстрелы.

Длинное платье изорвано и тлеет на рукаве. Вокруг обломки кирпича, покорёженная кровля, мусор и всё то, что скапливается в домах людей, которые живут в оазисе на краю пустыни.

Эми смотрит на Эматаллу.

Бредёт среди руин вслед за собой. Чем ближе к центру деревни — тем больше тел.

Девочка зовёт кого-то, но Эми не понимает себя. Тот язык давно забыт.

Страшные фигуры раздирают пылевую бурю как призраки, что впитывают песок и превращаются в увешанных оружием солдат.

Первый опускает винтовку и поднимает руку, останавливает отряд. Бойцы растеряны, словно ожидали встретить не мирных жителей, а ожесточённое сопротивление террористов.

Командир опускается на колени.

Всё замирает.

Его глаза. Много лет они будут смотреть на неё с любовью. Но сейчас в них лишь горечь, вина и бессильная ярость.

Эми кричит и...

Вскакивает с кресла.

Обрывки проводов свисают с ледяного обруча, что сжимает голову как хрустальный венец. Делает шаг, падает...

Люди в белых халатах подхватывают и усаживают обратно.

— Эми! — встревоженное лицо Маргариты Беловой возникает за спинами учёных.

Вспомнила! Словно кто-то взорвал плотину, которая отделяла её от себя. Вспомнила... Хотя Марко обещал совсем другое.

Он позвонил вчера, а этим утром ждал у входа в омарет.

Кивнул, словно бы и не заметил, как подрагивают её плечи, а зубы сжаты будто тиски. Ему-то легко — с детства привык сливаться с Омегой и получать необходимые знания.

По дороге к исследовательскому центру Марко успокаивал, но Эми не прислушивалась. Страшно. Как первый раз в жизни оказаться на приёме у зубного врача. Вроде бы и знаешь: бояться нечего, но всё равно хочешь убежать из кабинета, пропитанного странными запахами. А ведь открывать разум неведомой сущности куда опаснее, чем доверять местному стоматологу!

По словам Марко, результаты обследований доказывают — переход сквозь точку разрыва пространства-времени изменил её. Возможно — наделил уникальной способностью контакта с Омегой. Впервые в истории появился шанс на синхронизацию проточеловека и дремлющей Силы. А ведь сознание людей из прошлого ближе по структуре к разуму современных ортодоксов... И в теории слияние невозможно.

А что если после эксперимента она потеряет себя? Если откажет оборудование и таинственная Омега поглотит её личность? А вдруг отторгнет как угрозу? Ещё сотрёт, будто вирус из памяти компьютера. Ведь в глазах местных жителей она извечный враг, троянский конь коварных Малаах.

Ногти впились в ладони.

Зря. Зря согласилась на эксперимент. Учила бы местное наречие по старинке. Справилась бы как-нибудь сама...

— Не бойся, — в очередной раз попросил Марко. — В худшем случае — ничего не произойдёт.

— Надеюсь, — Эми отвернулась и уставилась в окно автомобиля.

Но произошло.

Доктор Белова — невысокая полноватая девушка чуть старше двадцати лет — сняла с головы Эми обруч синхронизации.

— В чём дело? — голос Марко донёсся откуда-то сзади. Эми хотела, но не могла повернуть голову. Ассистенты Беловой ещё отсоединяли провода и датчики, оплетавшие её руки и голову серебристой паутиной.

— Сбой неясного происхождения, — Маргарита Белова, или Рита, как она просила себя называть, взъерошила короткие волосы и хмыкнула. Белый халат, умные глаза человека, который знает себе цену и легко оценивает других. Эми до сих пор не могла поверить, что столь молодая девушка занимает место ведущего эксперта «Сигмы» в вопросах сопряжения человека и Омеги.

Марко подошёл ближе.

— Оборудование вышло из строя почти сразу после начала синхронизации, — Маргарита поглядывала на офицера краем глаза и что-то отмечала на экране планшета. — Но, судя по данным об активности мозга Эми, слияние произошло.

— Такое случалось ранее?

— Нет. Раз оборудование не генерирует поле синхронизации, то контакт с Омегой невозможен.

Доктор Белова повернулась к Эми и произнесла несколько слов на незнакомом языке.

И что это значит?!

Маргарита отложила планшет и помогла ассистентам снять последние датчики:

— Я сейчас поздоровалась и спросила как дела. Если бы слияние произошло в полном объёме — ты бы мне ответила.

— Ты что-нибудь увидела, Эми? — спросил Марко.

— Да, — она кивнула. — Но... Это личное и я пока не хочу рассказывать.

— Я же говорила, — Маргарита стукнула кулаком по ладони. — Я смогла установить контакт между проточеловеком и Омегой! Впервые в нашей истории! Пусть знания не передавались, но шёл другой обмен. Без оборудования. Раньше об этом оставалось только мечтать!

Доктор Белова походила одновременно и на безумного учёного, раззадоренного неожиданным успехом, и на молоденькую ассистентку профессора, которая наконец-то обошла учителя.

— Понимаешь, что это означает?! — она подошла к Марко и коснулась его ладони.

— Да. Во всех смыслах. Обсудим позже.

Маргарита нахмурилась. Казалось, девушка расстроилась из-за того, что молодой офицер не похвалил, не разделил её радости, а лишь ограничился кивком, словно другого и не ожидал.

Хм, общаются так, будто одни в комнате!

— Извини, Эми — Марко перехватил её взгляд и улыбнулся. — Говорим так, словно тебя здесь нет. Идём, хватит на сегодня опытов.

— Я бы хотела провести ещё один тест, — вмешалась Маргарита.

— Через несколько дней, — решил Марко.

— Можно и сегодня, я не устала, — вставила Эми.

— На тебя глядеть страшно. Бледная, точно с призраком столкнулась. Не знаю, что именно ты увидела, но лучше как следует отдохнуть перед следующей попыткой. Не спорь, я отвезу тебя домой.

Эми оглянулась на Маргариту. Останавливаться на полпути не хотелось. Но и Марко прав: если она загонит себя как измождённую лошадь, то кто же поможет Джеку?

Доктор Белова присела на стул и вывела на столешницу множество графиков и таблиц.

— Я собрала немало данных в ходе первой синхронизации. Для калибровки оборудования потребуется около часа, — сказала она, покусывая кончик стилуса. — Если вернёшься к тому времени, мы продолжим эксперимент. Если же ты, Эми, почувствуешь, что нужен отдых, то встретимся через пару дней.

— Хорошо, — Марко направился к двери. Эми последовала за куратором.

Исследовательский комплекс «Сигмы» занимал несколько кварталов на окраине Бельха.

Если бы Эми заранее не рассказали о научном городке, она никогда бы не догадалась, что здесь, под зелёными лужайками, каскадами фонтанов и тенистыми аллеями, которые вели от одного увитого плющом здания к другому, скрываются десятки лабораторий и сотни учёных.

Никаких заборов. Никаких солдат. Лишь скромные таблички с незнакомыми буквами и неизменным знаком математической суммы. Гуляй она по Бельху в одиночестве — прошла бы мимо, приняла бы за очередной университетский парк или кампус.

Так не похоже на военные базы и комплексы где служил приёмный отец...

Марко лишь усмехнулся, когда она спросила об охране, колючей проволоке и контрольно-пропускных пунктах. «Мы не возражаем, если враг сам приползёт в ловушку. К встрече готовы», — бросил он привычным самоуверенным тоном.

Вот и теперь, куратор хоть держался рядом, но сложил руки за спиной, обогнал на полшага. И наверняка не сомневался, что она как послушная девочка следует за ним.

Солнце припекало, и они свернули в густую тень каштановой аллеи. Хорошие лавочки занимали либо отдыхающие учёные, либо группки студентов-практикантов, хотя отличить первых от вторых без помощи Марко оказалось непросто. Обритый налысо парень с серьгой в ухе мог оказаться светилом науки, а вероятность встречи с пожилым седым профессором в твидовом пиджаке равнялась нулю.

Окружающие исключительно молоды, впрочем, как и она. Вот только новый мир не избежал ошибок, которые уничтожили старый. Люди всё так же воюют, а не ищут компромиссы. Если Омега открыла ей правду, то...

— Расскажешь, что увидела в Омеге?

Вопрос застал врасплох. Эми вздрогнула как от порыва холодного ветра.

— Ты не поймёшь.

Марко едва заметно кивнул. Если бы тот принялся настаивать, расспрашивать, она бы замкнулась, но молчание юноши и сквозившее в нём уважение к чужим тайнам заставили говорить. И стоило начать, как поняла: ей давно не хватало подобного слушателя.

Она рассказала и заново пережила всё.

И путешествие назад по дороге памяти.

И первое воспоминание, которое оказалось далеко не первым.

И бойню в дереvушке на краю пустыни.

— Ясно, — Марко присел на лавочку у фонтана. — Потрясение от синхронизации с Омегой взломало старые барьеры и разбудило подавленные воспоминания.

— Да, наверное...

— Ты как, справишься? Если хочешь, найду хорошего психолога.

— Не стоит. Он скажет лишь то, что я итак знаю.

Марко хмыкнул:

— Не спеши отказываться, иногда они действительно помогают.

— Ты не понимаешь! Я не хочу забывать. Не желаю прятаться от воспоминаний. Я итак слишком долго не знала правды!

Юноша промолчал.

Она проследила за взглядом парня. Марко смотрел вдаль, туда, где солнце играло в струях фонтана и каплях воды как в россыпи бриллиантов.

Внезапная догадка поразила Эми:

— Тебе тоже довелось потерять семью?

— Да, — он искоса взглянул на неё, а затем отвернулся. — Мы служили вместе. Любили друг друга. Но однажды меня не оказалось рядом и «Отверженные» убили мою... Я лишился души, а наши дети матери. И тогда я ожесточился, начал получать удовольствие от ликвидации повстанцев. И потребовалась сторонняя помощь, чтобы понять: я сражаюсь с «Отверженными» не ради мести, а для защиты Омеги.

— Извини, — Эми коснулась запястья Марко. — Мне очень жаль.

— Спасибо. Как бы там ни было, но она слилась с Омегой и когда-нибудь я уйду следом. Так что всё не так уж безнадежно, — он встретился с Эми глазами. — Надеюсь, ты тоже справишься с правдой о приёмном отце.

— Он не виноват!

— Разве?

— Да. За всю жизнь я не видела от папы ничего кроме любви.

— А кто виноват?

— Не знаю, — Эми запнулась, стало трудно дышать. — Наверное те, кто принимал решения. Те, кто обманывал хороших людей и отправлял их в дальние страны, чтобы убивать других хороших людей. Те, кто объявлял врагами чужие народы лишь за то, что у них были свои взгляды на жизнь. Те, кто извращал идеи справедливости, демократии и свободы ради власти и денег.

Эми заметила, как брови Марко сошлись над переносицей.

— Подобных личностей хватает и в нашем времени, — буркнул он.

— Ты про «Отверженных»?

— Да. Фанатики много рассуждают о свободной воле, но признают лишь свой взгляд на этот вопрос. И применяют силу, чтобы избавиться от несогласных. Чтобы сломить нас, чтобы возродить ложное понимание идеалов, которые однажды привели к гибели Земли.

— Наверное, ты прав, — Эми вздохнула. — И пока Джек в руках «Отверженных» мне нельзя оставаться слабой. Идём! Наверняка Рита закончила калибровку оборудования. Будем работать до тех пор, пока не добьёмся успеха!

Больше книг на сайте - Knigolub.net